

16+

ISSN 0130-3414

Литература в школе

Literature at School

2024
№ 6

Издается с 1914 г.
Выходит 6 раз в год

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

5.8. Педагогика

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания

5.9. Филология

5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации

5.9.2. Литература народов мира

5.9.3. Теория литературы

5.9.4. Фольклористика

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-77236 от 20 ноября 2019 г.

Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу «Пресса России» – **73227**.

Адрес редакции: 119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, каб. 307

Сайт: www.litsh.ru

E-mail: mail@litsh.ru

Издание подготовили к печати:

редактор А.А. Алексеева

переводчик М.А. Соколова

макет, компьютерная верстка Н.А. Попова

Подписано в печать 15.12.2024 г.

Формат 70×100 1/16. Гарнитура «PT Serif».

Объем 8,0 п.л. Тираж 1000 экз.

© МПГУ, 2024

iterature at School

ISSN 0130-3414

2024
№ 6

Литература в школе

The journal has been published since 1914
The journal is published 6 times a year

The Founder and Publisher:

Moscow Pedagogical State University (MPGU)

It is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommends to PhD candidates and those working on their habilitation who wish to publish the results of their research

Mass media registration certificate ПИ № ФС77-77236 as of 20.11.2019

Editorial office: Moscow, Russia, Malaya Pirogovskaya str., 1, room 307, 119435

E-mail: mail@litsh.ru

Information on journal can be accessed via: www.litsh.ru

© MPGU, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Виктор Фёдорович Чертов – доктор педагогических наук, профессор; заведующий кафедрой методики преподавания литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Елена Ивановна Белоусова – кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры методики преподавания литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Ответственный секретарь

Наталья Игоревна Фоменко – старший лаборант кафедры методики преподавания литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Диана Владимировна Абашева – доктор филологических наук; профессор кафедры русской классической литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Ирина Николаевна Арзамасцева – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Олег Михайлович Буранок – доктор филологических наук, доктор педагогических наук, профессор; заведующий кафедрой русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия

Елена Олеговна Галицких – доктор педагогических наук, профессор; заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия

Михаил Михайлович Голубков – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Нина Алексеевна Дворяшина – доктор филологических наук, доцент; главный научный сотрудник лаборатории литературоведческих и лингвистических исследований, Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут, Россия

Валерий Анатольевич Доманский – доктор педагогических наук, профессор; заведующий кафедрой педагогических инноваций и психологии, Санкт-Петербургский Институт Бизнеса и Инноваций, г. Санкт-Петербург, Россия

Сергей Александрович Зинин – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Светлана Вениаминовна Иванова – доктор философских наук, кандидат педагогических наук, профессор; научный руководитель Института стратегии развития образования, Российская академия образования, г. Москва, Россия

Александр Геннадьевич Кутузов – доктор педагогических наук, профессор; ведущий эксперт Московского центра развития кадрового потенциала образования, г. Москва, Россия

Резеда Фаилевна Мухаметшина – доктор педагогических наук, профессор; декан Высшей школы русской и зарубежной филологии Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Олег Юрьевич Поляков – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия

Ленка Розбюдова – доктор философии; заведующий кафедрой русистики и лингводидактики Педагогического института, Карлов университет, г. Прага, Чешская Республика

Ирина Витальевна Сосновская – доктор педагогических наук; профессор кафедры филологии и методики Педагогического института, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Людмила Александровна Трубина – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Валерий Павлович Трыков – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры всемирной литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Алексей Владимирович Фёдоров – доктор филологических наук; главный редактор издательства «Русское слово»; учитель литературы средней школы № 1516, г. Москва, Россия

Оксана Леонидовна Филина – доктор педагогики, профессор, Балтийская международная академия, г. Рига, Латвия

Елена Николаевна Чернозёмова – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры всемирной литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Елена Геннадьевна Чернышева – доктор филологических наук, профессор; директор Института филологии, заведующий кафедрой русской классической литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Марина Ивановна Щербакова – доктор филологических наук, профессор; заведующий отделом русской классической литературы, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской Академии наук, г. Москва, Россия

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Victor F. Chertov – ScD in Education, Full Professor; Head of the Methods of Teaching Literature Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Deputy Chief Editor

Elena I. Belousova – PhD in Education; Assistant Professor at the Methods of Teaching Literature Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Executive secretary

Natalya I. Fomenko – Senior Assistant at the Methods of Teaching Literature Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Irina N. Arzamastseva – ScD in Philology, Full Professor; Professor at the Russian Literature of the XX–XXI centuries Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Oleg M. Buranok – ScD in Philology, ScD in Education, Full Professor; Head of Russian and Foreign Literature and Literature Teaching Methodology Department, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

Elena O. Galitskikh – ScD in Education, Full Professor; Head of Russian and Foreign Literature and Teaching Methodology Department, Vyatka State University, Kirov, Russia

Mikhail M. Golubkov – ScD in Philology, Full Professor; Head of the Newest Russian Literature History and Modern Literary Process Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Nina A. Dvoryashina – ScD in Philology, Associate Professor; Chief Researcher of the Laboratory of Literary and Linguistic Studies, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia

Valery A. Domansky – ScD in Education, Full Professor; Head of the Pedagogical Technologies and Psychology Department, Sankt-Petersburg Institute of Business and Innovation, Saint-Petersburg, Russia

Sergey A. Zinin – ScD in Education, Full Professor; Professor at the Methods of Teaching Literature Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Svetlana V. Ivanova – ScD in Philosophy, PhD in Pedagogy, Professor; Scientific Director of Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Alexander G. Kutuzov – ScD in Education, Full Professor; leading expert of Moscow Center for Development of Educational Personnel Potential, Moscow, Russia

Rezeda F. Mukhametshina – ScD in Education, Full Professor; Head of Leo Tolstoy Higher School of Russian and Foreign Philology, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Oleg Yu. Polyakov – ScD in Philology, Full Professor; Professor the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods, Vyatka State University, Kirov, Russia

Lenka Rozboudova – ScD in Philosophy; Head of the Russian Studies and Linguodidactics Department, Charles University, Prague, Czech Republic

Irina V. Sosnovskaya – ScD in Education; Professor at the Philology and Methodology Department, Pedagogical Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Lyudmila A. Trubina – ScD in Philology, Full Professor; Head of the Russian Literature of the XX–XXI centuries Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Valeriy P. Trykov – ScD in Philology, Full Professor; Professor at the World Literature Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Alexey V. Fedorov – ScD in Philology; Chief Editor of Publishing House “Russkoye slovo», Teacher of Literature at Secondary School № 1516, Moscow, Russia

Oksana L. Filina – ScD in Education, Full Professor; Baltic International Academy, Riga, Latvia

Elena N. Chernozemova – ScD in Philology, Full Professor; Professor at the World Literature Department; Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Elena G. Chernysheva – ScD in Philology, Full Professor; Head of the Institute of Philology, Head of the Russian Classical Literature Department, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Marina I. Shcherbakova – ScD in Philology, Full Professor; Head of the Russian Classical Literature Department, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

НАШИ ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ

Е.Г. Чернышева

Художественный опыт воплощения
национального литературного типа рядового воина
в «Рассказах русского солдата» Н.А. Полевого 11

А.И. Октябрьская-Кисничан

Нравственность как фактор национальной идентичности
в рассказе М.Б. Чистякова «Русская душа». 23

В.А. Мескин, О.М. Васярова

Русские поэты первой половины XIX века
в творчестве О.Э. Мандельштама 32

С.М. Заяц, Г.Н. Николаева

Семантическая роль мотива творения
в рассказе Ю.М. Нагибина «Сон о Тютчеве» 45

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТА РОССИИ

А.В. Давыдова

Образ деревни в Северном тексте русской литературы
начала XXI века для детей 53

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТА МИРА

Е.Н. Черноземова

Образ Купидона в английской драматургии
конца XVI века 69

М.В. Мясникова

Рецепция «Опытов» М. де Монтеня в творчестве
Дж. Барнса. 77

ПОИСК. ТВОРЧЕСТВО. МАСТЕРСТВО

Д.В. Панченко

Чтение как пространство духовного наследования 86

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ

Ю.Ю. Бондарев

Подкаст как медиаформат диалога с автором
(на примере изучения творчества И.А. Бродского). 97

МЕТОДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

*К 110-летию со дня основания
журнала «Родной язык в школе»*

Ю.В. Лазарев

Образ учителя на страницах журнала
«Родной язык в школе» (1914–1917 гг.) 106

СОБЫТИЯ. ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

*О Международном съезде учителей и преподавателей
русской словесности, посвященном 225-летию со дня рождения
А.С. Пушкина*

И.А. Подругина, Е.И. Белоусова

Ценностные ориентиры и продуктивные технологии
современного филологического образования:
диалог профессионалов 115

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ЛИТЕРАТУРА В ШКОЛЕ»
В 2024 ГОДУ 123

OUR SPIRITUAL VALUES

E.G. Chernysheva

Literary experience of actualizing the national literature type
of common soldier in “Told by Russian Soldier”
by N.A. Polevoy 11

A.I. Oktyabrskaya-Kisnichan

Morality as a factor of national identity
in M. Chistyakov’s short story “The Russian Soul” 23

V.A. Meskin, O.M. Vasiyarova

Russian poets of the first half of the 19th century
in the works of O.E. Mandelstam 32

S.M. Zayats, G.N. Nikolaeva

The semantic role of the creative motive
in the story “A dream about Tyutchev” by Yu.M. Nagibin 45

LITERARY MAP OF RUSSIA

A.V. Davydova

The image of the village in the Northern text
of Russian literature for children of the beginning
of the 21st century. 53

LITERARY MAP OF WORLD

E.N. Chernozemova

The image of Cupid in the English drama
of the late 16th century. 69

M.V. Myasnikova

The reception of M. de Montaigne’s “Essays”
in J. Barnes’ works 77

SEARCH. CREATIVITY. SKILL

D.V. Panchenko

Reading as the space of spiritual inheritance. 86

MEDIA EDUCATION

Yu.Yu. Bondarev

Podcast as a media format of dialogue with the author
(using the example of studying J.A. Brodsky’s oeuvre) 97

METHODOLOGICAL HERITAGE

On the 110th anniversary of the journal “Native Language at School”

Yu.V. Lazarev

The image of a teacher on the pages of the journal
“Native Language in School” (1914–1917) 106

EVENTS. REVIEWS. CRITIQUES

*On the International Congress of Teachers and Lecturers
of Russian Language and Literature,
dedicated to the 225th anniversary of the birth of A.S. Pushkin*

I.A. Podrugina, E.I. Belousova

Value guidelines and productive technologies
of modern philological education: Dialogue of professionals. 115

SUBJECT INDEX OF ARTICLES PUBLISHED
IN THE JOURNAL “LITERATURE AT SCHOOL” IN 2024 123

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-11-22

УДК 821.161.1

Е.Г. ЧернышеваМосковский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Художественный опыт воплощения национального литературного типа рядового воина в «Рассказах русского солдата» Н.А. Полевого

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть повесть Н.А. Полевого «Рассказы русского солдата» (1834) в аспекте становления значимого в русской литературной типологии образа русского воина в его народном, «низовом», демократическом варианте. Применяются методы сравнительно-типологического, историко-культурного и мифопоэтического анализа. Установлено: русский солдат изображен в широкой панораме исторических событий конца XVIII – начала XIX вв., что придает известную эпическую ноту как повествованию, так и образам воинов. Автор сумел воплотить процесс самоопределения бывшего крестьянина в солдатской среде, становления его национальной идентичности в свете российских ценностей и воинских идеалов, основываясь на романтическом художественном историзме. Сочетание разных повествователей, сказ, социально-психологическая мотивированность делают поэтику «Рассказов русского солдата» новаторской для переходного – от романтизма к реализму – времени, в образе главного героя усматривается тип «низового» труженика ратных дел Отечества, образ способен порождать некоторые культурные мифы. Делается вывод: образы русского воина демократического, народного происхождения из повести Н.А. Полевого оказываются «первообразом» ряда персонажей высокого воинского достоинства русской литературы XIX–XX вв., обладая серьезным мифогенным и этико-эстетическим потенциалом и наряду с другими участвуют в формировании национального культурного кода.

Ключевые слова: Н.А. Полевой, образ русского воина в произведениях литературы, общенациональный литературный тип, художественный историзм в литературе, романтизм, реализм, национальный культурный код

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Чернышева Е.Г. Художественный опыт воплощения национального литературного типа рядового воина в «Рассказах русского солдата» Н.А. Полевого // Литература в школе. 2024. № 6. С. 11–22. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-11-22

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-11-22

E.G. Chernysheva

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Literary experience of actualizing the national literature type of common soldier in “Told by Russian Soldier” by N.A. Polevoy

Abstract. The purpose of the article is to consider the novelet “Told by Russian Soldier” (1834) by N.A. Polevoy allied to the genesis of the relevant for Russian literary typology images of soldier in its national, folk, grassroots democratic variations. The comparative-typological, historical-cultural and mythopoeic methods are used. It is established that the Russian soldier is depicted within a wide context of the historical events in the end of 18th and beginning of 19th century. That gives an epic sense both to the narration and the characters. Based on romantic literary historicism, the writer managed to show the process of the self-determination of the countryman among the soldiers and his national identity development in terms of Russian national values and ideals of the military. The combination of different narrators, the people’s democratic language (“skaz”) and social-psychological reasoning make the “Told by Russian Soldier” innovatory for the period of transition from romanticism to realism. The main character can be interpreted as a type of common grassroots soldier. This image can also generate cultural myths. The author concludes that in the novelet by Polevoy, the character of the Russian soldier, a common person originally, became a prototype for the type of great military honour in Russian literature of the 19th – 20th centuries. This image has an ethical, esthetical and myths-generating potential. Among other factors, it contributes to the system of national cultural values.

Key words: N.A. Polevoy, the image of a Russian warrior in literary works, a pan-national literary type, artistic historicism in literature, romanticism, realism, national cultural code

CITATION: Chernysheva E.G. Literary experience of actualizing the national literature type of common soldier in "Told by Russian Soldier" by N.A. Polevoy. *Literature at School*. 2024. No. 6. Pp. 11 – 22. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-11-22

Образ воина, защищающего Отечество, был одним из значимых в русской литературе на протяжении всего ее развития. Он вошел в национальный культурный код, постепенно вырастая до культуuroобразующего общенационального литературного типа. Тип в данной работе понимается как присущий произведениям литературы и искусства «образ, в индивидуальных чертах которого воплощены наиболее характерные признаки лиц определенной категории»¹. Благодаря таким качествам образов русских воинов, как самоотверженность и подлинный патриотизм, данный литературный тип лег в основу ценностно-смыслового строя всей русской литературной традиции.

В древнерусских летописях, «Слове о полку Игореве», воинских повестях XII–XVII вв., поэмах, одах и иных лирических и драматических произведениях XVIII – начала XIX вв. изображались с разной степенью художественной выразительности и разными образными решениями русские князья, дружинники, полководцы, герои и воинская масса, – все те, кому была уготована миссия русского ратника. Безымянные или известные авторы вносили свой вклад в литературный арсенал образов защитников российского государства, Отечества.

Эпоха романтизма с ее небывалым вниманием к принципу историзма

подняла тему исторических баталий на новую высоту, и в русской литературе первой трети XIX в. появляются повести, романы и произведения других жанров, освещающие военные эпизоды давней или актуальной истории; поэтическим гимном русскому ратному подвигу в борьбе с наполеоновским войском стало стихотворение В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» (1812), а прославлением воинской доблести в победоносной русско-шведской войне петровской эпохи – поэма А.С. Пушкина «Полтава» (1828). Запросом времени становится разработка типа национального героя-воина, обладающего набором устойчивых черт. «Осмысление национального типа героя осуществляется сквозь призму адаптации русской истории к кругу постоянного чтения» в конце XVIII – начале XIX в. [1, с. 112]. В этом смысле роль произведений русских романтиков на историческую тему трудно переоценить [3–5].

Вместе с тем тенденции реализма, отчетливо проявившиеся в русской литературе с начала 1830-х гг., заявили о себе, в том числе, в появлении новых *социально-психологических типов*, обусловленных конкретно-историческими обстоятельствами, а также в более выраженной дифференциации и психологизации уже существующих литературных типов. Например, лишние люди в ряду образов молодых дворян, маленький человек в ряду образов чиновников и др.

¹ Лузянина Л.Н., Чернышева Е.Г. Историзм Пушкина // Пушкин. Школьный энциклопедический словарь. М., 1999. С. 1074.

(стоит ли говорить, что оба этих типа появились в творчестве А.С. Пушкина: в романе в стихах «Евгений Онегин» и повести «Станционный смотритель», хоть «поименование» этих типов состоялось позже). Так, образы военных только лишь в пушкинском и лермонтовском творчестве 1830-х гг. определились как различные типы: преданный долгу военный (служака), безнравственный провокатор, офицер-бретер и игрок (вплоть до игры с судьбой) и др.

Л.В. Чернец заметила: «Если в художественном воплощении характеров, знаменующих рождение нового типа, прерогатива принадлежит, как правило, классикам, то функцию его закрепления, проверки на прочность выполняют другие ряды, выделяемые в литературной иерархии», писатели, относящиеся к беллетристике, а также массовой литературе [8, с. 10]. «Как правило» – важное для нас замечание исследователя, так как появление типа рядового русского воина, солдата состоялось в творчестве литератора, традиционно относимого к писателям второго ряда – Н.А. Полевого. Образы, развивающие его в русской литературе, становятся (как и при «движении» и обогащении иных типов персонажей) *вариациями* этого *инварианта* (структуралистская терминология разделяется Л.В. Чернец при описании типа персонажа [7]). В данной статье помимо характеристики нового для русской литературы типа русского солдата (и/или младшего офицера, до которого могут дорасти рядовые), впервые объемно представленного Н.А. Полевым, будут обозначены некоторые образы из более поздних произведений русских писателей, содержащие вариативные возможности типа

или соотнесенной с ним сюжетной ситуации, находящиеся с прецедентным образом-типом в художественной переключке, интертекстуальной связи (вновь прибегаем к общерапространенной структуралистской терминологии).

Издатель одного из самых читаемых российских научно-литературных журналов, «Московского телеграфа», Н.А. Полевой известен как автор эпических и драматических произведений разной жанрово-тематической природы. Среди его повестей – светские, исторические, простонародные.

В сборнике «Мечты и жизнь», вышедшем в 1834 г., под заголовком «Рассказы русского солдата» были опубликованы не последовательно друг за другом две части этой простонародной повести «Крестьянин» и «Солдат».

В центре повествования – выходец из государственных крестьян, однодворцев, Сидор. Конфликт «Крестьянина» – романтическое противостояние личности и общества; сюжет, следовательно, содержит историю романтического отчуждения героя. Оно проявляется в стойком неприятии Сидора бездеятельными и апатичными, нередко голодающими, не укорененными в церковной жизни односельчанами, которые здесь выполняют роль традиционной романтической «толпы» в оппозиции героя и общества. Романтический канон проявляется также в родительском проклятии, в отчаянном, но свободном тайном браке с дочерью зажиточного крестьянина, в традиционном романтическом бегстве героя. Оно воплощено в новаторском сюжетном ходе: Сидор добровольно идет в солдаты, берет на себя рекрутскую повинность. Но отношения Сидора с односельчанами обречают дополнительную яркую краску:

повесть содержит элемент романтической идеализации общинных нравов, «народного духа»; над героем довлеет опыт крестьянской жизни «под одним небом божьим» [2, с. 147]. Это проявление общинного сознания, в какой-то мере свойственного герою, а также «братское», христианское мироотношение, станет тем зерном, которое прорастет в иной конфликт и станет инвариантной чертой типа русского солдата.

Во второй части («Солдат») реализуется конфликт, несущий на себе приметы реализма: противостояние героя и среды разрешается привыканием героя и обретением новой идентичности: Сидор начинает ощущать и видеть себя частью не только семьи, «своей стороны», но и всей русской земли, русского воинства. Формирование этой новой самодостаточности и слитности с социумом, по сути – формирование нового типа – русского солдата, преданного Отечеству, реализуется на разных уровнях поэтики: сюжетно-композиционном (развитие действия, повествовательный строй, совмещающей несколько субъектов повествования), речевом (приемы сказа, связанные с повествовательным строем), пространственно-временном; с очевидностью отражается принцип художественного историзма². Он был реализован в исторических повестях и романах Полевым как писателем-романтиком и по-новому претворен в предреалистическом повествовании во второй части «Рассказов русского солдата».

В повествовательном строе совмещены точки зрения [6] несколь-

ких субъектов повествования. Прежде всего – это воспоминания Сидора-старика и «актуальные» для описываемых событий высказывания молодого Сидора (эта модель осложнена развернутой речью автора-повествователя и «фольклорно»-героического фельдфебеля). Совмещение двух «точек зрения» одного персонажа (Петра Гринева) – постаревшего участника событий и молодого военного, верного слуги армии, Отечеству и самодержавию – будет развито с поразительным художественным результатом в «Капитанской дочке» (1836) А.С. Пушкина. Но если и военно-историческая, и семейно-любовная сюжетная линии органично соединены в романе Пушкина, то у Полевого в части «Солдат» вторая практически исчерпывает себя, лишь фрагментарно давая о себе знать.

Значимо развернутое описание процедуры «забрития лбов», типичной для рекрутского набора в русской армии сцены, небезуспешной в передаче психологии солдатской массы. Начиная со слов «...вдруг бледнел товарищ...» следует «нанизывание» эпизодов этого стандартного мероприятия, сопровождающееся, однако, нагнетанием эмоционального напряжения, взвинченного состояния рекрутов, набившихся в приемную казенной палаты, где и шел набор, и толпы свидетелей, родных и зевак. Этому своеобразному «репортажу», в чем-то наследующему сюжетно-образный строй главы «Городня» из «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева и прокладывающему путь «дагерротипным» оттискам профессионального быта в физиологических очерках, контрастирует лаконичное начало: «Мы сами скоро пригляделись...», –

² Кожин В.В. Историзм // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 321–324; Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 499.

характеризующее стирание, притупление чувств новобранцев. «Ведь ко всему привыкнуть можно, правое слово, ко всему» [2, с. 412], – рефреном звучит в повести реплика Сидора.

Но автору важно показать нелинейность пути от крестьянина к солдату: эпизод последней встречи с женой, когда новобранец Сидор бросился в реку, чтобы доплыть до парома и увидеться с едва живой Дуняшей, придает психологизм и драматизм непростому процессу идентификации героя с солдатской массой.

Но Сидор уже включен в новую систему отношений, где нет места импульсивным действиям. В сознание солдата внедряются новые правила поведения в иной, военной, жизни: «Капрал схватил меня за ворот и сердито закричал:

– Как смел ты, бездельник! <...> Какая у солдата жена, кроме ружья! Мочить в воде, портить – казенную амуницию... Вот я тебя научу...» [Там же, с. 416]. Драматична следующая за этим диалогом сцена: «Но – ударили, забили в барабан, и мы отправились в поход; мне нельзя было и оглянуться, посмотреть: стоит ли еще Дуняша и смотрит ли на меня...» [Там же, с. 420]. Мысль о личном горе замирала, когда Сидор «видел своих товарищей, видел, что ... не один» [Там же]. Не раз герой в своих страданиях будет апеллировать к другим солдатам, своим товарищами: «Не диво, коли солдаты крепко стоят друг за друга: их связывает одинокая участь, их дружит общая судьбина, общая дума, что нет у них ни отцов, ни матерей, ни роду, ни племени, ни впереди надежды, ни назади памяти – приютиться негде, завидовать некому, думать не о чем, лег – свернулся, встал – встрях-

нулся – весь тут!» [Там же]. Экзистенциальный план психологической прорисовки характера, фундирующего тип солдата как субъекта коллектива товарищей, выглядит новаторским: индивидуализация не противоречит типизации, а придает вариативность инвариантной основе.

В третьей главе повествование будет сосредоточено не на внутренних, психологических аспектах персонажа, а на изображении внешних обстоятельств, важнейших событий хода истории, упрочивших формирование устойчивых черт анализируемого литературного типа.

Перед читателем проносятся картины военных катаклизмов и многочисленных баталлий, которые вела Россия в конце XVIII – начале XIX в., упоминания о военных походах, подробнее или лаконичнее – о роли полководцев (А.В. Суворов, П.А. Румянцев, Г.А. Потемкин, П.И. Багратион), императоров (Наполеон, Александр I и др.).

Со страниц повести встают примеры воинской отваги, солдатской сметливости, жизнестойкости русского человека, картины сурового солдатского быта и т.д. Благодаря им повествование приобретает некоторую эпическую широту и социально-психологический объем: раскрывается существование личности в сфере групповой психологии, армейских этики и этикета, реальных (но не свободных от мифологизации) исторических событий и поданных как достоверные вымышленных ситуаций.

Суровые условия казарменной жизни, муштра, палочная дисциплина, воспринимаются стоически, мужественно, даже как норма: «Палка реже других гуляла по моей спине. Без палки нельзя, ваше благородие...» [Там же, с. 421].

По воле автора Сидор успешно овладевает и другими премудростями солдатской науки, и даже не теряет своего лица: выбивается в унтер-офицеры. Себя-крестьянина Сидор воспринимает теперь как человека неразвитого, далекого от осознания государственных нужд, ограниченно-го. Грамотность – одно из «жизнеподобных» объяснений относительно развитого самосознания выходца из народной среды.

Обретение собственного воинского достоинства требует нового опыта, и это декларируется рассказчиком Сидором-стариком, словно в публичном выступлении – с использованием особых риторических приемов. «Но кто век свой провел в казарме да на ученье, тот еще плохой солдат, в половину солдат, в четверть солдат, как говорил наш отец Суворов. Нет! Для полного солдата надобно побывать в походе, помыкаться на чужой стороне, окуриться порохом, поджариться на огне» [2, с. 421]. Так заявляет о себе мимико-артикуляционный сказ, описанный Б.М. Эйхенбаумом применительно к повестям Н.В. Гоголя второй половины 1830-х гг. [10]. Художественная задача последующего повествования – показать, как человек становится «полным солдатом», для чего разворачивается кумулятивная (походно-бивуачная) часть сюжетного развития и все более отчетливо – сказовая манера повествования.

В преддверии рассказа о собственном боевом опыте Сидора содержится значительный повествовательный пласт: рассказы «старого служивого», «лихого фельдфебеля» Зарубаева, участника еще русско-турецких войн XVIII в. Это и рассказы о «тонкостях» царской дипломатии, полу-

чившей оригинальную интерпретацию в подаче фельдфебеля, о войнах времен Екатерины и Павла (упоминаются сражения под Кагулом и главнокомандующий Румянцев, штурм Измаила под командованием Суворова), что тоже способствует «эпизации» повествования. Да и сам образ Зарубаева ориентирован на богатырские образы русского народного эпоса, а также христианской мифологии. Старый воин наделен необычайными физическими, моральными и интеллектуальными способностями. «Этакий был солдат, чудо, с каменной грудью, с золотым языком – златоуст, да и только! И обо всем был мастер говорить» [2, с. 425]. Эпитет «каменная», возможно, в данном случае является отголоском характерного для исторических преданий мотива рождения героя от горы, камня, включения его в систему каменных объектов. Аллюзия на образ православного оратора, константинопольского архиепископа Иоанна Златоуста, чьи речи отличались особой выразительностью, существенно укрупняет образ, подчеркивает силу влияния старого воина.

На Зарубаева автором возложена миссия передачи воинского опыта, солдатской мудрости, знания «дедов» новобранцам. Вспоминая о собственном «боевом крещении», Сидор мысленно обращается к «эталонному» Зарубаеву: «Я не похвастал бы перед Зарубаевым, если б сказал, что не кланяюсь ядрам» [Там же, с. 430]. Осмысление схожести с ним – критерий происходящих в герое изменений до степени «полного солдата». Образ Зарубаева остается в сознании героя неким идеалом.

Очевидны ценностные, сюжетно-композиционные и стилевые, риторические аналогии с героями

лиро-эпического стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино» (1837): полковника, старого солдата-рассказчика, солдатской массы. Романтизировано в духе воинских фольклорных моделей и народно-христианских преданий изображение гибели Зарубаева. «Ну, Сидор, прощай, брат! <...> Учись умирать по-солдатски – видишь; как! Твори молитву, вытянись в последний раз, явись к богу молодцом, и как спросят на переключке у господ, отвечай: “Лег за матушку Россию и за веру православную...” Господи, помилуй!..» [2, с. 429].

Христианский смысловой код скрепляет все повествование, изображение бытовых или батальных картин. Так, в рассказах Сидора о военных походах упоминаются имена святых, всякий раз они органично и ненарочито вплетены в повествование. Георгий Победоносец упоминается в связи с первым боем Сидора весной *после Егория* – во время первых столкновений с французами под командованием Суворова, а сам полководец молится перед строем Николаю Чудотворцу. Провиденциальная идея лежит в основе ценностно-мировоззренческого строя художественного мира повести, ею поддерживается мироощущение героя во всех выпавших на его долю испытаниях.

В дальнейшем повествовании с очевидностью проявляется динамика характера русского солдата. При изображении итальянского похода русской армии на фоне знакомства с «чужим» миром в герое происходит осознание своей русскости. В словах Сидора о заграничных землях видится патриотизм, национальная гордость, даже осознание некоторой своей национальной избранности, русское великодушие и терпимость.

Автору важно показать нестандартность, свежесть восприятия нерусского быта, жизненного уклада крестьянским, демократическим сознанием: «Нагляделся я чудес и диковинок» [Там же, с. 427] и т.д. Наивное, с точки зрения развитого читателя, восприятие, и рассказ о нем создает комический эффект, который достигается различными речевыми приемами. Прежде всего, это насыщенные речи варваризмами, в том числе индивидуально-авторскими. Здесь налицо идеологическая и культурная повествовательная дистанция между автором-повествователем и основным рассказчиком повести, характерная для сказового типа повествования, реализуемого в повести в разных формах [9, с. 56–57, 70–82].

Обращение («Но итальянская земля, *ваше благородие*, еще мудрее»), театральные жесты рассказчика («немец снимет шляпу и поклонится») создают у читателя иллюзию присутствия на некоем повествовании – представлении. Так поддерживается мимико-артикуляционная разновидность сказа [6].

Обогащает тип солдата варьирующийся в повести мотив встречи простого солдата с историческим лицом. При передаче облика Суворова и Наполеона (встреча во время заключения Тильзитского мира) и в их оценках Сидором проявляется облик самого русского героя-солдата.

Мифологизация как одна из черт романтического историзма очевидна – с разными знаками оценки в обеих встречах.

Встреча с Суворовым несет на себе отзвук традиционного для фольклорного предания мотива «Приезд исторического лица». Полевой мог ознакомиться с некоторыми из преданий

по книге Вас. Левшина «Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни Суворова», выдержавшей несколько изданий в первые десятилетия XIX в. Солдат обращает внимание на демократизм Суворова: «Из див диво: старичишко, худенький, седенький, маленький, в синей шинели, без кавалерий, на казацкой лошади поворачивается в седле направо, налево, а за ним генеральства – гибель. Но как он подъехал, как заговорил, так и узнал: отчего солдаты его любят...» [2, с. 428]. «Рассказы...» не единственная повесть, где разрабатывается образ Суворова [1]. Значима параллель с эпизодом из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир» – смотр войск под Браунау, в котором участвуют Кутузов и австрийский генерал. Та же простота главнокомандующих, та же любовь солдат к ним, многочисленные свиты – общая модель релевантна историческим реалиям и повествовательному канону, но облик Суворова у Полевого фольклорно-каноничен, мифологизирован.

Встреча же с Наполеоном имеет явную комическую составляющую (а сатирическая нота присутствует и при описании пира императоров и королей). Сидор с его народно-религиозным сознанием разными способами подчеркивает дьявольскую природу французского императора, проступают мифопоэтические черты персонажа [9, с. 65]. Наивная оценка и «русский» взгляд на ситуацию бытовой встречи с иноземцами придают устойчивые черты складывающемуся типу, которые будут развиваться и в сторону иного сословного типа: наивного, но укорененного в любви к России мастерового («Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе» Н.С. Лескова).

Эпизод подписания Тильзитского мира на излете солдатской службы Сидора демонстрирует укрепление в главном герое солдатской любви не только к полководцами (кроме А.В. Суворова здесь представлен как «солдатский» генерал П.И. Багратион), но и к русскому царю, выраженной в сентиментальном ключе: «Александр Павлович был такой добрый до солдат, да ведь *император*, то есть *земной бог*, ваше благородие, нельзя не побояться, хоть рад душу за него положить!» [2, с. 435].

Композиционно перекликаются друг с другом эпизоды первого и последнего боя Сидора.

Первое сражение – опыт воспроизведения эпической картины крупной батальи глазами рядового ее участника и тонкое описание переживания солдата-новичка. Пережитое, увиденное и услышанное сначала производит на Сидора шоковое впечатление. Оно передано в прерывистой речи Сидора, состоящей в нагромождении несопоставимых синтаксических конструкций, очевидно также использование экспрессивных фонетических и лексических приемов в панорамном воссоздании боя [Там же, с. 429].

Из невменяемого состояния, очень понятного, естественного для человека, попавшего в батальную «мясорубку», выводит Сидора уже привычный для него гипноз команды, боевого клича: «А между тем нам кричат одно: «Держи строй! Смыкайся! <...> И поверите ли: весь страх у меня тогда пропал» [Там же, с. 429–430]. Автор наделяет Сидора новыми чертами, рожденными смертельным сражением: непримиримость к врагу, отсутствие колебаний в выборе средств, воодушевление и торжество победы, оплаченной высокой ценой:

«Ох! была тут потеха – натешилась душа! Чего тратить казенные патроны! ближе к делу – прямо через огорожу да штыком... Сробеет! Ведь не русский!» [2, с. 430].

Важная перспектива развития этой стороны нарождающегося типа – массовый героизм защитников Севастополя, мужество преодоления смертельных угроз, тяжелых ранений в «Севастопольских рассказах» Л.Н. Толстого, в изображении батальных сцен в «Войне и мире», в частности – эпизоды на батарее генерала Раевского, где артиллеристы демонстрируют самоотверженность, а батальное воодушевление проявляется в молниях скрытого огня патриотизма в глазах воинов.

Последний бой Сидора и описание госпиталя, где ему ампутируют ногу, преисполнены трагизма и натуралистичности. И вновь в сознании героя значима ориентация на товарищей!

Выходом для Сидора становится не инвалидный дом, который обеспечивается государством, а свободный поиск собственной доли, если не на родине, где его некому уже ждать, то вдали от нее на скромной казенной службе. Однако горечь от итогов солдатского бытия, всей судьбы, неоднократно повторяется в лаконичных «грустно», «таково густливо стало мне» и др.

Композиционным прологом к этому финалу выступают размышления героя о причинах солдатской жестокосердности в начале части «Солдат». Точнее, это лирико-философское отступление одного из повествователей – Сидора-старика – в структуре «актуальных» для описываемых событий высказываний и мировидения молодого Сидора. Мотивы утопического настоящего и будущего вопло-

щают солдатскую мечту (если бы солдаты услышали, как говорит «...хоть один добрый человек... <...> “Брат, приятель! Не кручинься: таков, видно, твой жребий, чтобы послужить отечеству за церковь божию, за батюшку государя, за свою братию христиан! Не кручинься, что тебе пришлось отстаивать грудью землю русскую! Царь тебя будет миловать и миловать. Воротишься ты потом на свою сторону <...> а земляки твои тебя чествуют и заслушиваются твоих рассказов о том, где бывал ты, что видал ты, как бил ты врагов поганых сильного царства русского” <...> Слышит ли когда-нибудь солдат подобное слово? А еще жалуются, что иногда, с сердцов, солдаты расплачиваются по-своему... Рассудите-ка поближе...» [Там же, с. 413–414]. Здесь в свернутом виде содержится одновременно нереализованная утопия и сюжет «расплаты» отставного солдата за тяготы службы, который будет реализован в «Повести о капитане Копейкине» из «Мертвых душ» Н.В. Гоголя, рассказе Н.С. Лескова «Разбойник» и др.

Но в этом же отрывке, как и во множестве эпизодов и высказываний героя, выражены и принципиально не дискредитированные ценности простого русского солдата, патриота царелюбивого и верующего. Заметим, что основные идеи концепции государственной идеологии, сформулированные С.С. Уваровым («Самодержавие, Православие, Народность»), были изложены им императору в ноябре 1833 г. В этом смысле глубинные ценностные ориентиры представителя низового воинства, изображенного Полевым в повести 1834 г., коррелировали со смыслом знаменитой «триады», оказавшей влияние на все стороны общественной жизни

и выражавшей мнения национально-ориентированной элиты. Но социально-критический пафос рефлексии русского солдата, как он был представлен Н.А. Полевым, очевиден, а позиция самого автора в злободневной журнальной публицистике и острой критике стоила Н.А. Полево-му закрытия журнала (что произошло не без серьезного влияния С.С. Уварова), а современниками, в том числе А.С. Пушкиным³, расценивалась как якобинство.

Итак, в повести «Рассказы русского солдата» Н.А. Полевым осуществлен художественный опыт создания

общенационального характера русского рядового воина-патриота, обладающего подлинной верой, самоотверженностью во имя царя и Отечества, чувством товарищества, смекалкой, живым восприятием даже самых трагичных моментов судьбы и большой Истории. На пути к реализму Полевой создает образ русского воина демократического, народного происхождения, генерирует тип, к которому относят персонажей высокого воинского достоинства русской литературы последующих периодов. Возникает и в дальнейшем развивается один из жизнестроительных культурных мифов, обладающих мощным этико-эстетическим потенциалом, формирующих национальный культурный код.

³ Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1962. Т. 7. С. 325.

Библиографический список

1. Дзюба Е.М. Исторический персонаж как реализация национальной модели образа-персонажа в русской литературе первой трети XIX века (Н.А. Полевой «Краковский замок») // Научный диалог. 2018. № 8. С. 108–121.
2. Полевой Н.А. Мечты и жизнь. СПб., 1986.
3. Семенкин А.К. Проблема романтического историзма Н.А. Полевого в романе «Клятва при Гробе Господнем»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.
4. Семенкин А.К., Чернышева Е.Г. Нижегородское княжество в повести Н. Полевого «Симеон Кирдяпа» (к проблеме романтического историзма) // Нижегородский текст русской словесности: сборник статей по материалам V международной научной конференции. Нижний Новгород, 2015. С. 103–111.
5. Степанова М.Г. Историческая проза Н.А. Полевого: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999.
6. Успенский Б.А. Поэтика композиции: структура художественного текста и типология композиционной формы. М., 1970.
7. Чернец Л.В. О типологическом изучении литературных персонажей // Stephanos. 2016. № 1 (15). С. 80–90.
8. Чернец Л.В. Тип персонажа и его эволюция // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. Т. 24. № 4. С. 8–16.
9. Чернышева Е.Г. Повести Полевого. Проблемы поэтики: дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
10. Эйхенбаум Б.М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Поэтика: сборники по теории поэтического языка. Вып. [3]. Пг., 1919. С. 151–165.

References

1. Dzyuba E.M. Historical character as realization of national model of image-character in Russian literature of the first third of XIX century (N.A. Polevoy's "Krakow castle"). *Nauchnyy dialog*. 2018. No. 8. Pp. 108–121. (In Rus.)
2. Polevoy N.A. *Mechty i zhizn* [Dreams and life]. St. Petersburg, 1986.

3. Semenkin A.K. Problema romanticheskogo istorizma N.A. Polevogo v romane «Klyatva pri Grobe Gospodnem» [The problem of romantic historicism in the novel “An Oath at the Tomb” by N.A. Polevoy]. PhD Dis. Moscow, 2016.
4. Semenkin A.K., Chernysheva E.G. The Nizhny Novgorod Principality in N. Polevoy’s story “Simeon Kirdyapa” (to the problem of romantic historicism). *Nizhegorodskiy tekst russkoy slovesnosti: sbornik statey po materialam V mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Nizhniy Novgorod, 2015. Pp. 103–111. (In Rus.)
5. Stepanova M.G. Istoricheskaya proza Polevogo [Historical prose of Polevoy]. PhD Dis. St. Petersburg, 1999.
6. Uspenskiy B.A. Poetika kompozitsii: ctruktura khudozhestvennogo teksta i tipologiya kompozitsionnoy formy [Composition poetics: The structure of literary text and the typology of compositional form]. Moscow, 1970.
7. Chernets L.V. About typological analyses of literary characters. *Stephanos*. 2016. No. 1 (15). Pp. 80–90. (In Rus.)
8. Chernets L.V. The personage type and its evolution. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2016. Vol. 24. No. 4. Pp. 8–16. (In Rus.)
9. Chernysheva E.G. Povesti Polevogo. Problemy poetiki [Polevoy’s tales. Problems of poetics]. PhD Dis. Moscow, 1989.
10. Eikhenbaum B.M. How is “The Mantle” by Gogol made. *Poetika: sborniki po teorii poeticheskogo yazyka*. Issue [3]. Petrograd, 1919. Pp. 151–165. (In Rus.)

Статья поступила в редакцию 30.10.2024, принята к публикации 20.11.2024
The article was received on 30.10.2024, accepted for publication 20.11.2024

Сведения об авторе / About the author

Чернышева Елена Геннадьевна – доктор филологических наук; заведующий кафедрой русской классической литературы, директор Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Elena G. Chernysheva – ScD in Philology; Head of the Department of Russian Classical Literature, Head of the Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: el.chernysheva@yandex.ru

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-23-31

УДК 821.161.1

А.И. Октябрьская-КисничанМосковский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Нравственность как фактор национальной идентичности в рассказе М.Б. Чистякова «Русская душа»

Аннотация. Статья посвящена проблеме исследования нравственности как духовной основы жизни русского человека, вынужденного взяться за оружие и защищать Родину во время Крымской войны 1853–1856 гг., а также самоотверженно работать в тылу, выхаживая раненых, рискуя здоровьем и даже жизнью (на примере солдатского рассказа М.Б. Чистякова «Русская душа»). Основное внимание в статье сосредоточено на анализе образной системы практически неизученного произведения, его мотивной структуры, проявлении авторской позиции, выраженной в актуализации жанра просветительского рассказа-узнавания, синтезированного с поучением о героях-праведниках и высокой репутации русского народа. Антитеза, лежащая в основе повествования, позволила последовательно сопоставить природу русского человека, делающего все основательно и добротнo, с верой в Бога и с любовью к Родине, и француза, легкомысленно уповающего на случай и горделиво и снисходительно противостоящего русскому человеку. Особое место в статье уделено проблеме нравственных исканий человека в процессе испытаний войной, голодом, пленом, болезнями, согласующихся с главенствующей идеей Божьего промысла. В ходе анализа актуализирован мотив воли русского человека, стремящегося защитить и отстоять даже в максимально трудных условиях свою Родину, святыни, а также обустроить земное бытие, сопрягая это с социальной природой главного героя. В статье исследована авторская мысль о благочестивости простого русского человека, его альтруистичности и целомудренности, что во многом антитетично природе зуава. Выявленная жанровая доминанта – солдатский рассказ – скоординирована с просветительской писательской концепцией и с поучением о высокой репутации русского народа и одновременно праведности отдельного его представителя. В ходе герменевтического анализа установлено, что противостояние этносов в период военных действий во многом обусловлено менталитетом каждого, а примирение и окончание войны обеспечивается доминантой универсальных нравственных ценностей, характерных для человека и России, и Запада.

Ключевые слова: М.Б. Чистяков, художественная историческая проза, тема обороны Севастополя в русской литературе, аксиологический аспект художественного произведения, духовные искания героев рассказа, просветительский рассказ, подростковый рассказ, солдатский рассказ

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Октябрьская-Кисничан А.И. Нравственность как фактор национальной идентичности в рассказе М.Б. Чистякова «Русская душа» // Литература в школе. 2024. № 6. С. 23–31. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-23-31

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-23-31

A.I. Oktyabrskaya-Kisnichan

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Morality as a factor of national identity in M. Chistyakov's short story “The Russian Soul”

Abstract. Using the example of a soldier's story by M.B. Chistyakov “Russian Soul”, this article studies morality as a spiritual basis of life of a Russian person who is forced to take up arms and defend the Motherland during the Crimean War of 1853–1856, as well as selflessly work in the rear, nursing the wounded, risking health and even life. The main attention in the article is focused on the analysis of the figurative system of a practically unstudied work, its motive structure, the manifestation of the author's position, expressed in the actualization of the genre of an educational story-recognition, synthesized with a lesson about righteous heroes and the high reputation of the Russian people. The antithesis underlying the narrative allowed us to consistently compare the nature of a Russian person who does everything thoroughly and soundly, with faith in God and love for the Motherland, and a Frenchman who frivolously relies on chance and proudly and condescendingly opposes the Russian person. The article pays special attention to the problem of moral search of a person in the process of trials of war, hunger, captivity, and diseases, consistent with the dominant idea of God's providence. In the course of the analysis, the motif of the will of a Russian person, striving to protect and defend even in the most difficult conditions his homeland, shrines, and also to arrange earthly existence, combining this with the social nature of the protagonist, is actualized. The article examines the author's idea of the piety of a simple Russian person, his altruism and chastity, which is in many ways antithetical to the nature of the zouave. The identified genre dominant – a soldier's story – is coordinated with the writer's educational concept and with the lesson about the high reputation of the Russian people and

the righteousness of its individual representative at the same time. During the hermeneutic analysis it was established that the confrontation of ethnic groups during military actions is largely determined by the mentality of each, and reconciliation and the end of the war are ensured by the dominance of universal moral values characteristic of people in both Russia and the West.

Key words: M.B. Chistyakov, historical fiction prose, theme of defense of Sevastopol in Russian literature, the axiological aspect of a literary work, spiritual quest of the story heroes, an educational story, a teenage story, a soldier's story

CITATION: Oktyabrskaya-Kisnichan A.I. Morality as a factor of national identity in M. Chistyakov's short story "The Russian Soul". *Literature at School*. 2024. No. 6. Pp. 23–31. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-23-31

Актуализация исторической тематики в художественных произведениях объясняется ее целеполаганием. Изображение исторического события направлено на познавательные и общественные приоритеты личности, в итоге – на осмысление национальной идентичности. Причем это касается как писателей, лидирующих в литературном процессе метрополии и эмиграции, так и тех, кого относят ко второму или третьему ряду. Не меньшую роль художественная историческая проза играет в популяризации научных концепций, вокруг которых разворачивается полемика или которые получают принципиальное значение в современных международных отношениях, в частности в геополитических спорах. Кроме того, обращение к дальней или ближней истории сопровождается осмыслением нравственных констант личности.

Проблема нравственных исканий в русской классической литературе стала предметом научного осмысления во второй половине XX в. Так, к этому вопросу обращался еще в 1970-е гг. А.П. Скафтымов [9]. М.М. Бахтин рассуждал о природе и оценке поступка человека как про-

явления его ценностных ориентиров через призму нравственных установок героя [1]. Современные ученые выявляют феноменологию концептов «нравственность» и «духовность» [10], а также размышляют об отражении духовно-нравственных ценностей, не только формирующихся в нашей социокультурной среде, но и наследующих лучшие традиции прошлого, на примере как классической русской, так и отечественной современной литературы [6]. Сказанное выше объясняет актуальность литературоведческих работ, посвященных духовно-нравственным аспектам в произведениях современной и исторической тематики.

Справедливо отметил А.П. Люсый: «Культура в пространстве и во времени мыслит "текстами"» [7, с. 161]. Аксиологична и его следующая мысль: «...каждый региональный текст представляет собой не какую-то сугубо региональную точку зрения, а попытку концептуального "выворачивания" всей России через себя» [Там же, с. 162], что, на наш взгляд, особо подтверждается изображением судьбоносных событий, в частности военной истории Крыма. Однако

после «Севастопольских рассказов» (1855) Л.Н. Толстого и романа-эпопеи С.Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда» (1937–1939) в советской и постсоветской литературе не появилось равнозначного произведения о Первой обороне Севастополя 1854–1856 гг. Литературная лакуна была восполнена историческими трудами и историко-биографическими изданиями. Так, благодаря работе сотрудников Севастопольского военно-исторического музея-заповедника были опубликованы «Документы Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг.: из фондов Севастопольского военно-исторического музея-заповедника: каталог» (2019), появились труды С.В. Ченныка «Крымская война» (2016), протоиерея Г. Полякова и В. Шавшина «За веру, царя и отечество: Свято-Никольский храм-памятник. Братское кладбище. Крымская (Восточная) война» (2013) и др.

Вместе с тем тема Крымской войны и обороны Севастополя была востребована в русской литературе, особенно в первые десятилетия после их окончания. Писателям не просто необходимо было осмыслить недавние события, тем более закончившиеся отходом русской армии, но и извлечь уроки из этих событий. Кроме того, именно героическая оборона Севастополя показала в полной мере нравственную основу происшедшего в 1854–1855 гг., силу и мощь духа русского солдата, а также простого севастопольца, отстаивающего город. Это стало основой нравственного воспитания подрастающего поколения и просвещения демократических слоев общества. Особую роль в просветительстве заняла детская и подростковая литература, в том

числе освещающая события Первой Севастопольской обороны: «Покойный Иван Иванович Иванов. Рассказ из Крымской войны» (конец 1860-х – начало 1870-х гг.), «Старики. Рассказ из Крымской войны» (1871) А. Погоского, «Рассказ дедушки Максима о Севастопольской обороне во время Крымской войны» (1904) О.Е. Накко, «Рассказы старушки об осаде Севастополя» (1881) Т. Тольчевой и др.

Возрастная и социальная специфика читателя обусловила нарративную стратегию: предпочтение отдавалось малым и средним жанрам, яркому событию, избирательности в портретных, поведенческих, пейзажных деталях, фокусированию на характерах, акценту на непафосном героизме как следовании толстовскому изображению защитников Севастополя, минимизации историко-философских, политических отступлений и документальных вставок, в целом реалистичности изображения войны и сниженному уровню мифологизации, открытой эмотивности автора по отношению к положительным персонажам. Направленная на мировосприятие подростка и демократического взрослого читателя авторская суггестия реализовалась, как правило, не столько через военную аналитику, сколько через рецепцию персонажей. Так закреплялась «модель детского чтения» [11, с. 9], перечисленные черты придавали тексту игровую специфику – читатель ощущал себя внутри повествовательного пространства.

Показательна ныне забытая проза детского писателя, педагога, издателя популярного «Журнала для детей» М.Б. Чистякова (1809–1885). В его рассказе «Русская душа» (1870) повествуется о Крымской войне и Севастопольской обороне 1854–1856 гг.

Произведение создано в жанре прозаического рассказ-узнавания. Приключенческий динамичный сюжет придает тексту черты новеллы. Дидактизм, подробности военных действий и батальная терминология, географические подробности минимизированы, автор сосредоточен на изображении внутреннего мира героев.

Заглавие, получившее в повествовании семантически сильную позицию, указывает на национальную типологию, как ее понимает читательская аудитория и как она сложилась в «субкультуре, к которой <...> принадлежит» [5, с. 303] автор, а также в аксиологии автора как субъекта. По сути, Чистяков сфокусирован на роли человеческого фактора в военной истории страны, высветив цивилизационную роль простого русского солдата. Заметим, что в грозные годы XX в. понятие «русская душа» побуждало к полемике; можно обратиться к статье «Две души» (1915) М. Горького, предпочитавшего западную душу русской, или к «Русской и польской душе» (<1916>) Н.А. Бердяева – о распре славянских душ, или к работе Вяч. Иванова «Два лада русской души» (1916) – о «падении человека» и «вершинах духовности» [4, с. 373] и т.д.

Написанную за несколько десятилетий до упомянутых текстов «Русскую душу» Чистякова следует рассматривать как противоположную им по ряду позиций. Автор изобразил цельный характер, согласие опыта простонародной жизни, разума, души, веры человека из низов. Вместе с тем произведение Чистякова во многом отвечало духовным и политическим запросам гуманистов XIX в. Писатель посвятил рассказ событиям Крымской войны, но боль-

шое место отвел вопросу о роли нравственности рядового человека, оказавшегося в ее эпицентре. В труде Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (1868) говорится о влиянии на русскую военную историю «нравственного оружия», «нравственной силы» [3, с. 468], о преобладании нравственного духа русских над «шведами, пруссаками или французами» [Там же, с. 456]. Автор рассказа размышлял о роли нравственного начала – его достаточности или недостаточности в условиях войны.

Изображение национального характера построено на сопоставлении русского человека, фактически народного праведника, и француза – участников боевых действий. Описание русского и европейского менталитетов основано на антитезе и параллелизме. В сопоставительном описании использовано достаточно много для жанра рассказа мизансцен и лаконичных авторских комментариев к ним. Через череду событий раскрывается моральная максима: заложенная в человеке доброта преобладает над агрессией, порожденной войной наций.

Начинается повествование с описания реакции парижской толпы на объявление начала войны с Россией. Праздная публика кафе-шантана, патриотические пьесы 1854 г., прославление французского оружия, восхищение храбростью французов и благородством турок, презрение к русским – «врагам общеевропейского спокойствия» [12, с. 378] и просвещения, разговоры о вытеснении русских за Урал и далее к океану, издевательские карикатуры, мечты заувов пожить в российском богатством, заполучить офицерское звание и орден почетного легиона – все

это противопоставлено настроению в небольшой российской деревне, скромно отмечающей праздник накануне известий о Крымской войне. Связанные с предстоящей войной тревогой мужиков и баб отмечены православием и естественным патриотизмом. По сути, Чистяков разворачивает антитезу между страстями толпы (парижан) и чаяниями народа (русских крестьян). Деревенские люди уповают на Господа, готовы пойти на врага «поголовно» [12, с. 381], обращаются друг к другу «братец», в храме совершают общую молитву, направляются в ближайший город, не дожидаясь своей мобилизации. Если парижские зуавы воспринимают военное вторжение в Крым как краткосрочное и победное приключение, то в наказе старика Ерофея звучит тема чести и смерти: «...не щади ты своего живота, не бойся ты смерти, служи ты <...> верой и правдой» [Там же, с. 390] Если французы не считают нужным сообщать семье о военном походе, то в России о войне переживают семьями. Ерофей находит в Петербурге сына-солдата, добивается разрешения сопровождать его на фронт, участвует в молебствии в Казанском соборе, где вместе с народом взирает на государя, который в роковое время всем представляется «ангелом Божиим» [Там же, с. 385].

Через перечисление деталей изображается «странная и ужасная картина» [Там же, с. 391] военного Крыма: трупы своих и врагов, рукопашные схватки, грохот пушек, французы грабят и поджигают храм, дома и проч. Поведенческие детали, приведенные Чистяковым, сближают его взгляд на народный характер с представлениями автора «Севастопольских рассказов» (1855) и «Войны

и мира» (1863–1869) о ценностях простого русского человека на войне. Чистяков вводит в повествование сказовый стиль, через фольклорную поэтику передается чувство принадлежности человека к национальному миру: «<...> на нашу православную Русь. На нашего батюшку-государя собралась всякая нечисть нехристианская да идет войной; вишь, видимо, невидимо, так и валит, и туретчина там какая-то, и неметчина, и англичане, и французы, и невесть кто <...> счастью нашему нехристи завидуют, хотят нас полонить, да мы не дадимся. Вставай, русская земля, иди, кто может» [Там же, с. 380]. Широкое использование устного народного слова приближает произведение к жанру просветительского солдатского рассказа.

Главное действующее лицо – солдат-крестьянин Иван, сын Ерофея. Сквозная сюжетная линия – его отношения с французом-зуавом. Отметим, что подразделения зуавов, ранее состоявшие из иностранцев, с 1841 г. комплектовались французами-католиками. Форма алжирских янычар была символичной отсылкой к покорению Францией Алжира. Участие зуавов в Крымской войне стало легендарным, хотя и сопровождалось грабительскими набегами на русские деревни [8], что описано и в рассказе Чистякова. Отсутствие имени у зуава символично, в его безымянности выражена тема чужого, незваного, для русского человека он априори знак безликой массы. Символичность образа Ивана получила принципиально иной смысл – православный и национальный. Во-первых, имя дано герою соответственно христианской традиции: он был рожден перед днем памяти Иоанна Крестителя.

Во-вторых, у земляков Иван не ассоциировался с фамилией, в полку его пришлось идентифицировать по отцу – Ерофеев; офицер говорит Ерофею: «...у нас Иванов-то видимо-невидимо» [12, с. 386].

Характеристикой Ивана, Ерофея, их жен, односельчан могут послужить слова Н.А. Бердяева: «В типичной русской душе есть много простоты, прямоты и бесхитростности, ей чужда всякая аффектация, всякий взвинченный пафос <...> В ней есть какой-то особый, совсем не западный демократизм на религиозной почве, жажда спасения всем народом» [2, с. 155]. Но Чистяков не изображает в своих крестьянах, солдатах того, что Бердяев называет душой «легко опускающейся и грешащей» [Там же]. Тема рассказа – сила добра. Мать Ивана ухаживает за больным тифом, заражается и умирает. Мирская мораль звучит в словах Ерофея: «Ежели мы будем бросать друг друга в болезни, <...> то тогда не для чего нам жить вместе» [Там же, с. 403]. Крестьяне «с радушием» [Там же, с. 399] и жалостью относятся к партии пленных врагов, дают им бесплатный приют, еду, выказывают уважение к верованию магометан. С русскими пленными турки и англичане, напротив, обращались «весьма дурно», тогда как французы – «большой частью весьма хорошо», но в их «сожалении» [Там же, с. 400] больше не столько участия, сколько любопытства, обращенного к варварам. Парижанам непонятно чувство русских пленных, вызванное трофеями французов – русской пушкой, православной иконой и проч. Русская душа воспринимает их как часть родины, захваченной в плен.

История знакомства Ивана и зуава начинается с эпизода спасения фран-

цузом женщины и ребенка из горящего дома. В рассказе постепенно меняется повествовательная цель: от антитезы к параллелизму – к изображению потребности творить благо. Иван, свидетель доблестного поступка зуава, видит во враге «доброе человека» [Там же, с. 393]. После боя Иван спасает, выхаживает зуава, делится с ним последним, и зуав, в свою очередь, называет его «хорошо русь» [Там же, с. 394]. Радушная нежданная встреча пленного Ивана с зуавом в парижском Инвалидном доме, трогательно прощание после заключения мира. Их отношения развиваются по народной поговорке «доброе братство лучше богатства» или «за добро добром и платят». Ключевые события рассказа представляют собой случайные встречи героев, во время которых милосердие перерастает в душевное братство.

В сюжетном повторе непреднамеренных встреч выражена авторская мысль о Божьем промысле, но вместе с тем Чистяков акцентирует читательское внимание на креативности человека из народа, его воле к обустройству земного бытия. Герои Чистякова следуют естественной потребности по-доброму обустроить свой и чужой миры, в их жизни нет ничего хаотично-языческого. Иван выходит в отставку, вместе с отцом открывает постоянный двор, честно торгует; наконец он познает счастье, женившись на работающей, грамотной, аккуратной сироте.

В рассказе воля личности согласуется с волей высшей, что особенно проявляется в финальной истории, нарушающей принцип нарративного параллелизма. Иван спасает от холода нищих бродяжек – брата и сестру, на мальчике он видит свой нательный

крест, подаренный зуаву при расставании. С одной стороны, он понимает встречу с детьми зуава как высший промысел: «что за удивительная судьба» [2, с. 404], а с другой – без раздумий берет их под свою опеку, дает им пропитание, образование и проч. Сюжет венчается еще одним чудом – встречей с самим зуавом, который, как выясняется, отправил детей в Россию ради их спасения от нужды: «...много наших бедных находят русский хлеб» [Там же, с. 411], а теперь в качестве берейтора здесь же зарабатывает уроками верховой езды. Французская семья расстается с русской, как «любящие друг друга родные» [Там же, с. 413].

Итак, в солдатском рассказе М.Б. Чистякова жанровая просветительская доминанта синтезирована с поучением о высокой репутации народа. Как писатель, адресовавший свою прозу демократическим

слоям населения, он создал образы скромных праведников, не прибегая ни к уничижительному критицизму по отношению к сословиям, ни к герою, погруженному в моральные крайности, противоречивые глубины собственной души. Чистяков, в 1870 г. изобразив героя 1850-х годов, актуализировал вопрос о национальной идентичности, к которому русские гуманитарии обратятся через три десятка лет. Аксиологична мысль Чистякова о народе – выразителе национального менталитета. Кроме того, в рассказе – при частотности противопоставления этносов – выражена идея универсальных ценностей человека России и Запада, тогда как общество отчасти увлекалось «европейничаньем», в 1868 г., то есть за два года до появления рассказа, названном Н.Я. Данилевским «болезнью русской жизни» [3, с. 263].

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1 М., 2003.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
4. Иванов Вяч. Родное и вселенское. М., 1994.
5. Иванченко Г.В., Орлицкий Ю.Б., Сухова Т.Б. О психологических функциях заглавия // Поэзия: опыт междисциплинарного анализа / под ред. Г.В. Иванченко, Д.А. Леонтьева, Б. Орлицкого. М., 2015. С. 238–325.
6. Каменец А.В., Молина Л.В., Орлова Н.Г. Духовно-нравственный и просветительский аспекты в русской художественной литературе XIX века // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10. № 3А. С. 192–204.
7. Люсьи А.П. Крымский текст русской литературы: история и современность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 11 (750). С. 161–171.
8. Орехов В.В. Французская армия у стен Севастополя: 1854–1856 гг. Симферополь, 2003.
9. Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. Статьи и исследования о русских классиках. М., 1972.
10. Уманцева Л.В. Нравственность и духовность в русской литературе (способы репрезентации). Тамбов, 2017.
11. Черняк М.А. Детское чтение в социокультурном контексте // Детское чтение: проблемы рецепции и интерпретации: монография / отв. ред. В.Д. Черняк, М.А. Черняк. СПб., 2020. С. 8–18.
12. Чистяков М.Б. Зима. Новые повести и рассказы, преимущественно из русского быта. СПб., 1870.

References

1. Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy: v 7 t. [Works in 7 vols.]*. Vol. 1. Moscow, 2003.
2. Berdyaev N.A. *Sudba Rossii [The fate of Russia]*. Moscow, 1990.
3. Danilevsky N.Ya. *Rossiya i Evropa [Russia and Europe]*. Moscow, 1991.
4. Ivanov Vyacheslav. *Rodnoe i vselenskoe [Native and universal]*. Moscow, 1994.
5. Ivanchenko G.V., Orlicky Yu.B., Suhova T.B. On the psychological functions of the title. *Poeziya: opyt mezhdisciplinarnogo analiza*. G.V. Ivanchenko, D.A. Leontyev, B. Orlicky (ed.). Moscow, 2015. Pp. 238–325. (In Rus.)
6. Kamenec A.V., Molina L.V., Orlova N.G. Spiritual, moral and educational aspects in Russian fiction of the XIX century. *Culture and civilization*. 2020. Vol. 10. No. 3A. Pp. 192–204. (In Rus.)
7. Lyusyj A.P. Crimean text of Russian literature: History and modernity. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2016. No. 11 (750). Pp. 161–171. (In Rus.)
8. Orekhov V.V. *Francuzskaya armiya u sten Sevastopolya: 1854–1856 gg. [The French army at the walls of Sevastopol: 1854–1856]*. Simferopol, 2003.
9. Skaftymov A.P. *Nravstvennye iskaniya russkih pisatelej. Stati i issledovaniya o russkih klassikah [Moral quests of Russian writers. Articles and research on Russian classics]*. Moscow, 1972.
10. Umanceva L.V. *Nravstvennost i duhovnost v russkoj literature (sposoby reprezentacii) [Morality and spirituality in Russian literature (methods of representation)]*. Tambov, 2017.
11. Chernyak M.A. Children's reading in a socio-cultural context. *Detskoe chtenie: problemy retseptsii i interpretatsii: monografiya*. V.D. Chernyak, M.A. Chernyak (eds.). St. Petersburg, 2020. Pp. 8–18. (In Rus.)
12. Chistyakov M.B. *Zima. Novye povesti i rasskazy, preimushchestvenno iz russkogo byta [Winter. New stories and tales, mainly from Russian life]*. St. Petersburg, 1870.

Статья поступила в редакцию 10.10.2024, принята к публикации 11.11.2024

The article was received on 10.10.2024, accepted for publication 11.11.2024

Сведения об авторе / About the author

Октябрьская-Кисничан Анастасия Игоревна – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Anastasiya I. Oktyabrskaya-Kisnichan – PhD postgraduate student at the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

E-mail: nastya-okt@mail.ru

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-32-44

УДК 821.161.1

В.А. Мескин, О.М. ВасияроваРоссийский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
117198 г. Москва, Российская Федерация

Русские поэты первой половины XIX века в творчестве О.Э. Мандельштама

Аннотация. В статье рассматривается природа творчества О.Э. Мандельштама в ее типологической и генетической связи с русской классикой первой половины XIX в., начиная с Г.Р. Державина, В.А. Жуковского и далее – А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, К.Н. Батюшкова и др.; в поле зрения авторов и тематические, и поэтические аспекты. При этом должное внимание уделяется работам ученых, выходивших к этой литературоведческой проблематике, запискам жены Мандельштама, современников. Не отрицая влияния зарубежной классики на творчество поэта, авторы доказывают, что самую большую роль в образовании его художественного поля сыграла русская поэзия, что творчество предшественников-соотечественников всегда жило в памяти поэта-акмеиста, служило своеобразным культурным фоном. Эта роль просматривается и в семантических опытах, и в широкой метафоричности, и в изысканной сенсорности поэта. Понятно, что одни связи прозрачны и доказуемы, другие – гипотетичны, в одних случаях Мандельштам продолжает традиции предшественников, в других случаях преодолевает их. Совместимость противоположных точек зрения на мандельштамовскую поэзию (А.А. Ахматовой, отмечавшей ее исключительную оригинальность, и Б.М. Гаспарова, отмечавшего ее обширную традиционность) объясняется специфичностью того, что сам Мандельштам называл «творящим обменом». Этот обмен, по мнению авторов статьи, основывается на его тонкой поэтике ассоциаций, «подмигиваний». В статье решается вопрос о причинах трудностей, связанных с восприятием лирики О.Э. Мандельштама, выясняются особенности ее постижения в контексте художественной практики эпохи Серебряного века, в контексте незаурядной культурной памяти поэта.

Ключевые слова: поэзия соотечественников-предшественников О.Э. Мандельштама, русская поэзия, акмеизм, литературные связи, поэзия Серебряного века, культурная память поэта

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Мескин В.А., Васиярова О.М. Русские поэты первой половины XIX века в творчестве О.Э. Мандельштама // Литература в школе. 2024. № 6. С. 32–44. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-32-44

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-32-44

V.A. Meskin, O.M. Vasiyarova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow, 117198, Russian Federation

Russian poets of the first half of the 19th century in the works of O.E. Mandelstam

Abstract. The article examines the nature of O.E. Mandelstam's work in its typological and genetic connection with Russian classics of the first half of the 19th century, starting with G.R. Derzhavin, V.A. Zhukovsky and further – A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, F.I. Tyutchev, K.N. Batyushkov and others; the authors' field of view includes both thematic and poetic aspects. At the same time, due attention is paid to the works of scientists who addressed this literary criticism issue, notes of Mandelstam's wife, and contemporaries. Without denying the influence of foreign classics on the poet's work, the authors prove that Russian poetry played the greatest role in the formation of his artistic field, that the work of his predecessors-compatriots always lived in the memory of the acmeist poet, serving as a kind of cultural background. This role can be seen in semantic experiments, and in the broad metaphorical nature, and in the poet's exquisite sensory perception. It is clear that some connections are transparent and provable, while others are hypothetical; in some cases, Mandelstam continues the traditions of his predecessors, while in other cases – he overcomes them. The compatibility of opposing points of view on Mandelstam's poetry (A.A. Akhmatova, who noted its exceptional originality, and B.M. Gasparov, who noted its extensive traditional nature) is put down to the specificity of what Mandelstam himself called "creative exchange". This exchange, according to the authors of the article, is based on his subtle poetics of associations, "winks". The article addresses the issue of the causes of the difficulties associated with the perception of O.E. Mandelstam, the features of its comprehension in the context of artistic practice of the Silver Age, in the context of the poet's extraordinary cultural memory are revealed.

Key words: poetry of O.E. Mandelstam's predecessors-compatriots, Russian poetry, acmeism, literary connections, Silver Age of Russian poetry, the poet's cultural memory

CITATION: Meskin V.A., Vasiyarova O.M. Russian poets of the first half of the 19th century in the works of O.E. Mandelstam. *Literature at School*. 2024. No. 6. Pp. 32–44. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-32-44

В разговорных кругах любителей поэзии нередко одни поэтические сочинения именуются простыми, легко раскрывающими авторские замыслы, другие – сложными, понимание которых требует особых умственных усилий. Творчество О.Э. Мандельштама в этом раскладе относится ко второму ряду, но все не так однозначно. У поэта немало высокохудожественных стихотворений, имеющих достаточно прозрачный план содержания. Таково, например, стихотворение 1920 г., названное по первой строчке. Вот его начальные строфы:

Мне Тифлис горбатый снится,
Сазандарей стон звенит,
На мосту народ толпится,
Вся ковровая столица,
А внизу Кура шумит.

Над Курою есть духаны,
Где вино и милый плов,
И духанщик там румяный
Подает гостям стаканы
И служить тебе готов...

[18, т. 1, с. 95]

Красочное, полушуточное стихотворение, написанное в плясовом размере, воспринимается как литография грузинской столицы, вид – с высоты птичьего полета. Или вот, строфы красивого стихотворения 1914 г., тоже по первой строчке:

Я не слышал рассказов Оссиана,
Не пробовал старинного вина;
Зачем же мне мерещится поляна,
Шотландии кровавая луна? <...>
Я получил блаженное наследство –
Чужих певцов блуждающие сны;
Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны...

[Там же, с. 60–61]

И здесь образность несложная, «блаженное наследство», «блуждающие сны», всем понятно – это не что иное как метафорическое определе-

ние поэзии, дошедшей до нас с незапамятных «оссиановых» времен, то «наследство», которое, по мнению поэта, дороже всего прочего, временного, нас окружающего.

Заметим, эти стихотворения иллюстрируют два основных постулата акмеизма: «прекрасную ясность», которую акмеисты противопоставили «туманности» символизма, и акмеистическую «тоску по мировой культуре». Следует уточнить: по классической культуре, которую тогда справа опасно реформировали символисты, а слева грозились разрушить футуристы¹.

Мнения о характере достоинств мандельштамовских произведений разнятся. Одни соглашались с высказыванием А.А. Ахматовой, которая положительно выделяла исключительную индивидуальность поэта, его явление из «ниоткуда» [2, с. 129]. Другие, например, Б.М. Гаспаров, видят очарование мандельштамовских стихотворений во многих выходах к «мотивам, аллюзиям, параллелям» предшественников [7, с. 125]. Парадокс заключается в том, что обе точки зрения имеют право на существование. Мандельштам, с одной стороны, колосс индивидуальности, с другой стороны, это факт, что колосс стоит на просторном фундаменте-контексте мировой и отечественной словесности и шире – культуры². Совместимость точек зрения объясняется специфичностью того, что сам поэт называл «творящим обменом»,

¹ Определение акмеизма как «тоски по мировой культуре» принадлежит О.Э. Мандельштаму, в устном изложении. Его современники датируют это высказывание разными годами, и 1930-м, и 1935-м, и 1937 г. Возможно, все правы, возможно, поэт не раз возвращался к этому важному для него определению.

² Об объемности мандельштамовского контекста писали, кроме Б. Гаспарова, многие ученые: С. Аверинцев, М. Гаспаров, О. Лекманов, Л. Видгоф, И. Сурат и др.

основанным на его тонкой поэтике ассоциаций, «подмигиваний».

Поэзия Мандельштама не заузна, что тоже можно услышать. Заузна зиждется на интуиции, поэзия Мандельштама – на интеллекте, рассчитана на «узнавание». Как сказал он сам в стихотворении «Tristia» (1918): «И сладок нам лишь узнаванья миг» [18, т. 1, с. 87]. Расшифровке его текстов может помочь внимание к переключкам классика с классиками³.

Немало сказано о связях Мандельштама с мировой культурой⁴. Однако более тесно он связан с культурой русской. Об этом тоже сказано мандельштамоведцами, их работы здесь цитируются, но тема не исчерпана. «Современная русская поэзия не свалилась с неба, – писал сам поэт о новейшей поэзии, а значит, и о себе, – а была предсказана всем поэтическим прошлым нашей страны» [17, т. 2, с. 207]. О всегдашнем внимании Мандельштама к поэтам «нашей страны», даже в трудном для него 1932 г., пишет жена поэта Надежда Мандельштам: «И именно в 32-м году, живя на Тверском бульваре в настоящей труппе, он завел себе полочку и тащил туда и Языкова, и Жуковского, и Баратынского, и Батюшкова, и Державина, и еще, и еще...» [16, с. 291]. Российские художники слова – это, несомненно, основная составляющая палимпсеста его поэзии.

Трудно найти более или менее известного русского поэта, который

так или иначе не отразился бы в мандельштамовских художественных или научных писаниях, в прямых упоминаниях, нередко шуточных, но всегда уважительных, как, например, в «Стихах о русской поэзии» (1932).

Может показаться странным, пушкинских отражений в наследии Мандельштама меньше, чем отражений некоторых других поэтов, но есть объяснение этому явлению. Оно видится в том, что Мандельштам носил в душе исключительно трепетное отношение к Поэту⁵. По воспоминаниям А.А. Ахматовой, в этом отношении было нечто «небывалое, почти грозное», ему как бы априори «всякий пушкинизм был... противен» [2, с. 114]. Собственно, об этом же говорила жена поэта: «Осип... считал, что нельзя упоминать всуе ничего, что связано с именем Пушкина» [15, с. 27]. Его Пушкин – Солнце, причем не совсем то, о котором сказал по смерти Поэта В. Одоевский, а сакральное, возлежащее «на черных носилках». Об этом – одическое стихотворение «Сестры – тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...» (1920). И еще знаковая строчка в этом стихотворении: «Легче камень поднять, чем имя твое повторить» [18, т. 1, с. 89]. О том, что это все о Пушкине, есть убедительная статья [6].

Возможно, этим высоким пиететом объясняется то, что Мандельштам, запросто, а то и панибратски обращавшийся ко всем русским классикам, как в упомянутых «Стихах о русской поэзии»,

Сядь, Державин, развалился,
Ты у нас хитрее лиса. <...>
Дай Языкову бутылку
И подвинь ему бокал...
[18, т. 1, с. 153]

³ Согласно учению А. Веселовского, В. Жирмунского, переключки могут быть типологические и генетические, иначе говоря, намеренные и не намеренные, но в отношении поэзии их трудно дифференцировать. [См.: Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989; Жирмунский В.М. Восток и Запад // Сравнительное литературоведение. Л., 1979.]

⁴ Об этом говорится во многих публикациях. [См., например: Мандельштамовская энциклопедия: в 2 т. М., 2017.]

⁵ Об этом доказательно пишет И.З. Сурат в книге «Мандельштам и Пушкин» (2009).

кажется, нигде напрямую не обращается к Пушкину. У него есть строфы, которые созвучны строфам Поэта, есть соприкосновения содержательных планов, как, например, в стихотворениях «Петербургские строфы» (1913) или «Люблю морозное дыханье» (1937) и др. В стихотворении «Дайте Тютчеву стрекозу...» (1932) точно речь о Пушкине, но и там Пушкин не упоминается:

Дайте Тютчеву стрекозу –
Догадайтесь почему!
Веневитинову – розу.
Ну а перстень – никому...

[18, т. 1, с. 155]

Речь о пушкинском перстне... Во всей отечественной поэзии Мандельштам не видит поэта, достойного носить талисман с руки Поэта.

Исследователи справедливо пишут об ассоциативном обращении Мандельштама к пушкинским темам: памятник, казнь, Петербург, море, виноград и т.д.⁶ При этом есть ассоциации более отчетливые. В стихотворении «Как облаком сердце одето...» (1910) легко узнаются мотивы из пушкинских стихотворений «Поэт», «Пророк»:

Пушкин:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен...

[19, т. 3, с. 21]

Мандельштам:

Как облаком сердце одето
И камнем прикинулась плоть,
Пока назначенье поэта
Ему не откроет Господь...

[18, т. 1, с. 245]

Есть ассоциации менее отчетливые. Это, скорее, реминисценции. Как пример можно привести стихотворения о стихии ветра, олицетворяющей мощь природы и мощь творческого порыва – «Аквилон» Пушкина и «Отчего душа так певуча...» (1911) Мандельштама:

Пушкин:

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник прибрежный долу клонишь?
Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь?..

[19, т. 2, с. 214]

Мандельштам:

Отчего душа – так певуча,
И так мало милых имен,
И мгновенный ритм – только случай
Неожиданный Аквилон?..

[18, т. 1, с. 39]

М.Ю. Лермонтов «пребывает» в поэзии Мандельштама примерно в той же мере, что и Пушкин, и, возможно, по тем же причинам. В упомянутом стихотворении «Дайте Тютчеву стрекозу...» поэт пишет о нем: «А еще над нами волен / Лермонтов, мучитель наш...» [Там же, с. 155].

О. Ронен объяснял эти строки тем, что Лермонтову поэт «обязан мучительной темой звездного неба и кремнистого пути...» [20, с. 32]. Думается, в первую очередь, «кремнистого пути» примеров много, особенно в позднем творчестве, хотя и тема «звездного неба» представлена у Мандельштама, например, в стихотворениях «Я по лесенке приставной...» (1922), «Грифельная ода» (1923), «Были очи острее точимой косы...» (1937).

Вот очевидная, по-своему polemичная реминисценция на лермонтовское «Выхожу один я на дорогу...»:

Лермонтов:

Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит...

[13, т. 2, с. 83]

⁶ См.: *Сурат И.З.* Тяжесть и нежность: О поэзии Осипа Мандельштама. М., 2022; *Сурат И.З.* Мандельштам и Пушкин. М., 2009.

Мандельштам:

И ни одна звезда не говорит,
Но, видит Бог, есть музыка над нами...

[18, т. 1, с. 103]

И в стихотворении Мандельштама «Ламарк» (1932), об ученом, который до Дарвина пытался раскрыть закономерности развития живой природы, эхом проходят лермонтовские строки из стихотворения «Блестя, пробегает облака...». То и другое стихотворение – об отчуждении природы.

Лермонтов:

И люди все к ничтожеству спешат, –
Но, хоть природа презирает их...

[13, т. 1, с. 205]

Мандельштам:

И от нас природа отступила –
Так, как будто мы ей не нужны...

[18, т. 1, с. 149]

Можно предположить, что и легендарный кельтский бард III в. Оссиан, и Шотландия в упомянутом в начале статьи программном стихотворении «Я не слышал рассказов Оссиана...» были взяты Мандельштамом у Лермонтова, из стихотворения «Гроб Оссиана». Оно тоже о непреходящем значении истинной поэзии:

Под занавесию тумана,
Под небом бурь, среди степей,
Стоит могила Оссиана
В горах Шотландии моей...

[13, т. 1, с. 125]

Другие лермонтовские мотивы реминисцируют в ряде сочинений Мандельштама, в таких, как «В огромном омуте прозрачно и темно...» (1910), «Кузнец» (1911), «Скудный луч холодной мерою...» (1911), «Воздух пасмурный влажен и гулок...» (1935) и др.

«Итак, ни одного поэта без роду и племени, – писал Мандельштам, – все пришли издалека и идут далеко» [17, т. 1, с. 266]. И в этом ряду для себя

лично он, вряд ли не прежде всего, выделял Г.Р. Державина. «Следы» этого поэта особенно несложно найти в его строфах и строчках.

Многие мотивы, образы, описания явлений природы известного классициста наглядно отражаются в мандельштамовских строфах. Очевидно, все это, объединенное схожей стилевой строгостью, четкостью, дало основание М.И. Цветаевой в стихотворении «Никто ничего не отнял...» сопоставить Державина со своим современником: «Что вам, молодой Державин, / Мой невоспитанный стих!» [23, с. 252]. Цветаева не объяснила, что подвигло ее к такому сопоставлению, но, думается, именно присущая акмеисту Мандельштаму державинская классицистическая ясность. Примером может служить почти вся поэзия Мандельштама. Если обратиться к наиболее наглядной перекличке – вот строфа стихотворения «Декабрист» (1917):

– Тому свидетельство языческий сенат –
Сии дела не умирают! –
Он раскурил чубук и запахнул халат,
А рядом в шахматы играют...

[18, т. 1, с. 79]

Или строфа стихотворения «Царское Село» (1917):

Поедем в Царское Село!
Свободны, ветрены и пьяны,
Там улыбаются уланы,
Вскочив на крепкое седло...

[Там же, с. 43]

Несомненно, еще и схожая тропика могла подвинуть Цветаеву к сопоставлению Мандельштама и «молодого Державина». Эта схожесть проявляется, в частности, в пристрастии обоих поэтов к обилию выходящих к природе метафор и сравнений. Например, у Державина в стихотворениях – «Утро», «Лето», «Гром», у Мандельштама – «На темном небе,

как узор...» (1909), «Когда городская выходит на стогны луна...» (1920), «Я к губам подношу эту зелень...» (1937). Ряд того и другого поэта можно продолжить. Хотя есть и разница. Природа у Державина – светоносна, у Мандельштама – музыкальна.

Державин:

Пурпур, лазурь, золото, багрянец,
С зеленью тень, слиясь с серебром,
Чудный, отливный, блестящий глянec
Сыплют вокруг, тихим лучом...

[8, с. 115]

Мандельштам:

Есть иволги в лесах, и гласных долготы
В тонических стихах единственная мера.
Но только раз в году бывает разлита
В природе длительность,

как в метрике Гомера...

[18, т. 1, с. 59]

Державин часто живописует драгоценностями. В этом смысле типичен его «Водопад»:

Алмазна сыплется гора
С высот четырьмя скалами,
Жемчугу бездна и серебра
Кипит внизу, бьет вверх буграми...

[8, с. 42]

С.С. Аверинцев писал о Державине: «Природа “блещет”, и поэзия не нарадуется на картины световых эффектов, на отражение и преломление световых лучей в золоте и “кристаллах”» [10, с. 763]. Набор его драгоценностей действительно разнообразен – золото, серебро, яхонт, сапфир, изумруд, янтарь, алмаз, рубин. И так же богато самоцветы украшают стихи Мандельштама, хотя, конечно, не только его: «Эмаль, алмазы, позолота...», «Сусальным золотом горят...», «...выхолненный изумруд...», «Убиты медью вечерней...», «Мерцают звезд булавки золотые...», «Морской воды тяжелый изумруд...», «...в ледяных алмазах...» [18, т. 1].

Поэзия Державина изобилует всеми цветами радуги и их оттенками – зеленый, красный, желтый, голубой, синий, розовый, пурпурный, лазурный, ряд можно продолжить. Даже женская красота у него цветиста: «Белокурой Параша, / Сребророзова лицом» [8, с. 87]. Богата цветописью и лирика Мандельштама, и его эпитет также может быть неожиданным – «перламутровый челнок», «зеленые пальцы», «зеленеющие долины», «бледная сирень», «фиолетовый гобелен» и т.д. [18]. Правда, с годами мандельштамовская палитра по известным причинам символично мрачнеет: «черное солнце», «черный Веспер», «черные розы» [Там же].

Особенно наглядно объединяет обоих поэтов их частое обращение к образам птиц. Такое обилие пернатых – вряд ли не феномен мировой поэзии. И можно предположить, что своеобразная орнитология пришла в поэзию Мандельштама из поэзии Державина, автора таких, например, стихотворений: «Ласточка», «Соловей во сне», «Снегирь», «Лебедь», «Синичка», «Соловей», «Павлин». У Мандельштама птицы разных видов встречаются, например, в таких стихотворениях: «Под грозовыми облаками...» (1910), «Скудный луч холодной мерою...» (1911), «От вторника и до субботы» (1915), «Ласточка» (1920), «Детский рот жует свою мякину...» (1936), «Я около Кольцова...» (1937). Оба поэта часто сравнивают себя с птицами. Особенно любима обоими поэтами ласточка. Конечно, принадлежность к разным поэтическим эпохам сказалась в обращении к одним и тем же явлениям. Лирика Державина аллегорична, за образом птицы у него, как правило, стоит конкретный человек. У Мандельштама сложнее, его птицы – это символы, отражение душевного состояния лирического героя.

Если говорить о «схождениях» и «голосов перекличке», то нельзя не вспомнить о К.Н. Батюшкове. Его Мандельштам любовно-выразительно представил в стихотворении «Батюшков» (1932):

Словно гуляка с волшебною тростью,
Батюшков нежный со мною живет.
Он тополями шагает в замостье,
Нюхает розу и Дафну поет...

[18, т. 1, с. 152]

О Батюшкове, как о «любимом» поэте Мандельштама, писал Л.М. Видгоф [8, с. 9]. В самом общем виде их роднят толики эпикурейства в характерах, наличие противоречий в творчестве. Относительно одного в этом можно убедиться, читая ниже цитируемую книгу А. Клятис, относительно другого – ознакомившись с мнением С.С. Аверинцева, назвавшего Мандельштама «виртуозом противочувствия» [1, с. 49].

Существенно то, что обоих поэтов сближает понимание соотношения жизни и творчества. Свое поэтическое кредо предшественник высказал в эссе «Нечто о поэте и поэзии» (1816): «Живи как пишешь, и пиши как живешь» [5, с. 342]. Это высказывание диалогически и интонационно соотносится с известным высказыванием Мандельштама 1912 г., которое тоже тянет на кредо: «Любите существование вещи больше самой вещи и свое бытие больше самих себя» [17, т. 2, с. 144].

Если обратиться к конкретности, их роднит внимание к античности, к ее словесности. Батюшков вышел к ней через семейную любовь, посвоему введившую античность в жизнь, в быт [11, с. 17]. В стихотворении «По чести, мудроно в санях или верхом...» он прямо сказал, что именно придает ему античность:

Я крылья придаю моей ужасной кляче
И прямо – на Парнас! – или иначе...

[3, т. 1, с. 77]

«А я пою вино времен» – это сказал о себе Мандельштам в стихотворении «Зверинец» (1916), противопоставляя духовность античности бездуховности современности, но это мог сказать о себе и Батюшков [18, т. 1, с. 74]. Конечно, два поэта, разделенные столетием, по-разному «поют» античность. Для одного это прекрасное далекое, память о котором возвышает, для другого – это нечто живое, что повторяется и «повторится снова», чтобы победить «презренное» временное, «скучное соседство» [18, т. 1]. Так, вольно или невольно «преодолевая» предшественника, Мандельштам выходит к важной для него теме вечного возвращения. В хрестоматийной работе 1921 г. он писал: «Когда любовник в тишине путается в нежных именах и вдруг вспоминает, что это уже было: и слова, и волосы – и петух, который прокричал за окном, кричал уже в Овидиевых тристиях, глубокая радость повторенья охватывает его, головокружительная радость...» [17, т. 2, с. 170].

Вряд ли можно говорить, что Батюшков повернул Мандельштама лицом к античности, но точно этому способствовал. В знаменитом стихотворении Мандельштама «Tristia» (1918) просматриваются, как заметила исследовательница, тибулловы элегии предшественника [11, с. 79–80]. Из вольного перевода «Элегии из Тибулла» «летающая» Делия перелетела в знаменитое стихотворение Мандельштама:

Батюшков:

Беги навстречу мне, беги из мирной сени
В прелестной наготе явись моим очам.
Власы развеяны небрежно по плечам...

[4, с. 167]

Мандельштам:

Смотри: навстречу, словно пух лебяжий,
Уже босая Деция летит!..

[18, т. 1, с. 87]

Впрочем, она могла «перелететь» и непосредственно от Тибулла.

С.И. Липкин говорил, что Мандельштам выделял «линию Батюшкова в дальнейшем движении русской поэзии», и видел Мандельштама звеном в продолжении этой линии, усложнившей ее эллиптической поэтикой или, как принято говорить в мандельштамоведении, поэтикой «опущенных звеньев» [14, с. 29]. Заметим, о близости поэтов говорит то, что Мандельштам не канонизирует Батюшкова. В стихотворении «Нет, не луна, а светлый циферблат...» (1912) он костит того, как своего современника: «И Батюшкова мне противна спесь» [18, т. 1, с. 42].

Известно, что сильное влияние на Батюшкова оказал В.А. Жуковский. Конкретных «следов» Жуковского в поэзии Мандельштама немного, но весьма много, так сказать, типологических корреляций. В элегическом стихотворении «Скудный луч холодной мерою...» (1911) есть узнаваемые жуковско-романтические мотивы, интонации:

Утро, нежностью бездонное, –
Полу-явь и полу-сон,
Забывье неутоленное –
Дум туманный перезвон...

[Там же, с. 37]

Строки Жуковского из стихотворения «Вечер»

Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает...

[9, т. 1, с. 76]

созвучны строкам стихотворения Мандельштама «Скудный луч холодной мерою...» (1911):

Твердь умолкла, умерла.
С колокольни отуманенной
Кто-то снял колокола...

[18, т. 1, с. 37]

О генетических связях Жуковского и Мандельштама, понятно через Ф.И. Тютчева, можно говорить, если обратиться к стихотворению первого «Невыразимое» и второго – «Silentium» (1910):

Жуковский:

Но лзя ли в мертвое живое передать?
Кто мог создание в словах пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?..

[9, т. 1, с. 129]

Мандельштам:

Да обретут мои уста
Первоначальную немоту,
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста!..

[18, т. 1, с. 34]

Более конкретные связи наблюдаются между творчеством Мандельштама и Тютчева, особенно в начальный, еще символистский, период мандельштамовского творчества. О первоначальной близости поэта к символистам пишет О. Лекманов [12, с. 19]. Известно, как почитаем был Тютчев в кругах символистов. Такие стихотворения молодого Мандельштама, как «Ни о чем не нужно говорить...» (1909), «Смутно дышащими листьями...» (1911), «Душу от внешних условий...» (1911), «Природа – тот же Рим и отразилась в нем...» (1917), не только интонационно, но и семантически близки стихотворениям Тютчева, таким, как «Silentium», «Природа – сфинкс. И тем она верней...», «Ночное небо так угрюмо...», «О, вещая душа моя!..» и др.

У Мандельштама немало прямых диалогических отсылок к стихам этого предшественника. Вот несколько примеров:

Тютчев:

Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем...

[22, т. 2, с. 142]

Мандельштам:

И призрачна моя свобода,
Как птиц полночных голоса...

[18, т. 1, с. 34]

Тютчев:

О вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

[22, т. 2, с. 175]

Мандельштам:

О, вещая моя печаль,
О, тихая моя свобода...

[18, т. 1, с. 29]

И двойным бытием отраженным
Одурманены сосен стволы...

[Там же, с. 37]

Исследователи (например, Е. Тоддес) указывают и на другие подобные отсылки⁷.

Мандельштам наследует тютчевское эпическое отношение к миру природы, к ее величавой мощи. Пожалуй, в этом их отношении есть толика апокалиптического страха, невнятной безысходной тревоги. Все это очевидно, если сравнить такие, например, стихотворения Тютчева, как «День и ночь», «Смотри, как на речном просторе...», «Песок сыпучий по колени...» и, например, Мандельштама – «Слух чуткий парус напрягает...» (1910), «Я вздрагиваю от холода...» (1912), «Пешеход» (1912) и т.д. Весьма характерны в этом плане строки тютчевского стихотворения,

⁷ См.: Тоддес Е.А. Мандельштам и Тютчев // Избранные труды по русской литературе и филологии. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 448.

которое написано на французском языке и переведено В.Я. Брюсовым, «Un ciel lourd que la nuit bien avant l'heure assiège...»:

Нет выхода!

Весь мир исчез в тумане этом,
Тот мир, где место есть живым,
грозе, борьбе!

И, убаюканный тем смутным полусветом,
О полюс! – город твой влечется
вновь к тебе!

[22, т. 1, с. 202]

Мандельштам вслед за Тютчевым выступил как певец первородного хаоса. На хрестоматийно известные стихотворения предшественника на эту тему – «О чем ты воешь, ветр ночной?..», «Песнь радости» (Из Шиллера), «Сон на море» – второй ответил рядом тематически схожих стихотворений, в частности, стихотворением «Качает ветер тоненькие прутья...» (1913), где есть такие строки:

Разве я знаю, отчего я плачу?
Я только петь и умирать умею.
Не мучь меня: я ничего не значу
И черный хаос в черных снах лелею!

[18, т. 1, с. 401]

Связь не в формальном упоминании хаоса тем и другим поэтом, а в схожей философии экзистенциального страха. Хаос одного поэта в стихотворении «Видение» поэтическим эхом отзывается в стихотворении другого – «Бесшумное веретено...» (1909), и здесь та же философская корреляция:

Тютчев:

Есть некий час, в ночи,
всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес...

[22, т. 1, с. 70]

Мандельштам:

Все одинаково темно;
Все в мире переплетено
Моею собственной рукою;
И, непрерывно и одно,
Обуреваемое мною
Остановить мне не дано –
Веретено.

[18, т. 2, с. 234]

Отсылка к Е.А. Баратынскому у Мандельштама немного, но они очевидны. Заметим, звонко-поэтичное слово «Аквилон» в упомянутом именно так названном стихотворении Пушкина появилось тремя годами позже его появления у Баратынского в стихотворении 1821 г. «Водопад»:

Я слышу: свищет аквилон,
Качает елию скрипучей,
И с непогодю ревучей
Твой рев мятежный соглашен...

[3, т. 1, с. 211]

Так что обращение Мандельштама к образу стихии в процитированном стихотворении «Отчего душа так певуча?..» могло быть связано с поэзией как Пушкина, так и Баратынского, не говоря уже о том, что к этой стихии все три поэта могли обратиться независимо друг от друга.

В стихотворении Мандельштама «Еще далеко мне до патриарха...» (1931) прослеживается безусловная отсылка к стихотворению Баратынского «Еще, как патриарх, не древен я...». Первым ее заметил Н. Струве: «От образа, взятого у Баратынского... Мандельштам... переходит в шутивно-иронический тон: “язык трамвайной перебранки”» [21, с. 53–54].

Баратынский:

Еще, как патриарх, не древен я; моей
Главы не умастил таинственный елей:
Непосвященных рук бездарно возложенье!..

[3, т. 3, с. 56]

Мандельштам:

Еще далеко мне до патриарха,
Еще на мне полупочтенный возраст,
Еще меня ругают за глаза
На языке трамвайных перебранок,
В котором нет ни смысла, ни аза:
Такой-сякой! Ну что ж, я извиняюсь, –
Но в глубине ничуть не изменяюсь...

[18, т. 1, с. 143]

Шуточный зачин этого стихотворения у Мандельштама разворачивается в драматическое повествование об одиночестве гонимого лирического героя, о непонимании им окружающего мира.

В эссе «Слово и культура» Мандельштам писал: «...поэт не боится повторений и легко пьянеет классическим вином» [17, т. 2, с. 170]. Многочисленные «повторения» самого Мандельштама весьма специфичны. Это, скорее, легкие, в одно касание, обращения, они, как правило, служат зачином или поводом для оригинального поэтического сочинения. Они также выполняют роль отсылок к поэтическим творениям предшественников. Таким образом, пусть и невольно, Мандельштам как бы освежает память о них, говорит от лица поэзии вообще. Конечно, при этом он чаще обращается к «посвященным», кто, встретив в его строфах Делию вспомнит и Тибулла, и Батюшкова, встретив Оссиана – Лермонтова, прочитав о «призрачной» свободе или о «вещей» душе – Тютчева и т.д.

Мандельштам был строгий литератор. Известно, что он взыскательно относился и к предшественникам, и к себе, и к поэтам-современникам; в направлении творчества некоторых из них, случалось, летели его язвительные критические стрелы. Судя по этим стрелам, Мандельштам не терпел просто красивых стихов, просто описательных стихов; по его

профессиональным убеждениям, стихи должны нести еще и познавательный заряд о духовной жизни прошедших эпох, «тоску по культуре». Именно поэтому постижение значительной части мандельштамовского наследия требует и эстетического, и интеллектуального напряжения. Временному, «скучному соседству» Мандельштам предпочитал вечность, соответственно, метонимии – метафору. Строгая критика поэта оправдана не только его несомненным при-

родным даром стихотворца, но еще и исключительным трудом, позволившим ему освоить огромный свод «блаженного наследства». Он возрастал как человек мировой культуры, он подвигал людей сохранять ее. Важной или важнейшей составной этой духовности была для Мандельштама поэзия соотечественников-предшественников, объект его многих поэтических рефлексий. Лишь некоторая часть этой поэзии упомянута в настоящей статье.

Библиографический список

1. Аверинцев и Мандельштам: статьи и материалы. М., 2011.
2. Ахматова А.А. Листки из дневника. Проза. Письма. М., 2017.
3. Баратынский Е.А. Полное собрание сочинений и писем. М., 2002–2012.
4. Батюшков К.Н. Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1964.
5. Батюшков К.Н. Сочинения. М., 1934.
6. Видгоф Л.М. «Но люблю мою курву-Москву». Осип Мандельштам: поэт и город. М., 2012.
7. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М., 1993.
8. Державин Г.Р. Водопад: Избранные стихотворения. М., 1977.
9. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 1999–2023.
10. Из истории русской культуры. Т. 4 (XVIII – начало XIX века). М., 1996.
11. Клятис А. Батюшков. М., 2012.
12. Лекманов О.А. Осип Мандельштам: вехи поэтического пути // Мандельштам О.Э. Стихотворения. Проза. М., 2017. С. 19–28.
13. Лермонтов М.Ю. Полное собрание стихотворений: в 2 т. Л., 1989.
14. Липкин С.И. «Угль, пылающий огнем». Воспоминания о Мандельштаме. Стихи, статьи, переписка. М., 2008.
15. Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1989.
16. Мандельштам Н. Третья книга: воспоминания. М., 2006.
17. Мандельштам О.Э. Сочинения: в 2 т. М., 1990.
18. Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т. 1. Стихотворения. М., 2009.
19. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.; Л., 1950–1951.
20. Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002.
21. Струве Н.А. Осип Мандельштам / автопер. с фр. Томск, 1992.
22. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений: в 6 т. М., 2002–2005.
23. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Стихотворения. М., 1994.

References

1. Averincev i Mandelstam: stati i materialy [Averintsev and Mandelstam: Articles and materials]. Moscow, 2011.
2. Ahmatova A.A. Listki iz dnevnika. Proza. Pisma [Pages from the diary. Proze. Letters]. Moscow, 2017.
3. Boratynsky E.A. Polnoe sobranie sochineniy i pisem [Complete collection of works and letters]. Moscow, 2002–2012.

4. Batyushkov K.N. Polnoe sobranie stihotvorenij [Complete collection of poetry]. Moscow; Leningrad, 1964.
5. Batyushkov K.N. Sochineniya [Works]. Moscow, 1934.
6. Vidgof L.M. «No lyublyu moyu kurvu-Moskvu». Osip Mandelshtam: poet i gorod [“But I love my whore Moscow”. Osip Mandelstam: The poet and the city]. Moscow, 2012.
7. Gasparov B.M. Literaturnye leitmotivy. Ocherki po russkoj literature XX veka [Literary leitmotifs. Essays on Russian literature of the XX century]. Moscow, 1993.
8. Derzhavin G.R. Vodopad [Waterfall]. Selected works. Moscow, 1977.
9. Zhukovsky V.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. [Complete collection of works and letters in 20 vols.]. Moscow, 1999–2023.
10. Iz istorii russkoj kultury. T. 4 (XVIII – nachalo XIX veka) [From the history of Russian culture. Vol. 4 (XVIII – early XIX century)]. Moscow, 1996.
11. Klyatis A. Batyushkov [Batyushkov]. Moscow, 2012.
12. Lekmanov O.A. Osip Mandelstam: Milestones of the poetic path. *Mandelstam O.E. Stihotvorenija. Proza*. Moscow, 2017. Pp. 19–28. (In Rus.)
13. Lermontov M.Yu. Polnoe sobranie stihotvorenij: v 2 t. [Complete collection of poetry in 2 vols.]. Leningrad, 1989.
14. Lipkin S.I. «Ugl, pylayushchij ognem». Vospominaniya o Mandelshtame. Stihi, stati, perepiska [“Coal, blazing with fire”. Memories of Mandelstam. Poems, articles, correspondence]. Moscow, 2008.
15. Mandelshtam N. Vospominaniya [Memories]. Moscow, 1989.
16. Mandelshtam N. Tretya kniga: vospominaniya [Third book: Memories]. Moscow, 2006.
17. Mandelshtam O.E. Sochineniya: v 2 t. [Works in 2 vols.]. Moscow, 1990.
18. Mandelshtam O.E. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 3 t. [Complete collection of works and letters in 3 vols.]. Vol. 1. Poetry. Moscow, 2009.
19. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t. [Complete collection of works in 10 vols.]. Moscow; Leningrad, 1950–1951.
20. Ronen O. Poetika Osipa Mandelshtama [The poetics of Osip Mandelstam]. St. Petersburg, 2002.
21. Struve N.A. Osip Mandelshtam [Osip Mandelstam]. Transl. from French. Tomsk, 1992.
22. Tyutchev F.I. Polnoe sobranie sochinenij: v 6 t. [Complete collection of works in 6 vols.]. Moscow, 2002–2005.
23. Tsvetaeva M.I. Sobranie sochinenij: v 7 t. [Works in 7 vols.]. Vol. 1. Poetry. Moscow, 1994.

Статья поступила в редакцию 25.05.2024, принята к публикации 30.08.2024

The article was received on 25.05.2024, accepted for publication 30.08.2024

Сведения об авторах / About the authors

Мескин Владимир Алексеевич – доктор филологических наук; профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва

Vladimir A. Meskin – ScD in Philology; Professor at the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow

E-mail: vameskin@yandex.ru

Васиярова Ольга Михайловна – студент филологического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва

Olga M. Vasiyarova – student at Faculty of Philology, Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow

E-mail: vasiyarova.om@mail.ru

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-45-52

УДК 821.161.1

С.М. Заяц, Г.Н. НиколаеваПриднестровский государственный университет имени Т.Г. Шевченко,
3300 г. Тирасполь, Молдова

Семантическая роль мотива творения в рассказе Ю.М. Нагибина «Сон о Тютчеве»

Аннотация. В статье излагается взгляд Ю.М. Нагибина на процесс творчества, стремление постичь его сущность, чем и объясняется постановка сложных проблем, связанных с психологией творчества, в рассказе «Сон о Тютчеве». Художественно моделируя образ творца и ситуации, связанные с творческим процессом, понимаемым как духовное откровение и содержащим некую тайну, автору важно было показать, как «из начальной стихии хаоса» извлекается единственно верное слово, какие высшие силы или жизненные причины побуждают творца созидать. По мнению Ю.М. Нагибина, в основание художественного текста заложена живая реальность, а реальность художественного текста невозможно отделить от художника, его мировоззрения и духовного мира. Своеобразие воссоздания внутреннего мира поэта состоит в том, что повествование о его творческом кредо, связях с современниками, об историко-биографических фактах сжато в рамках одного эпизода, ограниченного во времени и в пространстве. Такое «стяжение» происходит чаще всего во внутреннем монологе, особенностью которого является использование формы третьего лица, когда герой становится повествователем, отстраненно наблюдая за тем, что проносится в его сознании. Воспоминания художника о наиболее значимых моментах своей жизни позволяют автору рассказа в небольшом отрезке текста создать максимально объемный и достоверный психологический портрет творца, формируя представление о его судьбе через хронику жизни одного дня. В его мгновенном, сиюминутном отблеске сокрыта тайна художественного мира, которую приоткрывает Ю.М. Нагибин, создавая своеобразный миф о поэте, что становится частью общей картины бытия, где наиболее значимым является не мотив творения-ремесла, а мотив творения как созидания и духовного откровения, как сближение проникновенного поэтического слова с Вечностью. Этим объясняется тот факт, что, по признанию самого автора, для него в рассказе «Сон о Тютчеве» важнее всего была не эпоха, а личность поэта, его мысли о чуде творчества и вдохновения.

Ключевые слова: Ю.М. Нагибин, художественное моделирование образа творца, творение-откровение, творение-ремесло, внутренний монолог

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Заяц С.М., Николаева Г.Н. Семантическая роль мотива творчества в рассказе Ю.М. Нагибина «Сон о Тютчеве» // Литература в школе. 2024. № 6. С. 45–52. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-45-52

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-45-52

S.M. Zayats, G.N. Nikolaeva

Pridnestrovian State University,
Tiraspol, 3300, Moldova

The semantic role of the creative motive in the story “A dream about Tyutchev” by Yu.M. Nagibin

Abstract. The article presents Yu.M. Nagibin's view on the creative process, the desire to comprehend its essence, which explains the formulation of complex problems related to the psychology of creativity in the story “A Dream about Tyutchev”. Artistically modeling the image of the creator and situations related to the creative process, understood as a spiritual revelation and containing a certain secret, it was important for the author to show how the only true word is extracted “from the initial element of chaos”, what higher powers or life reasons motivate the creator to create. According to Yu.M. Nagibin, the artistic text is based on living reality, and the reality of the artistic text cannot be separated from the artist, his worldview and spiritual world. The originality of the recreation of the poet's inner world is that the narrative about his creative credo, connections with contemporaries, historical and biographical facts is compressed within the framework of one episode, limited in time and space. Such “contraction” occurs most often in the internal monologue, the peculiarity of which is the use of the third person form, when the hero becomes the narrator, detachedly observing what flashes through his mind. The artist's memories of the most significant moments of his life allow the author of the story to create the most voluminous and reliable psychological portrait of the creator in a small text section, forming an idea of his fate through the chronicle of one day's life. In its instantaneous, momentary reflection the secret of the artistic world is hidden, which Yu.M. Nagibin reveals, creating a kind of myth about the poet, which becomes part of the general picture of being, where the most significant is not the motif of creation-craft, but the motif of creation as creation and spiritual revelation, as the rapprochement of the heartfelt poetic word with Eternity. This explains the fact that, according to the author himself, for him in the story “A Dream about Tyutchev” the most important thing was not the era, but the personality of the poet, his thoughts about the miracle of creativity and inspiration.

Key words: Yu.M. Nagibin, artistic modeling of the image of the creator, creation-revelation, creation-craft, internal monologue

CITATION: Zayats S.M., Nikolaeva G.N. The semantic role of the creative motive in the story "A dream of Tyutchev" by Yu.M. Nagibin. *Literature at School*. 2024. No. 6. Pp. 45–52. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-45-52

Художественное наследие писателя Ю.М. Нагибина пронизывают мысли о сущности и процессе творчества, об искусстве как способе познания человеком мира, о психологии и судьбе художника. Об этих сложных философских вопросах писатель размышлял в книге «Вечные спутники» (1981), художественно моделируя образы творцов и ситуации, связанные с творческим процессом, понимаемым как духовное откровение и содержащим некую тайну. Постигание сути процесса творчества являлось главным для Ю.М. Нагибина, поэтому основными в книге стали проблемы, связанные с психологией творчества.

Литературовед В.И. Сахаров отмечал, что в произведениях Ю.М. Нагибина, посвященных художникам, есть особая установка писателя на достижение не фактической, а психологической достоверности в судьбах и личностях творцов, поэтому в жанровом отношении рассказы писателя «можно назвать психологическими этюдами, проникновением во внутренний мир реально существовавших некогда людей, более того – своеобразной художественной реконструкцией их духовного состояния» [4, с. 23].

Художественный текст, по Ю.М. Нагибину, является самостоятельным духовным явлением, концептом, в основании которого заложена живая

реальность, но реальность художественного текста невозможно отделить от художника, от его мировоззрения, его духовного мира.

Задачу воссоздания внутреннего мира художника, осмысления его жизни в рамках рассказа или небольшой повести Ю.М. Нагибин решает своеобразно. Это выражается в том, что многие произведения в книге «Вечные спутники» представляют собой хронику одного дня. Весь историко-биографический материал концентрируется таким образом, что в рамках одного ограниченного во времени и пространстве эпизода раскрывается представление обо всей судьбе художника, его творческом кредо, связях с современниками. Такое «стяжение» материала происходит чаще всего во внутреннем монологе, когда герой в короткий промежуток времени вспоминает наиболее значимые моменты своей жизни, что позволяет автору в небольшом отрезке текста создать максимально объемный и достоверный психологический портрет творческой личности. Это особенно важно в тех произведениях, где в основу сюжета положен мотив творения, когда автор пытается понять, из чего же рождаются произведения искусства, какие жизненные причины или высшие силы заставляют творца созидать.

К этой главной тайне творческого процесса и стремился прикоснуться

Ю.М. Нагибин. В мгновенном, сиюминутном отблеске прожитого дня сокрыта тайна художественного мира писателя, которую Ю.М. Нагибин приоткрывает, создавая своеобразный миф о поэте. Отдельно созданный миф становится частью общей картины бытия, в которой значимым представляется мотив творения.

Создавая рассказ «Сон о Тютчеве» (1976), вошедший в книгу «Вечные спутники», писатель говорил о том, что для него важнее всего была личность, а не эпоха. Об этом свидетельствует статья Ю.М. Нагибина «Признание», в которой он рассказал о «зерне», положенном в основу этого произведения: «Рассказ планировался небольшой, и я решил испытать свой метод... Сядь за работу, я даже не раскрыл имеющийся у меня двухтомник Тютчева, не перечитал его стихов... И, целиком вверившись порыву, напутал все, что только можно... Но образ несчастной, полубезумной и неповторимо прекрасной Денисьевой и образ самого Тютчева мне не пришлось сочинять заново. Значит, в главном мой метод себя полностью оправдал...»¹. В этом проявилось свободное отношение Ю.М. Нагибина к фактам истории литературы, что не всегда находило понимание у литературных критиков. Однако В.Д. Оскоцкий полагал, что исторические картины, «...созданные по законам художественного вымысла, оказываются социально и нравственно куда более значительными, чем документально удостоверенные хроникальные сообщения об эпохе»². Художественный текст несет в себе

авторский вымысел, который может стать правдой жизни. Это, конечно, зависит от уровня таланта писателя, зрелости его духовного мира, знания жизни, природы и человека.

Небольшой размер рассказа «Сон о Тютчеве» и его глубокая экспрессивность побудили Ю.М. Нагибина отбирать наиболее эмоционально насыщенные слова и вести стареющего поэта по лабиринту воспоминаний от «безмятежной легкости» начала его романа с юной Еленой Денисьевой к драматизму их дальнейших отношений. В связи с этим «...удивительный роковой смысл приобрели ... его стихи»³.

Ю.М. Нагибин говорил, что ему хотелось понять, как родилось одно из самых глубоких и прекрасных в русской лирике стихотворений «Вот бреду я вдоль большой дороги, в тихом свете гаснущего дня...», «поразительное по простоте... посвященное ушедшей любимой женщине, когда душа напрямую выражает себя»⁴.

Ю.М. Нагибин моделирует в рассказе все этапы рождения стихотворения, а также мысли Ф.И. Тютчева о чуде творчества и вдохновения: «...обычно в дороге... стихи начинались смутным шумом, словно далекий морской прибор, затем в мерном шуме этом прозванивали отдельные слова и вдруг чудно сочетались в строку. Он становился как бы вместелищем некой чужой работы. Ему нужно было лишь узнавать лучшие, самые необходимые слова...» [2, с. 444]. В рассказе показаны почти родовые муки слова. Так, за короткую

¹ Нагибин Ю.М. Признание // Литературная Россия. 1975. № 27. С. 9.

² Оскоцкий В.Д. Связь времен. М., 1974. С. 117.

³ Нагибин Ю.М. Возвращение к детству (из встречи в концертной студии Останкино, 1980 г.) // 15 встреч в Останкине. М., 1989. С. 442.

⁴ Там же. С. 41.

вечернюю прогулку Ф.И. Тютчев, недавно переживший смерть любимой женщины, заново прочувствовал безнадежность запоздалого раскаяния. Он ждал душевного облегчения от возможности воплотить в слове «...красоту этой муки» [2, с. 441]. В этом эпизоде, характерном для творчества Ф.И. Тютчева в целом, мотив творения – это мотив созидания и духовного откровения, сближение проникновенного поэтического слова с Вечностью. Можно говорить о Божественном откровении, которое проявляет себя в творческом процессе созидания, когда мир горний и ирреальный перекликается с миром реальным и дольным.

Это переплетение становится не просто художественной правдой, но действительностью, преображающей природу человека, связывая его с природой Божественного.

Мотив творения в рассказе тесно переплетается с мотивом пути, что было характерно для русской поэзии XIX в. в целом. Для Ю.М. Нагибина путь, дорога, движение часто являются факторами, способствующими творчеству, потому что именно в эти мгновения человек имеет возможность остаться наедине с самим собой, со своими мыслями и чувствами, отрешиться от всего обыденного и заземленного. Литературовед В.Н. Касаткина считает, что человеческая жизнь в поэтической системе Ф.И. Тютчева «...подобна путешествию, а человек – как путник в дороге» [1, с. 35]. Суть этого понимания Ю.М. Нагибин и показал в рассказе, изобразив Ф.И. Тютчева путником, одиноко бредущим вдоль дороги навстречу творческому озарению: «Чаще всего стихи слагались у него во время одиноких прогулок, а потом

ему оставалось лишь записать их или продиктовать кому-то из близких. И как непохожи были эти стихи на те, что *сочинялись*» [2, с. 444]. Так в рассказе появляется новая составляющая мотива творения – творение-ремесло. Этот семантический вариант существует лишь в сознании, в памяти героя, но не реализуется на уровне сюжета рассказа.

Творение-откровение и творение-ремесло оказываются одновременно и синонимичными, и антонимичными понятиями. Этим писатель подчеркнул, что творчество, даже одного художника, неоднородно, но в любом случае, «...каждое стихотворение – маленькая победа над хаосом» [Там же, с. 444]. Для Ю.М. Нагибина важно было показать, как извлекается единственно верное слово из стихии хаоса. Творческое видение писателя перекликается с пониманием Ф.И. Тютчевым хаоса как необходимого фрагмента мироздания, стоящего в основании человека и природы.

Творческий акт и творчество в широком смысле слова связаны с появлением новых духовных ценностей. «Новизна – вот что отличает творчество от ремесла. Творец не может не быть ремесленником – не может не владеть всеми навыками своего ремесла, ремесленник может и не быть творцом, может и не иметь творческой жилки»⁵, – пишет А.М. Вейн в статье «Противоборство с самим собой».

В связи с этим становится понятно, почему для Ф.И. Тютчева стихи, «сочиняемые» на торжественные, юбилейные даты, на важные события

⁵ Вейн А.М. Противоборство с самим собой // Наука и религия. 1983. № 9. С. 32.

политической или государственной жизни, на смерти и рождения, не менее важны и нужны, так как в поэте «...заложена жажда отклика на суматоху внешней жизни» [2, с. 444]. Однако в историю русской поэзии имя Ф.И. Тютчева, как гения, вписали не «сочиняемые» им стихи, а те, что были «продиктованы ему свыше», когда «...нужно было лишь узнавать лучшие, самые необходимые слова... содержащие что-то сверх прямого смысла... отбрасывающие тень и сияние» [Там же].

По мнению Ю.М. Нагибина, творческий талант обусловлен внутренним миром самого человека, его способностью психологически тонко воспринимать красоту и гармонию мира: «...стихи эти не с неба падали, их порождали... пустынная дорога, идущая травяными полями или нивами, купы деревьев, лес на горизонте, небо и облака в нем...» [Там же].

Источником творчества художника часто становилось страдание. Литературовед Л.С. Шепелева отмечала в произведениях Ю.М. Нагибина скрупулезное исследование состояния души героев в кризисные моменты, малейших «изгибов мысли» [5, с. 90].

Ю.М. Нагибин подчеркивает в рассказе, как душевная драма и глубокие страдания Ф.И. Тютчева постепенно вытесняются стихами, которые выражают давно назревший в его душе разговор с любимой и ушедшей женщиной:

Все темней, темнее над землею –
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

[Там же, с. 446]

В конце рассказа мотив вечного страдания художника вновь пересекается с мотивом назначения творчества. «Творчество, – рассуждает Ю.М. Нагибин, – это все-таки общение... Человек пишет стихотворение, ища какого-то отклика, чтоб уцелеть... не погибнуть в пустоте. Позже... приходит и потребность в читателе, который нужен хотя бы для того, чтобы понять, удалось ли выразить... то, что обременяло душу»⁶.

Мир художника в рассказе раскрывается с помощью приема внутреннего монолога, в котором реализуются разные способы самовыражения героя, на что обратила особое внимание исследователь В.Е. Островская [3, с. 19]. Особенностью внутреннего монолога в рассказе Ю.М. Нагибина является использование формы третьего лица, когда герой становится повествователем, отстраненно наблюдая за тем, что происходит в его сознании за время короткой прогулки, когда он, как тень, бредет вдоль большого, «создавая» собственный психологический портрет. Это объясняет смысл заглавия рассказа, который назван «Сон о Тютчеве», где прошлое, настоящее и будущее сливаются в одном событии – в «большом времени культуры». Большое и малое время встретились в художественном мире поэта, заключая в себе вечное и мгновенное. Набрав в пригоршню морской воды, поэт стал частью моря.

Ф.И. Тютчев, как и все «вечные спутники», принадлежит вечной жизни, обители избранных. Несмотря на огромную значимость его имени для русской литературы, при жизни поэт был недооценен, хотя

⁶ Нагибин Ю.М. «О, господи, дай жгучего страдания...» // Литературная газета. 1993. № 42. С. 4.

он и не стремился к популярности. Вопросы, связанные с публикациями, всегда были не слишком важными для Ф.И. Тютчева, в то время как И.С. Тургенев «...взял на себя труд издания разбросанных по журналам и альманахам стихов поэта» [2, с. 447].

Рядом с «вечными спутниками», со-творцами, в рассказе присутствуют и жизненные спутники Ф.И. Тютчева, среди которых есть люди, готовые взять на себя земные хлопоты, в том числе связанные с «популяризацией» его творчества. Не слишком обрадовался стареющий поэт, когда его будущий зять И.С. Аксаков попытался добиться от него хотя бы разрешения на новое издание. Ф.И. Тютчев не понимал, кому и зачем это нужно и что значит издание его произведений по сравнению с только что пережитым им моментом творческого озарения. Это «ослепление скромностью» [Там же, с. 448] восхищает И.С. Аксакова и одновременно возмущает, ведь его цели, в отличие от большинства подобных людей, не корыстны. Жизненное кредо Ф.И. Тютчева – «...я обрел спокойствие, больше мне ничего не надо...» [Там же] – является скорее исключением, ведь в художнике должна быть заложена потребность обратной связи.

«Тютчев был совершенно равнодушен к печатанию, его знали лишь немногие, а открыл по-настоящему Некрасов. Причем, открыл очень интересно: он сел писать серию статей о второстепенных русских поэтах. А закончил статью признанием Тютчева первостепенным поэтом»⁷, – говорил Ю.М. Нагибин на встречах с читателями.

⁷ Нагибин Ю.М. Возвращение к детству (из встречи в концертной студии Останкино, 1980 г.) // 15 встреч в Останкине. М., 1989. С. 42.

Таким образом, в рассказе «Сон о Тютчеве», входящем в книгу «Вечные спутники», велика семантическая роль мотива творения, понимаемого как созидание, откровение и как ремесло, что подчеркивает контраст между святым, вечным и обыденным, бренным в творце. В тайне творчества открывается бесконечная природа человека и осуществляется его высшее назначение. В моменты творческого откровения художник оправдывает себя перед Богом и перед людьми. Творческий акт – тайна, в которой происходит узнавание человека и поэта. Этот процесс узнавания свойственен был не только Ф.И. Тютчеву и размышляющему о его поэзии Ю.М. Нагибину, но и их современникам. Достаточно вспомнить пушкинского «Пророка», лермонтовского путника, одиноко выходящего на дорогу, Б.Л. Пастернака, ищущего цель творчества в самоотдаче, и К.Г. Паустовского, имевшего сходные переживания с рефлексиями Ю.М. Нагибина.

Анализ процесса художественного творчества помогает понять психологию творца, созидателя. В творческом акте нет четких схем, однозначных решений, поддающихся логическому осмыслению. Каждый раз – это рождение, ранее неизвестное и неповторимое. В акте творения поэт становится бессмертным, потому что Слово, обладающее Божественными свойствами, нетленно и вечно. Слово, как дар неба, приходит к тому, кто достоин его принять всем своим естеством. В этом отношении можно смело утверждать, что поэзия Ф.И. Тютчева несет в себе сокровенную тайну, явленную в стихотворном слове. Мистическое соединилось в реальности художественного текста, явившись фундаментом мотива творения, его значимой единицей.

Библиографический список

1. *Касаткина В.Н.* Поэзия Ф.И. Тютчева. М., 1978.
2. *Нагибин Ю.М.* Остров любви. Кишинев, 1985.
3. *Островская В.Е.* Русский советский лирико-психологический рассказ 70-х годов: проблематика и поэтика (Ю. Нагибин, В. Конецкий, Г. Семёнов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
4. *Сахаров В.И.* Мелодия прозы. Заметки о творчестве Юрия Нагибина. М., 1977.
5. *Шепелева Л.С.* Мастерство Ю. Нагибина-новелиста. Челябинск, 1976.

References

1. *Kasatkina V.N.* Pojezija F.I. Tjutcheva [Poetry of F.I. Tyutchev]. Moscow, 1978.
2. *Nagibin Yu.M.* Ostrov ljubvi [Island of Love]. Chisinau, 1985.
3. *Ostrovskaya V.E.* Russkiy sovetskiy liriko-psikhologicheskiy rasskaz 70-kh godov: problematika i poetika (Yu. Nagibin, V. Konetskiy, G. Semyonov) [Russian Soviet lyrical-psychological story of the 70s: Problematics and poetics (Yu. Nagibin, V. Konetskiy, G. Semenov)]. PhD Dis. Moscow, 1984.
4. *Sakharov V.I.* Melodija prozy. Zametki o tvorchestve Jurija Nagibina [Melody of Prose. Notes on the Works of Yuri Nagibin]. Moscow, 1977.
5. *Shepeleva L.S.* Masterstvo Yu. Nagibina-novellista [The mastery of Yu. Nagibin the novelist]. Chelyabinsk, 1976.

Статья поступила в редакцию 10.09.2024, принята к публикации 30.09.2024
The article was received on 10.09.2024, accepted for publication 30.09.2024

Сведения об авторах / About the authors

Заяц Сергей Михайлович – доктор филологических наук; профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета, Приднестровский государственный университет имени Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова

Sergey M. Zayats – ScD in Philology (Literature); Professor at the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, Pridnesprovia State University, Tiraspol, Moldova

E-mail: smz67@mail.ru

Николаева Галина Николаевна – доцент кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета, Приднестровский государственный университет имени Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова

Galina N. Nikolaeva – assistant professor at the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, Pridnesprovia State University, Tiraspol, Moldova

E-mail: gn77898613@yandex.com

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-53-68

УДК 821.161.1

А.В. Давыдова**Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова,
163002 г. Архангельск, Российская Федерация**

Образ деревни в Северном тексте русской литературы начала XXI века для детей

Аннотация. Статья является частным этапом изучения Северного текста русской литературы для детей как субтекста Северного текста. Цель автора – анализ образа северной деревни в произведениях для детей современных писателей: А. Ломковского, О. Бундура, И. Богатыревой, С. Востокова. Отталкиваясь от художественной специфики Северного текста как локального сверттекста, автор руководствуется интегративным принципом в исследовании произведений, совмещающим различные виды литературоведческого анализа (мотивный, системно-семантический, мифопоэтический, хронотопический), а также, выявляя различные тенденции изображения северной деревни в современной детской литературе, обращается к сравнительно-сопоставительному методу. Проведенный анализ показал, что подходы к воссозданию образа северной деревни в произведениях для детей современных писателей различаются в зависимости от той позиции, которую сам автор занимает по отношению к Северу, жанровых особенностей произведений и тех художественных и воспитательных задач, которые ставят перед собой авторы. Писатель-северянин (А. Ломковский) поэтизирует деревню, противопоставляя ее городу, изображает как средоточие нравственных, семейных, национальных традиций, как живой и родной мир. Писатель, долго живший на Севере (О. Бундур) и принявший его как вторую родину, в жанре художественного учебника стремится показать связь деревенской традиции и городского настоящего Севера. Авторы, долго не жившие на Севере (И. Богатырева, С. Востоков), воспринимают деревню как пограничное пространство, которое для них является средоточием истинной жизни, обнажающей национальные, духовные, нравственные основы человеческого бытия, полуреальный и несколько экзотический мир. Существование в современном Северном тексте русской литературы для детей различных подходов к воплощению образа деревни свидетельствует не только о том, что этот образ вызывает живой интерес у писателей, которые переосмысляя его, возвращаются к традициям отечественной литературы, но и о том, что названный региональный сверттекст через детский текст воспринимает актуальные тенденции современного литературного процесса.

© Давыдова А.В., 2024

Ключевые слова: современная русская литература для детей, Северный текст, образ северной деревни в литературе, писатель-северянин, традиции отечественной литературы

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Давыдова А.В. Образ деревни в Северном тексте русской литературы начала XXI века для детей // Литература в школе. 2024. № 6. С. 53–68.
DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-53-68

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-53-68

A.V. Davydova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk, 163002, Russian Federation

The image of the village in the Northern text of Russian literature for children of the beginning of the 21st century

Abstract. The article is a special stage in the study of the Northern text of Russian literature for children as a subtext of the Northern text. The author's goal is to analyze the image of the northern village in modern writers' works for children: A. Lomkovsky, O. Bundur, I. Bogatyreva, S. Vostokov. Based on the artistic specifics of the Northern text as a local supertext, the author is guided by an integrative principle in the study of works that combine various types of literary analysis (motivational, system-semantic, mythopoietic, chronotopic), and also, identifying various trends in the image of the northern village in modern children's literature, refers to the comparative method. The analysis showed that approaches to recreating the image of the northern village in modern writers' works for children differ depending on the position that the author him/herself takes in relation to the North, the genre features of the works and the artistic and educational tasks that the authors set to themselves. The writer-northerner (A. Lomkovsky) poetizes the village, contrasting it with the city, portrays it as the centre for moral, family, and national traditions, as a living and native world. The writer, who lived in the North for a long time (O. Bundur) and accepted it as their second homeland, seeks to show the connection between the village tradition and the urban present of the North in the genre of an art textbook. Authors, who have not lived in the North for a long time (I. Bogatyreva, S. Vostokov), perceive the village as a border space, which for them is the centre for true life, exposing the national, spiritual, and moral foundations of human existence, a semi-real and exotic world. The existence of various approaches to the embodiment of the image of the village in the modern Northern text of Russian

literature for children testifies not only to the fact that this image arouses interest in writers, who, rethinking it, return to the traditions of Russian literature, but also that the Northern supertext, through the children's text, perceives current trends of the modern literary process.

Key words: contemporary Russian literature for children, the Northern text, the image of the northern village in Literature, a writer-northerner, traditions in domestic literature

CITATION: Davydova A.V. The image of the village in the Northern text of Russian literature for children of the beginning of the 21st century. *Literature at School*. 2024. No. 6. Pp. 53–68. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-53-68

В последние годы у отечественных филологов живой интерес вызывают региональные сверткесты. Так, Д.В. Ларкович, анализируя творчество Д. Айпина, С. Козлова, В. Матвеева и других писателей, пытается обосновать понятие «югорский текст» и выделяет такие его черты, как «идеологическая вариативность и внутренняя противоречивость» [11, с. 40], обусловленные «его полиэтнической и поликультурной природой» [Там же]. Широко исследуется Сибирский текст в работах Т.А. Богумил, А.С. Янушкевича, А.А. Ревякиной, В.И. Тюпы и др. К проблеме обоснования Волжского текста обращается К.И. Морозова («Волжский текст: по течению к определению» [17]); Дальневосточного – В.О. Авченко («Дальневосточный текст А.С. Пушкина» [1]); Кавказского – В.И. Шульженко («Дискурсионная классификация “Кавказского текста”» [21]) и др.

Большой вклад в формирование теории локального сверткеста внесены исследователями Северного текста русской литературы. Его определение было сформулировано в трудах Е.Ш. Галимовой: «...создававшийся на протяжении длительного времени (вопрос о времени начала его формирования остается открытым и активно исследуется в настоящее время)

в творчестве многих русских писателей особый северорусский вариант национальной картины мира, точнее мифопоэтический образ северорусского мира, наделенный наряду с индивидуальными, отражающими своеобразие мировидения каждого из авторов, также и общими, типологическими чертами» [7, с. 21].

Сегодня апробирование методологии анализа Северного текста и изучение его частных особенностей проводится в трудах целого ряда исследователей. Так, вспомним статью О.В. Поспеловой «Образ “полуночного солнца” в произведениях о Русском Севере А. Ремизова, М. Пришвина, Е. Замятина», в которой рассматривается «емкий, амбивалентный, обладающий особой мифопоэтической символикой» [19, с. 131] образ белой ночи в произведениях, которые, по мнению автора, составляют ядро Северного текста. В работе В.Н. Матониной «Образы “движения” и “цели” в Северном тексте русской культуры» изучаются мифологические «концептуальные основы антропологии движения», «основанные на идеях перехода и Преображения» [15, с. 221]. О том, что «Русский Север предстает как мифологическое пространство, в котором человек выступает как культурный герой

мифа» [16, с. 420] пишет А.А. Митрофанова. К мифопоэтическому характеру образа Севера выходит при анализе топонимов и гидронимов в поэтическом Северном тексте А.В. Петров [18]. «Мифологизм» как один «из пространственных аспектов» «многопланового лингвокультурного концепта “Русский Север”», соотнесенность с которым является «главным признаком» Северного текста, отмечает А.Г. Лошаков [13, с. 48]. Другой важнейший признак регионального сверхтекста исследователь видит в «наличии единой прагматической (сверхсмысловой) установки: утверждение прочно связанных с Русским Севером, его судьбой традиционных высших смыслов и ценностей» [Там же].

Подходы к определению структуры Северного текста как регионального сверхтекста, на наш взгляд, могут быть различны. Помимо локального геопоэтического принципа, который предполагает выделение в структуре Северного текста более частных, местных субтекстов (Печорского, Мезенского, Арктического, Архангелогородского и др.), подобное разделение может проводиться и на другом основании в контексте расширенного понимания художественной природы сверхтекста. Мы полагаем, что наряду с субтекстом для взрослых читателей можно выделять субтекст Северного текста русской литературы, ориентированный на читателя в возрасте до 18 лет. Он, на наш взгляд, будет обладать всеми формально-содержательными характеристиками «материнского» текста, а также иметь ряд специфических особенностей, связанных с читательским адресом. Художественная картина мира, складывающаяся в произведениях Север-

ного текста русской литературы для детей, требует тщательного изучения и состоит из обширного ряда взаимосвязанных образных и мотивных элементов, формирующих в итоге самобытный образ Русского Севера. Одним из таких частных элементов является образ северной деревни.

В последние годы в современном детском тексте русской литературы все чаще появляются произведения о деревне. Можно вспомнить повесть Э. Веркина «Осеннее солнце» (2019), сборник К. Арбенина «Как я подружился с летом. Из дневника сказочника» (2022), произведения С. Востокова «Зимняя дверь» (2011) и «Рябиновое солнце» (2013), его книги «Печной волк» (2021) и «Фрося Коровина» (2016), повесть А. Константиновой «Пустодомка» (2022) и др. Детские писатели, как и прежде, позиционируют деревенское детство как некую антитезу детству городскому. Деревня предстает миром естественной жизни, близкой к природе, часто таинственной и всегда национальной, кровно связанной с народной, традиционной жизнью. Если в произведениях для взрослого читателя авторы не скрывают социальных, экономических и нравственных проблем в существовании современной деревни, то писатели детские, напротив, идеализируют ее образ.

Поскольку Северный текст русской литературы для детей находится на границе двух сверхтекстов – детского и Северного – необходимо вспомнить, что в Северном тексте русской литературы образ деревни всегда занимал важное место в художественной картине мира. В целом ряде произведений для детей северная деревня находится в центре повествования: А. Петухов «Сить –

таинственная река» (1975), П. Лысков «Суровая осень» (1967), Н. Жернаков «Поморские ветры» (1964), Г. Аксенов «Бажонный» (1995) и др. Поэтому можно говорить о том, что у современных произведений для детей о северной деревне существует обширная предшествующая литературная традиция.

Задачами предпринятого исследования являются рассмотрение образно-смысловых характеристик, которые получает образ северной деревни в произведениях современных писателей, предназначенных для детского чтения, выявление индивидуально-авторских и типологических особенностей в решении этого образа.

Теоретическая значимость исследования состоит в апробации методики комплексного анализа произведений Северного текста русской литературы для детей как субтекста Северного текста и репрезентации малоизученного в современной филологической науке художественного материала.

Практическая значимость исследования в том, что полученные результаты могут быть использованы для продолжения изучения не только Северного текста русской литературы как регионального сверхтекста, но и детского текста.

Материалом для анализа послужили произведения современных русских писателей, в которых возникает образ северной деревни: повести А. Ломковского «Я – Абакшин!» (2009), О. Бундура «Лабиринт» (2017), С. Востокова «Прокопий Капитонов» (2020) и роман И. Богатыревой «Белая Согра» (2020). Специфичность Северного текста диктует и особый интегративный подход к его рассмотрению, предполагающий сочетание системно-

семантического, мотивного, хронологического, мифопоэтического методов анализа. Обобщение тенденций в художественном восприятии образа северной деревни в современной литературе для детей потребовало также обращения к сопоставительному методу.

Современные писатели создают различные смысловые варианты образа северной деревни в своем творчестве, их специфика зависит от жанра произведения, художественного метода автора, воспитательных и эстетических задач, которые он перед собой ставит, а также от того, с какой позиции он смотрит на мир северной деревни: является ли северянином по рождению, человеком, долгое время живущим на Севере и воспринимающим его как свою вторую родину, или сторонним наблюдателем. В рассмотренном нами корпусе текстов к первой группе можно отнести повесть вологодского писателя А. Ломковского «Я – Абакшин!»; ко второй – повесть О. Бундура, долгое время прожившего в г. Кандалакша, «Лабиринт»; к третьей – произведения С. Востокова «Прокопий Капитонов» и И. Богатыревой «Белая Согра». Рассмотрим подробнее особенности образа северной деревни в каждой из названных групп.

Образ деревни в повести А. Ломковского «Я – Абакшин!» включается в смысловую оппозицию «город – деревня», что сближает текст с произведениями деревенской прозы второй половины XX в. Автор рассказывает о том, как сироту Мишку Абакшина далекий от него отец забирает в город, отрывает от родной деревни и любящей бабушки по матери, от друзей. Герой в финале сбегает от жестокого отца, чтобы вернуться

домой. Для мальчика это не просто шалость или желание досадить обидевшему его человеку, это серьезный нравственный выбор, который, может быть, определит всю дальнейшую его жизнь.

Образ родной деревни Мишки и ее окрестностей выписан в повести подробно: «...в их деревне Высокое было всего три дома: его – Мишки Абакшина, Кошкиных и Цифирихи... До Большого Двора надо идти четыре километра, а в другую сторону – до Мошкина – пять. В Мошкине домов было побольше – девять. А уж в следующей после Мошкина деревне Крутихе было больше двадцати домов, потому что там была молочная ферма. Но школа все равно была только одна – в Большом Дворе» [12, с. 57]. Мир Мишки до отъезда в город – жизнь его деревни, людей и окружающего их природного космоса.

Герой вместе с другом Валеркой Кошкиным и сестрами последнего – Тонькой и Наташкой – не видит разницы между природным и человеческим бытием, настолько они слиты в деревенской жизни. Для них рыбалка на реке Долговке, походы в лес за ягодами – не просто ребячье удовольствие, а неотъемлемая часть их обычной жизни. Мишка окружен природной красотой и интуитивно чувствует ее. В тексте события излагаются от третьего лица, но писатель часто использует прием субъективации авторского повествования, тогда многочисленные пейзажи, характеризующие место действия и передающие настроение, становятся результатом непосредственного восприятия ребенка: «А за окном прямо с утра творилось что-то невообразимое. Солнце било с неба мощной стоваттной лампой, и радостно орали воро-

бы. Снег, в большинстве своем, стоял. Кое-где еще лежали большие снежные заплаты, но они серели и съеживались прямо на глазах. Мимо отводка валеркиного палисадника торопливо бежал ручеек...» [Там же, с. 63].

Эта внешняя гармония рождает согласие между людьми: соседи живут не просто дружно, но почти по-семейному. Баба Валя и Валерку считает своим внуком, а Кошкины к Мишке относятся, как к родному. Даже враги в этом мире быстро становятся друзьями (история примирения героев с их обидчиком Сашкой Малованиным). Гармонией характеризуются и отношения людей и животных: жуткий Полупес соседки Цифирихи – местная достопримечательность, он по-своему любим детьми; кот Васька стойко выносит привязанность маленьких Наташки и Тоньки; дядя Саша – отец Валерки – за важное дело считает вместе с ребятами смастерить, а потом привесить на березу так, чтобы Васька не добрался в «птичий дом»; воплощением давней мечты Мишки становится щенок Робин.

И, наконец, эта окружающая гармония рождает в душе Мишки художника. Это проявляется не только в его любви к рисованию, но и в романтической тяге к путешествиям. Он запомним читает «Робинзона Крузо» Д. Дефо, увлеченно рисует карту родной местности, мечтая однажды увидеть большой мир. Однако важно, что начинается он этот путь от порога родного дома.

Дом для Мишки – это его семья. Почти с первых страниц повести автор вводит мотив сиротства: мать героя умирает от простуды, когда мальчику было три года. Образ матери Мишки в повести природен («...помним ее в простом выгоревшем платье,

догоняющую его по усеянному ромашками и одуванчиками лугу. И еще ее теплые пахнущие солнцем и скошенной травой, ласковые мягкие руки» [12, с. 57]), она словно воплощает в себе солнце, чей свет разлит в тексте в летних и весенних пейзажных зарисовках. Мать заменила Мишке бабушка Валя. Ее образ близок к литературному типу старухи, созданному писателями-деревенщиками. Так северная деревня в повести устойчиво соотносится с женским, материнским началом, тогда как город с началом отцовским, мужским.

А. Ломковский не дает абсолютно-го отрицания северной Вологды, хоть город и явно противопоставляется в контексте повести деревне. Вместо привольных сельских пейзажей – старый тополь у дома; вместо размеренной, несуетливой жизни – людской «муравейник»: «Сидя на кухне и открыв окно, он подолгу смотрел с высоты четвертого этажа во двор... Очень много народа. И это только в их дворе, который по городским меркам не очень велик – всего-то два дома» [Там же, с. 76]. Вместо родного дома с собственной комнатой-миром – коммуналка, где «соседи постоянно затевают между собой скандалы и визгливо ругаются, а через пять минут, глядишь, снова сидят вместе и мирно толкуют» [Там же]. Вместо матери и бабушки – тетя Оля, хорошая, но чужая.

Стирают резкое противоречие между городом и деревней в сознании героя только люди, способные понять Мишку, полюбить его, помочь ему. А. Ломковский использует прием зеркального построения системы образов. В городе Мишка обретает новых друзей, образы которых явно соотносятся с его деревенским окру-

жением: соседка Лерка – с Валеркой Кошкиным; Вениамин Сергеич Торопилов – сосед Мишки, краевед, педагог – с бабушкой Валей; обижавшие его поначалу мальчишки Ваня и Витка – с Сашкой Малованиным. Дружба с ними убеждает героя, что родная ему с детства гармония в человеке и мире не утрачена навсегда.

Повесть О. Бундура «Лабиринт» представляет собой своеобразный художественный учебник по краеведению, в котором через каменный лабиринт, ставший временным порталом, главный герой Дима попадает в древнюю деревню Кандалакша. В финале в главе «Спасение и...» лабиринт, который Димитрий, спасшийся от шторма, находит на одиноком берегу, вновь актуализирует семантику портала в другой мир: проходя к его центру, Димитрий, смутно припоминая, что это уже когда-то было с ним, возвращается домой, что и становится развязкой сюжета. О. Бундур выбирает условную мотивировку событий, так до конца и не объясняя, было ли путешествие героя сном или явью.

Круговое замкнутое движение по лабиринту реализует принципы мифологического хронотопа. Таким маленьким замкнутым миром, отдельным, лежащим в центре вселенной автора и героя, становится в книге Кандалакша – деревня, с которой ведет начало древнее поморское поселение на берегу Белого моря. Образ современного города дан конспективно, штрихами, энциклопедично: «С одной стороны у нас Белое море, точнее Кандалакшский залив Белого моря. Но залив огромный – в длину 185 километров и ширину в 7 километров. По заливу могут проходить большие корабли... А с другой стороны река Нива... Со всех сторон

город окружают сопки и леса» [5, с. 2]. Описание современной Кандалакши помогает автору подчеркнуть вне-временные, вечные черты северного мира: белые летние и долгие полярные зимние ночи, наводнения «в начале лета»; «и опять же в начале лета из Баренцева моря в более теплое Белое на нерест устремляются косяки селедки-беломорки» [Там же, с. 4]. Эти природные законы тоже связуют времена, вписывают настоящее в вечный круг жизни.

Образ древней Кандалакши, определяющий внутренний сюжет повести и развивающийся с шестой главы «Утро» по тридцать пятую «Спасение и...», напротив, очень подробен. Автор сосредотачивает свое внимание на деталях обстановки быта, повседневных занятий поморов и отдельных топосах, причем последние описываются в контексте хозяйственной деятельности северян. Так, образ моря в главе «Селедка» связан с рыболовным промыслом, поэтому автор не делает акцент на описаниях морского пейзажа. Образ северной реки Нивы также появляется в тексте в связи с мотивом ловли семги. В контексте поморского промысла – добывания жемчуга – возникает образ ручья Жемчужного (главы «Жемчуг», «Искатели жемчуга»). Образ северного луга возникает в эпизоде сенокоса; болота – в связи с мотивом сбора морошки. Автор избегает пространных пейзажных описаний, на первое место помещая мотив поморского труда.

Центром мира для Дмитрия становится крестьянская изба, образ которой появляется в главах «С мамкой», «Дела хозяйственные», «Про нашу печь» во множестве предметно-бытовых деталей. Но, думает-

ся, важнее смысловая связь образов дома и семьи. Примечательно, что у Бундура семья – это тоже предмет для сопоставления прошлого и настоящего. Отсутствие отца в жизни ребенка мотивируется по-разному: в прошлом – занятостью на промысле, в настоящем – делами, работой, которые вполне можно отложить ради родного человека рядом. Для сравнения автор приводит историю друга Димы Гришки: в современности отец бросил семью, уехав на заработки в Санкт-Петербург, а в прошлом – отец погибает на промысле во льдах Арктики.

В главах о прошлом Кандалакши образ отца так и не возникает, хотя вся семья волнуется за него, ожидает кормчего с промысла. Центральными становятся отношения Дмитрия и деда Михея. Он для мальчика – не просто родной человек, которого ребенок любит, он прежде всего передает внуку бесценный опыт, учит достойно жить и выживать в суровом мире. Именно от деда и матери Дмитрий воспринимает не только знания, но и веру. Христианские мотивы становятся устойчивыми в тексте; герои в своем каждодневном труде надеются на Божью помощь: «А без Бога – не до порога!» [Там же, с. 34]; «Не бей стола! – Серьезно сказал деда. – Стол – Божья ладонь, на него хлеб и соль кладут» [Там же, с. 37] и др. С другой стороны, в главах, где героем является Дмитрий, возникает ретроспектива прошлого времени в рассказах деда, его воспоминаниях о собственной жизни, типичной для помора-промысловика (мотив арктической робинзонады в главе «Зимовка»). Передавая особенности взаимоотношений в поморской семье, О. Бундур отмечает, что дед

и мать Дарья часто хвалят послушно-го и понятливого Димитрия, проявляют нежность к нему. Думается, это все-таки индивидуально-авторское отношение к герою, несколько отличное от сдержанных и суровых нравов, бытовавших в поморских семьях.

Третью группу произведений представляют тексты, авторы которых долго не жили на Севере, но отразили свои впечатления в художественных произведениях. Несмотря на то, что индивидуальный опыт знакомства с северной деревней у каждого из писателей свой, можно выделить некоторые общие закономерности ее изображения в их книгах. В качестве примеров рассмотрим роман И. Богатыревой «Белая Согра» и повесть С. Востокова «Прокопий Харитонов».

В первом главная героиня Жу – четырнадцатилетняя Женя, тяжело переживающая смерть матери, отчужденность отца и неприятие сверстников, страдающая душевной болезнью (девочка придумывает себе брата, постепенно начинающего вытеснять ее личность), попадает в северную деревню Согрино к старухе Манефе Феофановне. Автор не указывает точного расположения поселения, поэтому нельзя однозначно связать его образ с образом какой-то реально существующей деревни (в Архангельской области известна только деревня Согра, расположенная на правом берегу Пинеги, к юго-востоку от Архангельска и северо-востоку от Верхней Тоймы). Видимо, это неслучайно, поскольку И. Богатырева стремится создать некий обобщенный образ северной деревни, затерянной в бескрайних лесах и болотах.

При этом образ деревни вполне конкретен. В главе «Хвостик» Жу

забирается на колокольню местной церкви и видит, что Согрино входит в «куст деревень», расположенный на четырех холмах. В его описании очевидна градация: от светлого к темному. Палкино, «деревня колдунов» [4, с. 248], которое не раз упоминают герои как место, в окрестностях которого растет волшебная «травина», помогающая отыскивать пропавших людей и в которое Жу отправляется во второй части книги, изображается как самое темное и глухое.

Символично также, что пространственным центром становятся церковь и река с перекинутым через нее мостом. Первая воплощает силу христианской веры, а вторая в мифопоэтическом подтексте романа выступает как древний языческий символ жизни и смерти, вечного течения, обновления бытия. Так, образ церкви в романе связан с образом старухи Альбины, которую местные мальчишки дразнят ведьмой и которая сама признается, что лечит людей молитвой. Она и Жу учит самой простой молитве («Господи, прости и помоги» [Там же, с. 197]), внутренним зрением ощущая, болезненное состояние девочки (неслучайно героине в первой части романа кажется, что Альбина видит ее «брата»).

Образ реки (вероятно, Пинеги) наделяется сакральными функциями. Местные «знаткие» люди активно используют ее воду для совершения сакральных обрядов, а в финале принявшая себя и принятая миром Севера Женя с наслаждением купается в водах реки, перерождаясь, возвращаясь к самой себе, возвращаясь в мир, который стал ей домом: «Вода принимает ее такой, какая есть. Худой, долговязой, сутулой. Бритой, ушастой. Некрасивой... несчастной

и счастливой... Жу стоит посреди реки – сама себе тростник, сама себе течение... Наплаваться, наныряться, а потом уже выйти – новым человеком, другим. Еще неизвестным, родившимся только сегодня. С собой» [4, с. 284].

У С. Востокова образ Севера в произведении формирует прежде всего образ вымышленной древни Кочки, которая располагается в реально существующем месте: на берегу Палозера в 60 км к югу от города Северодвинск, соединенного с последним узкоколейной Кудемской железной дорогой. Действительно, последней станцией на пути следования поезда по этой дороге обозначена станция Палозеро, а ей предшествует – Белое Озеро, где, по сюжету, живет большая многодетная семья главного героя повести С. Востокова. Кроме того, упоминает автор Архангельск, Холмогоры, Архангельскую область. Такое точное указание на реальную топонимику ставит под сомнение в восприятии читателя нереальность других упомянутых в тексте географических объектов: ручья Пахучего, который впадает в Палозеро, соседней с Кочкой деревни Ямки, лесного ручья Котелок. То есть С. Востоков играет с читателем, создавая полуреальный-полувымышленный образ северной деревни.

Важной особенностью обоих текстов является стремление авторов создать образ северной деревни и Севера в целом как пограничное пространство.

Так, упомянутое выше купание героини в реке в романе И. Богатыревой сродни ритуалу, по семантическим функциям сходному и с языческой инициацией, и с христианским крещением. Эта многозначность сов-

сем не случайно задается автором: мир Белой Согры – воплощенный мир фольклорного сознания, для которого характерен синкретизм христианского и языческого, реального и потустороннего. Так, жители Согрино верят в домовых и леших. Манефа Феофановна, узнав о страшном сне Жу, в котором Хозяин душил девочку (устойчивый в северорусских фольклорных быличках сюжет о домовом), спешит окропить дом святой водой, читая при этом языческий заговор: «Дедушко-соседушко, не с гордостью, а с великой покорностью, прими рабу Божью...» [Там же, с. 237]. Леший – Согрянной Хозяин, который помогает девочке выжить в лесу три дня, кормит ее сушеными ягодами клюквы и в итоге выводит к людям, похож на старика и носит сапоги. В этом мире христианский Бог и языческие духи не мешают друг другу, а сосуществуют. В северной деревне человек словно существует на границе двух миров, реального, обыденного и потустороннего, поэтому для ее жителей почти как норма воспринимаются истории о том, как люди призывают с помощью слова или волшебного предмета (например, «травинь») на помощь Согрянного Хозяина. Слово обладает для них особой силой и заключает в себе знание, способное менять судьбу человека (можно послать к лешему, и другой встретится с ним вживую), возможно, поэтому многие северяне немногословны. Для них жизнь и смерть – две стороны бытия, поэтому так спокойно деревенские говорят о собственных пережитых потерях.

Героине сначала странным и смешным, а потом нормальным, отражающим суть мира северной деревни кажется то, что мир этот – единство

противоположностей: «Где растет из воды заветная травина – дворовая трава, лешогон. Бери не голой рукой, не в одежде, не передом, не задом, не мужиком, не бабой, сама разлаписта, дудка гола, листья широко. И цветки красные, белые таки цветочки. Вырвешь с корнем – и беги, не оглядывайся... А как возьмешь, заверни во что... и ложи за икону, да в дом не вноси, не в мшаной постройке, а то силы не будет...» [4, с. 264]. Из сочетания, казалось бы, несочетаемого, бессмыслицы рождается сказочный мир (ср. фольклорные варианты мотива-перевертыша «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что»).

На единстве противоположностей создаются и образы деревень Кочка и Ямки в повести С. Востокова. Описание первой в тексте дается конкретно и обобщенно одновременно. В Кочке 13 домов и 33 человека. Прокопий показывает своему другу козлу Кузе «местные достопримечательности: клуб, сельсовет с флагом Архангельской области и Российской Федерации, а также ручей Пахучий» [6, с. 36]. Кочка, казалось бы, типичная русская деревня. В то же время автор отмечает, что в ней соседствуют прошлое и настоящее. Так, например, жители Кочки хранят память о приезде к ним Петра Первого, который однажды у них заночевал, а после подарил свой серебряный столовый прибор. Связь прошлого и настоящего проявляет себя и в интерьере деревенских домов. Например, таким видит Кузя дом Евдокии Терентьевны «на Полевой улице» [Там же]: «недавно побеленная русская печь, крепкий стол со свежей клетчатой клеенкой и чисто выскобленные лавки. Это была самая старая изба в деревне.

Ее построили предки мужа Евдокии Терентьевны еще при Петре Первом! Конечно, за прошедшие триста лет кое-что изменилось. Появились новая шиферная крыша, электроплитка и холодильник... пришлось поменять заросшие мхом нижние венцы...» [Там же, с. 37].

Еще одна смысловая оппозиция, помогающая писателю создать образ северной деревни, – «сказка – реальность» / «сон – явь». Однако, называя свое произведение повестью-сказкой, С. Востоков не так однозначен в восприятии чудес на Севере, как И. Богатырева. Используя прием иронии, он описывает фольклорные представления северян. Так, автор создает образ Степана Колдунчика – пастуха из деревни Ямки, к которому председатель отправляет Прокопия перенимать опыт. Острый на язык весельчак Степан называет себя колдуном, которому помогают особые пастушеские боги «Сенька да Бренька» [Там же, с. 21]: «На посохе сидели две фигурки. Обе были в моховых шубках и в шапочках из листьев... Кажется, у них даже имелись небольшие хвостики» [Там же, с. 24]. Они «глядели с посоха в разные стороны и неслышно играли на маленьких дудочках» [Там же].

Автор предлагает двойную мотивировку появления этих персонажей: с одной стороны, на Севере чудо сосуществует с реальностью, а внимательный наблюдатель может увидеть его; с другой – вводится мотив сна: Прокопий «удивлялся, удивлялся, а потом проснулся» [Там же]. Снимает «чуждость» ситуации и поведение самого Колдунчика, который утверждая, что «работа пастуха тяжелая и трудная» [Там же, с. 23], «расстилат на траве куртку, ложится и спит почти весь

день» [6, с. 23]. Ироничным снижением художественной ситуации становится и образ «скотовода» козла Кузи, умеющего ходить на двух ногах и разговаривать с помощью рогов. Провокационная замена Колдунчиком ведущей стадо коровы на козла, который станет лучшим другом и учителем Прокопия, создает в повести некий сатирический подтекст, подчеркивая отстраненность автора от экзотического для него северного бытия.

Интересно, что специфику последнего оба автора ощущают через особенности северорусского говора. И. Богатырева воспроизводит его диалектную самобытность в речи жителей Согрино. А.С. Востоков обращает особое внимание на «поморскую говорю». Писатель в качестве Приложения к повести приводит «Словарик некоторых поморских слов». Кроме того, его герои, жители северных деревень, как бы намеренно используют диалектную лексику, значения которой автор объясняет по ходу повествования: «большак – хозяин» [Там же, с. 11], «целый костер – много» [Там же, с. 58], «порато – очень» [Там же, с. 12] и пр. Правда, трактовка некоторых слов, приведенная в повести, спорна. Например, Андрониха Вову и Гошу, горожан, приехавших в Кочку, называет «бажонные» [Там же, с. 56]. Это определение С. Востоков трактует как «незнакомые, но уважаемые люди» [Там же], хотя в Архангельском областном словаре находим такие варианты его значений: «“бажонный”/“бажоной”»:

1. Милый, дорогой, желанный... (в знач. сущ. Ласковое обращение к человеку).
2. Избалованный, изнеженный. Ср. бажонной, баловной.

3. Достойный сожаления, бедный, несчастный»¹.

Интересно, что изъясняются на северорусском говоре в обоих текстах прежде всего представители старшего поколения – деревенские старики и старухи, которые являются хранителями традиций. У С. Богатыревой рядом с ними Жу отогревается душой и находит в себе силы переродиться заново, почувствовать утерянную гармонию. Север она принимает именно через этих людей, рядом с ними девочка впервые ощущает себя дома и чувствует себя плывущей в лодке по течению реки: «Облака уже белые, уже без дождя, клубятся над озером, над лесом, и небесное золото играет у них в брюхе. Жу знает, это свет Лизаветы Ивановны. Свет и тепло. Тепло и свет. Лизаветы Ивановны, Манефы Феофановны, тети Вали, тети Маруси, пасечника с женой и Александра Ивановича, всех старушек и старичков, свет долгих жизней и морщинистых рук» [4, с. 262]. Для Жу, талант которой «слушать и наблюдать» [Там же], этот свет – лекарство и успокоение, и вот уже мир не кажется ей темным и страшным, и чужим. Поэтому, думая, как сформулировать просьбу Лешему, она в итоге выбирает самое важное для нее, и в общем-то уже сбывшееся желание: «Царь лесной. Леший Согряной. Верни меня домой» [Там же, с. 279].

В повести С. Востокова, старики, живущие в северной деревне, прямые, щедрые, открытые и наивные, а потому не защищенные от зла (Вова и Гоша украли подарок Петра Первого). Их жизнь подлинная, а поэтому нескучная, удивляющая, наполненная

¹ Архангельский областной словарь. Вып. 1. (А – Бережок) / под ред. О.Г. Гецовой. М., 1981. С. 91.

трудом физическим и духовным (в своем втором посте Прокопий рассказывает об отце Флоре, настоятеле Ямкинской церкви, который снимает со звонницы и с мылом моет каждую неделю колокол; в этом ему помогают недюжинная физическая сила и молитва). Это жизнь гармоничная, в которой человек может создавать красоту (приезжие Вова и Гоша восхищаются домом Егора Ваныча, который «даже на стенах вырезал узоры, а на водосточные трубы надел сделанные из жести короны» [6, с. 60]) и видеть ее в окружающем мире. Неудивительно, что красота этого мира, проявляющаяся прежде всего в обаянии человека, заставляет в него влюбляться, очаровывает (Вова и Гоша в итоге решают остаться в Кочке, учатся быть пастухами и прославляют теперь уже свою деревню как блогеры).

Произведения С. Востокова и И. Богатыревой, решающие такие разные художественные задачи, тем не менее сближаются в авторском восприятии северной деревни как мира подлинной жизни, естественной, национальной, дающей человеку возможность через быт увидеть бытие.

Образ северной деревни в произведениях современной детской литературы во многом зависит от той позиции, которую автор занимает по отношению к Северу. Северянин А. Ломоковский в повести «Я – Абакшин!» использует традиционную оппозицию «город – деревня» и сосредотачивает свое внимание на личном выборе главного героя, душа которого растет и формируется на особой благодатной почве бытовой и нравственной жизни северной деревни. Долгое время живший на Севере О. Бундур в повести «Лабиринт» решает про-

светительские задачи, создавая своеобразный художественный краеведческий учебник. В образе северной Кандалакши переплетаются современные городские и древние деревенские черты, однако последние мыслятся как необходимая основа для сегодняшней жизни. Обилие предметно-бытовых деталей, пейзажные образы, данные в связи с мотивом поморского труда, семейная и христианская темы призваны сформировать у юных читателей не только представление о Севере, но и уважение к миру, который и сам писатель может назвать второй родиной. Произведения авторов, лишь ненадолго соприкасавшихся с жизнью северной деревни, сближают ощущение ее как пограничного мира, существующего на грани чуда и реальности; мотив подлинности жизни в этом мире; внимание к художественным деталям, отражающим его этнокультурную самобытность, а также очарованность северорусским вариантом национального характера. Взгляд «со стороны» при этом может проявляться в авторской иронии и заострении тех самобытных и «экзотических» черт жизни северян, которые кажутся автору наиболее яркими и заслуживающими внимания читателя-северянина. Такое разнообразие подходов свидетельствует об устойчивом интересе современных писателей – авторов детского текста – не только к деревенской теме, но и к образу Севера в целом.

Современное литературоведение нечасто обращается к системному исследованию образа деревни в русской литературе XXI в., возможно, потому что сложно говорить сегодня о существовании деревенской прозы как литературного феномена.

Из работ обобщающего характера можно назвать статьи И.Н. Ивановой «Деревенская проза в современной отечественной литературе: конец мифа или перезагрузка?» [9] и «Геоэтика “новой северной прозы” в современной отечественной литературе» [8], В.Н. Баракова «От “деревенской прозы” к прозе о деревне (Борис Екимов, Станислав Мишнев, Александр Киров)» [3].

Особый интерес для нас представляют исследования, авторам которых топоним деревни видится важным элементом художественного мира Северного текста. Вспомним в связи с этим статью М.Н. Крыловой «Современная художественная литература о деревне: географический аспект» [10], в которой автор отмечает, что в современной литературе наиболее сильным сегментом, разрабатывающим деревенскую тему является Северный текст. Назовем также работу А.Г. Лошакова «Художественные маркеры Северного текста в повести М. Попова “Последний патрон”», где автор отмечает, что Северный текст «деревнецентричен» [14, с. 209].

Методология анализа образа деревни на материале конкретных произведений современной русской литературы апробируется в целом ряде трудов (например, статья О.Ю. Багда-

сарян «Деревня как “творческий хронотоп” современной прозы: (“Южно-русское Овчарово” Л. Белоиван)» [2]. Однако мы не нашли ни одного системного исследования, в котором бы рассматривался образ деревни в современной детской литературе или в Северном тексте современной русской литературы для детей. Исключения составляют рецензии на художественные произведения. Например, В. Толстов в статье «В заколдованном лесу» отмечает три общие тенденции современного литературного процесса, которые отражены и в романе И. Богатыревой: «мода на мистику», «Север, «Русский Север» как воплощение «тяги» писателей «к некоей подлинности, чистоте, честности, которую можно обрести, только удалившись куда-то далеко-далеко, на границу обитаемого мира» и «отшельническая проза» [20]. При этом критик видит сходство романа И. Богатыревой с такими произведениями современных авторов, как «Рымба» А. Бурковского, «Рюрик» А. Козловой, «Калечина-Малечина» Е. Некрасовой и др. Комплексное изучение образа деревни в произведениях для детей о Севере пока не проводилось, что свидетельствует о перспективности дальнейшего изучения данной темы.

Библиографический список

1. Авченко В.О. Дальневосточный текст А.С. Пушкина // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2019. № 1. С. 34–42.
2. Багдасарян О.Ю. Деревня как «творческий хронотоп» современной прозы («Южно-русское Овчарово» Л. Белоиван) // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2020. № 1. С. 161–172.
3. Бараков В.Н. От «деревенской прозы» к прозе о деревне (Борис Екимов, Станислав Мишнев, Александр Киров) // Наследие Ю.И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории: материалы II Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2015. С. 51–53.
4. Богатырева И.С. Белая Согра. М., 2020.
5. Бундур О.С. Лабиринт. Кандалакша, 2017.

6. Востоков С.В. Прокопий Капитонов. М., 2020.
7. Галимова Е.Ш. Северный текст русской литературы: методология исследования // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера / сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова, А.Г. Лошаков. Архангельск, 2017. Т. 1. С. 9–26.
8. Иванова И.Н. Геопэтика «новой северной прозы» в современной отечественной литературе // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 2. С. 70–73.
9. Иванова И.Н. Деревенская проза в современной отечественной литературе: конец мифа или перезагрузка? Ч. 1 // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6 (24). С. 88–94.
10. Крылова М.Н. Современная художественная литература о деревне: географический аспект // Studia Humanitatis. 2022. № 1. URL: <https://st-hum.ru/content/krylova-mn-sovremennaya-hudozhestvennaya-literatura-o-derevne-geograficheskiy-aspekt?ysclid=m35zi8f3zf239959732> (дата обращения: 31.10.2024).
11. Ларкович Д.В. «Югорский текст» как литературная реальность: к постановке проблемы // Вестник угрюдения. 2019. Т. 9. № 1. С. 40–52.
12. Ломковский А.В. Я – Абакшин! URL: http://elib.tendryakovka.ru/lomkovskiy_html/novel-01.html (дата обращения: 31.10.2024).
13. Лошаков А.Г. Сверхтекст и Северный текст русской литературы // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера / сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова, А.Г. Лошаков. Архангельск, 2017. Т. 1. С. 26–57.
14. Лошаков А.Г. Художественные маркеры Северного текста в повести М. Попова «Последний патрон» // Геопэтика Севера в русской литературе и текстах культуры народов циркумполярного мира. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 9 / под ред. Е.Ш. Галимовой. Архангельск, 2016. С. 208–216.
15. Матонин В.Н. Образы «движения» и «цели» в Северном тексте русской культуры // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 6. С. 221–223.
16. Митрофанова А.А. Интертекст Северного текста // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: сборник научных статей. Серия: Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск, 2011. С. 412–421.
17. Морозова К.И. Волжский текст: по течению к определению // Семиотические исследования. 2023. Т. 3. № 2. С. 38–45.
18. Петров А.В. Топонимы как выразительное средство в Северном тексте // Филологическая регионалистика. 2010. № 1–2 (3–4). С. 48–53.
19. Пospelова О.В. Образ «полуночного солнца» в произведениях о Русском Севере А. Ремизова, М. Пришвина, Е. Замятина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 2. С. 131–136.
20. Толстов В. В заколдованном лесу // Урал. 2021. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2021/3/v-zakoldovannom-lesu.html> (дата обращения: 08.10.2024).
21. Шульженко В.И. Дискурсионная классификация «Кавказского текста» // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 4. С. 181–184.

References

1. Avchenko V.O. A.S. Pushkin's Far Eastern text. *Palimpsest. Literaturovedcheskij zhurnal*. 2019. No. 1. Pp. 34–42. (In Rus.)
2. Bagdasaryan O.Yu. The village as a “creative chronotope” of modern prose “South Russian Ovcharovo” L. Beloivan). *Ural Philological Herald. Series: Russian Literature of XX–XXI Centures: Directions and Trends*. 2020. No. 1. Pp. 161–172. (In Rus.)
3. Barakov V.N. From “village prose” to prose about the village (Boris Yekimov, Stanislav Mishnev, Alexander Kirov). *Nasledie Yu.I. Selezneva i aktualnye problemy zhurnalistiki, kritiki, literaturovedeniya, istorii: materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii*. Krasnodar, 2015. Pp. 51–53. (In Rus.)
4. Bogatyreva I.S. *Belaya Sogra [White Sogra]*. Moscow, 2020.
5. Bundur O.S. *Labirint [Labyrinth]*. Kandalaksha, 2017.

6. Vostokov S.V. Prokopy Kapitonov [Prokopy Kapitonov]. Moscow, 2020.
7. Galimova E.Sh. Northern text of Russian literature: research methodology. *Severnyj tekst kak logosnaja forma bytija Russkogo Severa*. E.Sh. Galimova, A.G. Loshakov (eds.). Arhangelsk, 2017. Vol. 1. Pp. 9–26. (In Rus.)
8. Ivanova I.N. Geopoetics of “new northern prose” in modern Russian literature. *Humanities and Law Research*. 2015. No. 2. Pp. 70–73. (In Rus.)
9. Ivanova I.N. Village prose in modern Russian literature: The end of the myth or a reboot? Part 1. *Philology. Teoriy & Practice*. 2013. No. 6 (24). Pp. 88–94. (In Rus.)
10. Krylova M.N. Contemporary fiction about the village: A geographical aspect. *Studia Humanitatis*. 2022. No. 1. URL: <https://st-hum.ru/content/krylova-mn-sovremennaya-hudozhestvennaya-literatura-o-derevne-geograficheskiy-aspekt?ysclid=m35zi8f3zf239959732> (In Rus.)
11. Larkovich D.V. “Ugra text” as a literary reality: To solve the problem. *Bulletin of Ugric Studies*. 2019. Vol. 9. No. 1. Pp. 40–52. (In Rus.)
12. Lomkovskiy A.V. Ya – Abakshin! [I am Abakshin!]. URL: http://elib.tendryakovka.ru/lomkovskiy_html/novel-01.html
13. Loshakov A.G. Supertext and the Northern text of Russian literature. *Severnyj tekst kak logosnaja forma bytija Russkogo Severa*. E.Sh. Galimova, A.G. Loshakov (eds.). Arhangelsk, 2017. Vol. 1. Pp. 26–57. (In Rus.)
14. Loshakov A.G. Artistic markers of the Northern text in M. Popov’s novel “The last cartridge”. *Geopoetika Severa v russkoj literature i tekstah kul’tury narodov cirkumpolyarnogo mira. Pomorskie chteniya po semiotike kul’tury*. Vol. 9. E.Sh. Galimova (ed.). Arhangelsk, 2016. Pp. 208–216. (In Rus.)
15. Matonin V.N. Images of “movement” and “goals” in the Northern text of Russian culture. *Historical and Social Educational Idea*. 2013. No. 6. Pp. 221–223. (In Rus.)
16. Mitrofanova A.A. Intertext of the Northern text. *Geokulturnoe prostranstvo Evropeyskogo Severa: genezis, struktura, semantika: sbornik nauchnykh statey. Seriya: Pomorskie chteniya po semiotike kul’tury*. Arhangelsk, 2011. Pp. 412–421. (In Rus.)
17. Morozova K.I. Volzhsky text: Flow to definition. *Semioticheskie issledovaniya*. 2023. Vol. 3. No. 2. Pp. 38–45. (In Rus.)
18. Petrov A.V. Toponyms as an expressive medium in the Northern text. *Philological Regional Science*. 2010. No. 1–2 (3–4). Pp. 48–53. (In Rus.)
19. Pospelova O.V. The image of the “midnight sun” in the works about the Russian North by A. Remizov, M. Prishvin, E. Zamyatin. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*. 2017. No. 2. Pp. 131–136. (In Rus.)
20. Tolstov V. In the enchanted forest. *Ural*. 2021. No. 3. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2021/3/v-zakoldovannom-lesu.html> (In Rus.)
21. Shulzhenko V.I. Discursion classification of the “Caucasian text”. *Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin*. 2011. No. 4. Pp. 181–184. (In Rus.)

Статья поступила в редакцию 31.10.2024, принята к публикации 20.11.2024
The article was received on 31.10.2024, accepted for publication 20.11.2024

Сведения об авторе / About the author

Давыдова Алёна Владимировна – кандидат филологических наук; доцент кафедры литературы Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск

Alyona V. Davydova – PhD in Philology (Literature); assistant professor at the Department of Literature, Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk

E-mail: a.davidova@narfu.ru

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-69-76

УДК 821.111

Е.Н. ЧерноземоваМосковский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Образ Купидона в английской драматургии конца XVI века

Аннотация. В европейском культурном пространстве утвердились два образа античного Купидона – маленького сына Венеры с луком и стрелами и прекрасного юноши, влюбленного в Психею. Цель статьи – раскрыть особенности обоих образов Купидона, воспроизводимых английской драматургией 80–90 гг. XVI в. В статье рассматривается их воплощение в текстах драматических произведений английского Возрождения, а также один из разрабатываемых при этом мотивов – соперничество с Купидоном персонажей пьес, которые создавались в десятилетие, предшествующее появлению первых драматических произведений У. Шекспира. В их числе оказываются «Кампаспа» и «Сафо и Фаон» (1582–1584) Дж. Лили, пьесы которого исполнялись мальчиками-хористами капеллы при соборе Святого Павла, «Суд Париса» (1581) Дж. Пиля и ранняя работа «Дидона, царица Карфагена» (между 1587 и 1589), написанная на студенческой скамье К. Марло совместно с Т. Нэшем. Анализируется функция игры с малышом Купидоном, неоднократно воплощаемая в пьесах рассматриваемого периода, изменение ее особенностей и тональности в пьесах разных жанров. Периодически проводятся сопоставления с образом Купидона, запечатленным в живописи. Делаются указания на античные источники ряда сюжетных ходов. Выявляются функции появления на сцене взрослого Купидона, отвечающего на вопросы о сущности любви. Отмечается, что в шекспировских пьесах Купидон не появляется ни разу как персонаж, однако к его образу драматург прибегает в драматургическом и поэтическом текстах.

Ключевые слова: драматургия английского Возрождения, мифологический образ Купидона, образы античных богов в драматургии, У. Шекспир

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Черноземова Е.Н. Образ Купидона в английской драматургии конца XVI века // Литература в школе. 2024. № 6. С. 69–76. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-69-76

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-69-76

E.N. ChernozemovaMoscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The image of Cupid in the English drama of the late 16th century

Abstract. Two images of the ancient Cupid have become established in the European cultural space – one of them – the little son of Venus with a bow and arrow and the second – a handsome young man who is in love with Psyche. The purpose of the article is to reveal the features of both images of Cupid, reproduced by the English drama of the 1580–1590s. The article examines their embodiment in the texts of dramatic works of the English Renaissance, as well as one of the motifs being developed in this case – the rivalry of the dramatic characters with Cupid in the plays that were created in the decade preceding the appearance of the first dramatic works of W. Shakespeare. “Campaspe” and “Sappho and Phaon” (1582–1584) by John Lily are among them, his plays were performed by the chapel boys at St. Paul’s Cathedral; “The Araygnement of Paris” (1581) by George Peel and the early work “Dido, Queen of Carthage” (between 1587 and 1589), written by Christopher Marlowe in collaboration with Thomas Nash on student’s bench. The article analyzes the function of playing with Cupid, repeatedly embodied in the plays of the period under consideration, the change in its features and tonality in plays of different genres. Some comparisons are periodically made with the image of Cupid depicted in the painting. References to the ancient sources of some plots are made. The article reveals the functions of an adult Cupid who appears on the stage to answer questions about the nature of love. In Shakespeare’s plays, Cupid does not appear as a character, but the playwright uses his image in dramatic and poetic texts.

Key words: English Renaissance drama, a mythological image of Cupid, images of classical mythological gods, W. Shakespeare

CITATION: Chernozemova E.N. The image of Cupid in the English drama of the late 16th century. *Literature at School*. 2024. No. 6. Pp. 69–76. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-69-76

Драматургия английского Возрождения отражает мифологическое представление о Купидоне, утвердившееся в европейском культурном простран-

стве, как о самом юном среди античных богов, и запечатлевает его в двух возрастах. Первый – образ шаловливого малыша, сына богини любви

Венеры и бога войны Марса, рожденного от их внебрачной страсти и воплощающего любовную войну, любовь-борьбу, игру-противостояние. Он порой послушен, порой капризен, изображается с луком, стрелами, с атрибутами матери – лебедями и голубями, часто с завязанными глазами, бездумно ранищим сердца, что было удобно для художественного объяснения внезапности возникновения любовного чувства и его капризов. Таким Купидон предстает и у французов (например, на страницах иллюминированной французской книги «Романа о Розе» XIV в.), и у итальянцев (например, в работе Пьеро делла Франческа «Вооруженный Купидон с завязанными глазами», 1452–1466). Показательна и работа Тициана 1565 г. «Венера, завязывающая глаза Амуру». Второй образ – могущественного бога, пламенно влюбленного в Психею, сурового с теми, кто нарушает законы любви, и способного не только остерегаться каверз, чинимых матерью, но и противостоять им, поступать по-своему.

Драматургией и театральной практикой английского Возрождения были освоены оба варианта. Образ малыша Купидона на сцене могли создавать мальчики, которые в каждой труппе были исполнителями женских ролей [5]. А для повзрослевшего Купидона тем более находились исполнители.

Одним из утвердившихся мотивов, связанных с Купидоном, стал мотив игры-соперничества, противостояния ему героини. Словесно обработанный этот мотив оказался запечатленным в песне страдающего от любви к Кампаспе художника Апеллеса в конце 5-й сцены III акта «Кампаспы» Джона Лили (первое представление пьесы

относят к 1581 г.). Там соперником художника оказывается Александр Великий:

Амур с Кампаспою играл.
За коном кон ей отдавал
И лук, и стрелы. Отдал ей
И воробьев, и голубей.
Потом кораллы уст и щек
Он отыграть никак не мог.
Ни блеска глаз, ни дуг бровей,
Ни милой ямочки своей
На подбородке не сберег.
И оба глаза ей в залог
Отдал и встал из-за стола
Слепым навеки. Вот игра
В любовь!
В ней слепнет даже бог.
Так что бы я поделатъ смог!

[3, с. 169]

Хотя игра с Купидоном в песне передана лишь в слове, но перечисление проигранного дает представление о длительности игры, об удачливости героини и соотносится с живыми картинами, принятыми в придворной культуре Возрождения, в частности, с игрой в кости одетых в костюмы богов придворных на золотые предметы с юным принцем, будущим Ричардом II (1377), о которой пишет С. Орджел в книге о придворных масках [8, р. 19].

Особенно интересно и остроумно мотив соперничества с Купидоном развит в пьесе Джона Лили «Сафо и Фаон» (1582–1584) [6, vol. 2, pp. 369–416], в которой Сафо представлена царицей Сиракуз, Фаон простым перевозчиком на пароме, а Купидон маленьким капризным сыном Венеры, который выполняет ее приказания, но по неосторожности ранит саму богиню. Такое событие есть и в «Метаморфозах» Овидия [2, кн. 2, с. 525–529]¹. Так богиня

¹ Указываются номер книги и строк.

оказывается пораженной любовью к простому перевозчику Фаону, которому сама же даровала красоту, чтобы ввергнуть в любовную страсть к нему непокорную царицу Сиракуз Сафо, желая тем наказать и унижить ее. Ошибки, совершаемые маленьким Купидоном, также описаны в «Метаморфозах» Овидия, где рассказывается, например, о том, как Амур пустил свинцовую стрелу, вызывающую ненависть, в насмехающегося над его неумелой стрельбой Аполлона (этот момент запечатлен в живописной работе Никола Бертена «Купидон, целящийся в Аполлона»), но попал в нимфу Дафну, которая страдает после этого ранения от преследований бога солнца и искусств. У Овидия гнев Купидона назван жестоким [2, кн. 1, с. 453–480]. В ряде сцен Венера появляется неизменно в сопровождении сына.

IV акт приоткрывает завесу над тайнами свойств, которыми обладают наконечники стрел Купидона. Зрителю доводится побывать в кузнице Вулкана. Эта сцена соотносится с эпизодом из «Энеиды» Вергилия, где Венера просит Вулкана изготовить оружие для Энея; правда, в поэме Венера встречается с Вулканом в его золотых палатах, а ковать латы в покрытую дымом кузнице, где гремят молоты, гудит пламя и скрежещет железо, он уходит один [1, кн. 8, с. 370–585, 416–453]. В 1-й сцене V акта Венера рассказывает Купидону о свойствах новых стрел. В монологе длиной почти в 40 строк Венера описывает, из чего сделан каждый наконечник и какими свойствами обладает, частично следуя тексту «Метаморфоз» Овидия о стрелах с золотыми и свинцовыми наконечниками, способными породить либо любовь, либо вселять

отвращение. Наконечник из лидийской стали с оперением горлицы, смоченной в крови тигрицы, порождает глубокое презрение к тому, чего мы больше всего желаем. Стрела, оперенная крылом феникса и увенчанная орлиным клювом, делает людей страстными, постоянными в любви и мудрыми в выражениях. Стрела с тонкой золотой головкой с оперением из павлиньих перьев, склеенных смолой миртового дерева, для изящных и застенчивых дам, для любезных и юных нимф: она вызовет в умах лишь симпатию, но не любовь, желание быть избранницами, но не принадлежать кому-то навсегда, смеяться над бледным видом мужчин и открыто радоваться собственной привлекательности и ухаживаниям мужчин. Есть стрела, порождающая ненависть к тем, кто жаждет любви со свинцовой головкой и оперением ночного ворона [6, vol. 2, p. 410]. В числе прочих оказывается и починенная стрела, которой были поражены Сафо и Венера, вызывающая преклонение перед теми, кто ниже по роду и званию.

Снаряженный новыми стрелами и с новым заданием, во 2-й сцене V акта Купидон впервые появляется один, без матери и сразу же попадает под обаяние Сафо, которая приручает его лаской и сладостями и так становится обладательницей его стрел. Она говорит, что, заполучив Купидона, сама станет королевой любви и будет направлять стрелы по своему усмотрению: “But if I get Cupid from thee, I myself will be the queen of love. I will direct these arrows with better aim, and conquer mine own affections with greater modesty” [Там же, p. 412]. Когда Венера застаёт сына на коленях у Сафо, тот отказывается пойти с ней, заявляя, что станет сыном

Сафо, и совсем по-детски рассказывает обо всем, что натворил: он освободил Сафо от страсти к Фаону, а Фаону послал стрелу, вызывающую отвращение к Венере. Ребенком, способным на шалости и непослушание, изображается Купидон в ряде живописных работ. В их числе «Купидон, похититель меда» Лукаса Кранаха Старшего, 1530; «Наказание Купидона» Пампео Батони, 1740–1743; «Венера находит Купидона, играющего в кости с Ганимедом» Ангелики Кауфман, 1782.

Оттого, что несвободной от любви в пьесе оказывается сама Венера, образ Сафо, владеющей своими чувствами, становится еще выше. В пьесу входит и развивается мотив любовной войны, победу в которой одерживает героя самым достойным образом.

Сцена, в которой царица держит на коленях маленького Купидона, возникает и в пьесе «Дидона, царица Карфагена» (между 1587 и 1589). Авторами ее считаются Кристофер Марло и Томас Нэш, которые были в это время студентами Кембриджа. Дидона в пьесе Марло и Нэша не знает, что общается с Купидоном. Бог любви принял вид маленького сына Энея Аскания. Комичность сцены переходит во все возрастающий трагизм оттого, что царица перестает быть хозяйкой своих чувств. Отсутствует ремарка-пояснение, что именно делает с Дидоной Купидон. Но он явно действует по наущению Венеры, которая в предыдущей сцене наставляет его в том, что, играя с Дидоной, он должен коснуться наконечником стрелы ее груди [7, р. 345]. Если Купидону это сделать удалось, то яд его стрелы, видимо, действует постепенно. Дидона будто бы не понимает, что с ней происходит, трижды пытается то отдалять, то останавливает вер-

ного Ярба и все же прогоняет его. В итоге и Ярб, и Дидона убеждаются, что ни властью, ни уговорами, ни мольбами, обращенными к богам, невозможно добиться любви. И оба кончают с собой не в силах с ее чарами справиться.

Переход от маленького шалуна к властному повелителю любви осуществляется в пьесе Джорджа Пиля «Суд Париса» (1581) [9]. Сначала, увещевая Париса отдать ей золотой шар, Венера, говорит о Купидоне как о маленьком игривом сынке, но все же достаточно умелом, чтобы поразить ту, которую выберет Парис:

И если мне отдашь ты сей шарик золотой,
То станет с ним играть сынок,
прекрасный мальчик мой,
Мой Купидон чудесный, когда его увидит,
Он, Бог Любви прелестный,
тебя уж не обидит.

И ранит он любую, кого захочешь ты,
И воплотит он разом все-все твои мечты;
Легко найдет ту самую,

и он не промахнется:
И сотни поцелуев мной
как дар тебе дается.

С тобой на поле Иды приучится играть;
И все желанья тайные

он станет исполнять,
На выбор твой он страстную,
прекрасную отыщет,

И развлечет тебя, пастух,
коль будешь ты пресыщен,
Наполнит радостью

твои он бьющиеся вены,
И все возможно для тебя
лишь при дворе Венеры.

[3, с. 170]

В дальнейшем Венера говорит о Купидоне как о могущественном боге:

Лук Купидона – это жезл,
а не венец ненастья;
И он не слабенький малец, –
могущественный бог;

Тот, кто с почтением к нему, –
счастливым стать бы мог,
Земля и Небо стрел его боятся до сих пор,
Они и радуют сердца, и губят за позор.

[3, с. 164]

Именно как могущественный бог, способный карать за непослушание и презрительное отношение к живому чувству, Купидон предстает в пасторальной комедии Джона Лили «Метаморфозы любви» (предположительно 1590, первое изд. 1601). В этой пьесе он обладатель собственного храма, куда приносят жертвоприношения, он волен дарить любовь, наказывать за измены и горделивый отказ любящему, давать глубокие и емкие ответы, касающиеся сущности любви. Шаг за шагом происходит переосмысление устоявшегося образа сына Венеры. Острая на язык нимфа Ниса озвучивает сложившуюся мифологию – то, что она слышала о боге. Образ получается довольно нелепым, глупым и ходульным, что вызывает гнев Купидона: «...я слышала, как его описывали во всей красе и, как я себе представила, он выглядит довольно глупо. Во-первых, он должен быть слепым и голым, с крыльями, с луком и стрелами с огненными наконечниками. <...> Могу ли я подумать, что боги, повелевающие всем сущим, ходят нагишом? Что ему делать с крыльями, которые не знают, куда лететь? Или со стрелами, которые не видят цели? Сердце – очень мизерная мишень, и скорее требует глаз Аргуса для попадания в цель, чем чтобы слепой мальчик стрелял наугад» [6, vol. 3, p. 308].

После такого представления бога Любви зрительские ожидания направлены на его появление на сцене. Тем более, что со словесным наброском

Нисы не вяжется описание его влияния на тонкость чувств, сформулированное каскадом оксюморонов в речи нимфы Ниобеи: «приятная боль, холодный жар, нежная горечь». Не знающая любви, Ниобея полагает, что испытываемые ею новые незнакомые чувства, вероятно, и есть любовь, но уж точно не ненависть, как она догадывается. Зрительские ожидания появления бога на сцене оказываются удовлетворенными при встрече Цереры с Купидоном у его храма, когда возникает емкий и острый вопросно-ответный диалог, характерный для драматургии Лили, за который его высоко ценят, считая предшественником Шекспира. Купидон при этом предстает истинным властителем Любви, способным кратко и четко, почти афористично ответить на самые каверзные вопросы.

Когда Церера просит Купидона помочь ей сохранить чистоту ее нимф, бог Любви отвечает, что нет необходимости опасаться истинной любви, поскольку она целомудренна: «Почему, Церера, ты думаешь, что за любовью следует похоть? Церера, влюбленные целомудренны: ибо любовь, божественная любовь, не что иное как квинтэссенция целомудрия и привязанностей, связанных движениями небес, которым невозможно противостоять земными средствами и которые не могут контролироваться ни одним человеком?» [6, vol. 3, p. 309]. Он дает совет, что делать, чтобы пламя любви согревало, а не обжигало.

Таким образом, оба известных культурному пространству образа Купидона оказываются представленными в драматургии английского Возрождения накануне появления

шекспировских пьес, в которых такой сценический образ окажется невостремленным, хотя и упоминаемым в текстах. В комедии «Сон в летнюю ночь» Шекспира удрученная невниманием Деметрия Елена, говоря о Купидоне, подхватывает закрепившееся расхожее мнение и тональность неуважительного высказывания о нем нимф Цереры:

Любовь глядит не взором, а душой;
Крылатый Купидон – божок слепой;
Он, впрочем, и душой не прозорлив:
Крылат, безглаз, нелепо тороплив.
Любовь – дитя; ей словно нипочем
Обманываться в выборе своем.

[4]

Первая и предпоследняя строки реплики Елены противоречат друг другу, знаменуя ее смятенность

и желание разобраться в нахлынувших чувствах.

Мотив противостояния Купидону развит также в 154 шекспировском сонете «Божок любви под деревом прилег...».

Приведенные шекспировские строки доказывают, что образ Купидона был хорошо знаком англичанам в конце XVI в., как и мотив противостояния его шалостям. Однако для воплощения капризов чувств авторы начинают искать новые средства. У Шекспира возникает мотив сока волшебного цветка в «Сне в летнюю ночь», но в ряде случаев любовные коллизии представляются без объяснений, оставаясь загадкой, что никак не мешает воспринимать их как художественную правду, соответствующую действительности.

Библиографический список

1. *Вергилий Марон Публий*. Энеида / пер. с лат. М., 2001. URL: <https://rustih.ru/vergijij-eneida/> (дата обращения: 09.11.2024).
2. *Овидий Назон Публий*. Метаморфозы // Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии / пер. с лат. М., 1983. URL: https://lib.ru/POEEAST/OWIDIJ/ovidii2_2.txt (дата обращения: 09.11.2024).
3. *Черноземова Е.Н.* Разговор о достоинстве в системе жанров английской драматургии конца XVI века. М., 2024.
4. *Шекспир У.* Сон в летнюю ночь / пер. с англ. URL: <https://lib.ru/SHAKESPEARE/midsummer.txt> (дата обращения: 09.11.2024).
5. Greg W.W. Dramatic documents from the Elizabethan Play houses. Oxford, 1931.
6. Lyly J. The Complete works. Ed. by R.W. Bond. In 3 vol. Oxford, 1902, 1973.
7. Marlowe Ch. The tragedy of Dido, Queene of Carthage // Marlowe Ch. The plays. L.; N.Y., 1914. F. 1909.
8. Orgel S. The illusion of power: Political theatre in the English Renaissance. Berkeley, 1975.
9. Peel G. The araignement of Paris. Amsterdam, 1904.

References

1. Vergilii Maron Publii. Eneida [Aeneid]. Transl. from Latin. Moscow, 2001. URL: <https://rustih.ru/vergijij-eneida/> (In Rus.)
2. Ovidii Nazon Publii. Metamorphoses. *Lyubovnye ehlegii. Metamorfozy. Skorbnnye ehlegii*. Transl. from Latin. Moscow, 1983. URL: https://lib.ru/POEEAST/OWIDIJ/ovidii2_2.txt. (In Rus.)
3. Chernozemova E.N. Razgovor o dostoinstve v sisteme zhanrov angliiskoi dramaturgii kontsa XVI veka [A conversation on dignity in the genre system of English drama of the late XVI century]. Moscow, 2024.

4. Shakespeare W. Son v letnyuyu noch [A midsummer night's dream]. Transl. from English. URL: <https://lib.ru/SHAKESPEARE/midsummer.txt> (In Rus.)
5. Greg W.W. Dramatic documents from the Elizabethan Play houses. Oxford, 1931.
6. Lyly J. The Complete works. Ed. by R.W. Bond. In 3 vol. Oxford, 1902, 1973.
7. Marlowe Ch. The tragedy of Dido, Queene of Carthage // Marlowe Ch. The plays. L.; N.Y., 1914. F. 1909.
8. Orgel S. The illusion of power: Political theatre in the English Renaissance. Berkeley, 1975.
9. Peel G. The araygnement of Paris. Amsterdam, 1904.

Статья поступила в редакцию 30.10.2024, принята к публикации 20.11.2024
The article was received on 30.10.2024, accepted for publication 20.11.2024

Сведения об авторе / About the author

Черноземова Елена Николаевна – доктор филологических наук; профессор кафедры всемирной литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Elena N. Chernozemova – ScD in Philology; Professor at the World Literature Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: chernozem888@yandex.ru

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-77-85

УДК 821

М.В. МясниковаМосковский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Рецепция «Опытов» М. де Монтеня в творчестве Дж. Барнса

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей рецепции книги «Опыты» М. де Монтеня в творчестве Дж. Барнса. Цель исследования – выявить и охарактеризовать основные тематические точки пересечения двух писателей, определить роль книги Монтеня в формировании эстетических принципов Барнса. Отмечено стремление писателя к «эссеизации» художественной прозы, а также внимание к жанру эссе. Выявлено особое внимание как Барнса, так и Монтеня к теме страха смерти и охарактеризована специфика ее реализации. В результате сопоставления «Опытов» и книги Барнса «Нечего бояться» сделан вывод о принципиально разной интенции текстов и ее обусловленности временем жизни автора и ведущей культурно-философской парадигмой. Так, в эссе Монтеня отмечена присущая эпохе Ренессанса вера в силу человеческого духа, установка на деятельную жизнь, в то время как в тексте Барнса прослежены черты характерной постмодернистской неуверенности. Подчеркнута принципиальная важность и сосредоточенность обоих авторов на субъективных историях, особое внимание к описанию персонального опыта (автора или созданного им героя) в его становлении и изменчивости. Определены характерные черты поэтики «Опытов», нашедшие свое воплощение в творчестве Дж. Барнса, среди которых особенно отмечены: авторская установка на «рассказывание», подвижность понятия истины, а также тяготение к дискретности и разрозненности повествования. Выявлены основные способы воплощения поэтологических особенностей эссе в художественных текстах Дж. Барнса. Сделан вывод о влиянии жанра эссе в целом и книги «Опыты» в частности на формирование авторского представления о роли и назначении литературы.

Ключевые слова: Дж. Барнс, М. Монтень, пересечение тем в литературных произведениях, эссе, эссеизм художественной прозы, постмодернизм в литературе, рецепция как литературоведческое понятие

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Мясникова М.В. Рецепция «Опытов» М. де Монтеня в творчестве Дж. Барнса // Литература в школе. 2024. № 6. С. 77–85. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-77-85

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-77-85

M.V. MyasnikovaMoscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The reception of M. de Montaigne's "Essays" in J. Barnes' works

Abstract. This article considers the peculiarities of the reception of Michel de Montaigne's book "Essays" in the works of Julian Barnes. The purpose of the research is to identify and characterize the main thematic points of intersection between the writers and to determine the role of Montaigne's book in shaping Julian Barnes' aesthetic principles. The writer's striving for the essayization of fiction and his attention to the genre of the essay are noted. The paper reveals the special attention of both Barnes and Montaigne to the theme of the fear of death and characterizes the specificity of its actualization. As a result of comparing "Essays" and the book "Nothing to be Frightened of" by Barnes, it is concluded that the texts have fundamentally different intentionality conditioned by the time of the authors' lives and the leading cultural and philosophical paradigm. Thus, in Montaigne's essay there is a faith in the human's spirit power and a focus on active life, peculiar to the Renaissance, intention to live actively. At the same time, Barnes' text is characterized by a typical postmodern uncertainty. The fundamental importance and focus of both authors on subjective stories, special attention to the description of the personal experience (that of the author or the hero created by him) in its formation and variability is emphasized. The article identifies the features of the poetics of "Essays" which found their embodiment in the works of Julian Barnes, among which the author's focus on storytelling and the mobility of the concept of truth, as well as the tendency towards discreteness and fragmentation of the narrative are especially noted. The main ways of embodying the poetical features of the essay in the literary texts of J. Barnes are revealed. The conclusion is made about the influence of the genre of the essay in general and the "Essays" in particular on the formation of the author's idea of the role and purpose of literature.

Key words: J. Barnes, M. de Montaigne, the thematic intersection in literary works, essays, essayism of fiction prose, postmodernism in literature, reception as a notion of literary critique

CITATION: Myasnikova M.V. The reception of M. de Montaigne's "Essays" in J. Barnes' works. *Literature at School*. 2024. No. 6. Pp. 77–85 (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-77-85

Творчество современного британского писателя Джулиана Барнса отличается жанровым, стилистическим и тематическим разнообразием. В 1992 г., характеризуя его творчество, литературный критик *The New York Times* М. Стаут назвала Барнса «хамелеоном британской литературы»¹. Эта метафора оказалась настолько удачной, что с тех пор регулярно печатается на обложках новых изданий писателя и встречается практически в каждой исследовательской работе. М. Стаут отмечает, что у Барнса нет двух похожих в жанрово-стилевом и тематическом отношении романов, а писать он может о чем угодно: «Одержимость, беспорядки, путешествия, смерть, Восточная Европа, многообразие реальности... и сэндвичи»². Пристальное внимание писателя к окружающему миру и стремление подвергнуть рефлексии и творческому переосмыслению практически любое его явление в свою очередь выразилось в тяготении к эссеизму. Так, например, литературный обозреватель Т. Джонс отмечает: «Эссеизм – ведущее качество творчества Барнса, большая часть произведений, которые автор (или его издатель) классифицирует как рассказы, главы романов или романы вообще, могут быть названы эссе»³.

Важно, однако, понять: что именно подразумевается под словом «эссе». В англо-американской практике эссе является довольно распространенной

формой критических исследований и, по замечанию Р. Фрайбурга, классифицируется как «строго нехудожественный жанр» [9, р. 44]. Уточним, что и в отечественном, и в зарубежном литературоведении нет единого мнения по поводу «природы» эссе: является ли оно «строго нехудожественным», относится ли к художественно-документальной литературе [4, с. 14] или же вовсе является «внеродовой формой литературы»⁴ [7, с. 335]. «Ответ на вопрос о природе эссе как правило дается через определение того, чем эссе не является: оно не относится ни к поэзии, ни к художественной прозе; может основываться на эксперименте или предположении, но не является научным исследованием и не нуждается в доказательствах; <...> в нем может рассказываться личная история, но, тем не менее, это не биография и не мемуары; эссе может содержать факты, однако им совершенно точно не следует всегда доверять» [11, р. 1], – отмечают авторы «Кембриджского путеводителя по эссе».

Споря о «классификации» эссе, большинство исследователей, тем не менее, сходятся в определении его содержательных и стилистических особенностей, того, что Клер де Обальдия назвала «духом эссе». Так, к основным свойствам эссе можно отнести⁵:

⁴ К «внеродовым», т.е. не укладывающимся в традиционную триаду «эпос, лирика, драма» В.Е. Хализев предлагает относить очерки, литературу «потока сознания» и эссеистику.

⁵ На основе исследований: Адорно Т. Эссе как форма // Своеволие философии: собрание философских эссе / сост. и отв. ред. О.П. Зубец. М., 2019. С. 65–85; Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. М., 1988; De Obaldia C. The Essayistic Spirit. Literature, Modern Criticism, and the Essay. Oxford. 1995; On Essays: Montaigne to the Present. T. Karshan, K. Murphy (eds.). Oxford University Press, 2020.

¹ Stout M. Chameleon Novelist // *The New York Times*. 22.11.1992. URL: <https://www.nytimes.com/1992/11/22/books/chameleon-novelist.html> (дата обращения: 22.09.2024).

² Ibid.

³ Jones T. Oh no oh no oh no // *London Review of Books*. 2011. Vol. 4. № 33. (17 February 2011). URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v33/n04/thomas-jones/oh-no-oh-no-oh-no> (дата обращения: 07.10.2024).

диалогичность, внутреннюю противоречивость и тяготение к парадоксальности, наличие конкретной темы, служащей отправной точкой для размышлений; «свободное» изложение, ставящее своей целью запечатлеть непостоянство и изменчивость (прежде всего мысли); междисциплинарный характер – эссе использует разные способы познания мира, объединяет научное, художественное и документальное; «правдивость»: «Эссе, в противоположность художественным фантазиям и философским абстракциям, выводит свои мыслеобразы в сферу подлинного, непосредственно переживаемого, сейчас длящегося бытия» [8, с. 353].

Все перечисленное было характерно уже для «первого эссеиста», французского мыслителя Мишеля де Монтеня, «Опыты» (*Essais*, 1580) которого традиционно считают отправной точкой для истории эссе. Не менее важны «Опыты» и лично для Джулиана Барнса: как в своем формальном, так и в содержательном аспекте. В этой книге для него содержатся «стоицизм, высокая книжность, случаи из жизни, афоризмы и утешение» [1, с. 24]. Монтень, считает Барнс, «приводит» к современному читателю образцы античной философии и вместе с тем показывает, как на их основе может развиваться свободная, критическая и вполне «житейская» (тесно связанная с повседневной жизнью) мысль.

Тематически наиболее важными Дж. Барнсу представляются эссе, в которых Монтень рассуждает о смерти: именно с «Опытов», по мнению писателя, начинаются «современные размышления о смерти» [Там же, с. 63]. Под «современными» прежде всего имеется в виду «не религиозные», ищущие утешения

не в вере в вечную жизнь после смерти, но, напротив, пытающиеся примириться с конечностью человеческого существования и ее неизбежностью: «Конечная точка нашего жизненного пути – это смерть, предел наших стремлений, и если она вселяет в нас ужас, то можно ли сделать хотя бы один-единственный шаг, не дрожа при этом в лихорадке?» [5, с. 66].

Достаточно серьезно занимающая писателя тема смерти почти не представлена в его романном творчестве, но красной нитью проходит через малую прозу⁶, эссеистику⁷ и является центральной для двух полуавтобиографичных книг «Нечего бояться» (*Nothing to Be Frightened Of*, 2008) и «Уровни жизни» (*Levels of Life*, 2011). Обе книги стали своего рода следствием важных утрат в жизни писателя: отправной точкой для «Нечего бояться» стала смерть матери, а «Уровни жизни» написаны после скоропостижной смерти его жены Пэт Кавана. В «Нечего бояться» книга Барнс предпринимает попытку «ревизии» своих детских и юношеских воспоминаний, перемежая их с размышлениями о ненадежности человеческой памяти, неизбежности смерти и своем перед ней страхе. Именно здесь Монтень упоминается как тот самый «начинатель» современных размышлений о смерти, а саму книгу в некоторой степени можно назвать

⁶ Главными героями рассказов Дж. Барнса часто становятся пожилые люди, перенесшие утрату или же находящиеся на пороге смерти. См., например: «Навечно», «Помехи», «Драгуны» (сборник «По ту сторону Ла-Манша»); «Аппетит», «Вещи вам известные», «Кора», «Аппетит» (сборник «Лимонный стол»).

⁷ Особое внимание уделяется обстоятельствам смерти героя эссе или особенностям его переживания утраты. См., например: «Франция и Киплинг», «Киплинг и Франция», «Утоление печали» (сборник «За окном»).

развернутым продолжением одной из самых известных глав «Опытов» – «О том, что философствовать – это значит учиться умирать». Отталкиваясь от центрального призыва эссе «лишим ее (смерть. – М.М.) загадочности, <...> приучимся к ней, размышляя о ней чаще, нежели о чем-либо другом» [5, с. 69], Барнс развивает его и предлагает подумать не только и не столько о смерти как таковой, сколько о том как, кто, насколько и почему ее боится.

«Если бы я был сочинителем книг, я составил бы сборник с описанием различных смертей, снабдив его комментариями. Кто учит людей умирать, тот учит их жить» [Там же, с. 73], – пишет Монтень, и Барнс отчасти воплощает этот замысел, составляя, однако, компендиум не смертей, но дневниковых записей и цитат о смерти, а также тех, кто о ней размышлял и ее боялся. Как и в «Опытах», эпизоды из личной жизни писателя («Мой друг Р. недавно спросил меня, как часто я думаю о смерти и при каких обстоятельствах. Каждый Божий день, ответил я; еще периодически случаются ночные приступы» [1, с. 38]) здесь соседствуют с историями «великих» («В 1920-е Сибелиус хаживал в хельсинкский ресторан “Камп”, где присоединялся к “лимонному столу”: лимон – китайский символ смерти» [Там же, с. 39]).

Важно, однако, заметить и то, что коренным образом отличает книгу Барнса от эссе Монтеня (помимо очевидных формальных различий вроде объема), а именно – интенцию текста. Эссе Монтеня достаточно декларативно; воздерживаясь от прямого наставления, автор, тем не менее, постоянно обращается к своему читателю с тем или иным призывом: «Будемте всюду

и всегда вызывать ее образ»; «Нужно, чтобы сапоги всегда были на тебе»; «Освободите место другим, как другие освободили его для вас» [5, с. 69, 71, 78] и т.п. Рассуждая на пугающую и серьезную тему, Монтень остается бодр и оптимистичен – эссе о «подготовке» к смерти во многом оказывается призывом к жизни и гимном ей: «Мы рождаемся для деятельности»; «Все в этом мире твердо убеждены, что наша конечная цель – удовольствие» [Там же, с. 72, 63]. Монтень предлагает своему читателю своеобразное «лекарство от страха», с истинно ренессансной верой в человека и его возможности призывая освободиться от страха смерти прежде всего для того, чтобы суметь полностью насладиться жизнью и воплотить все те возможности, которые она предоставляет.

И хотя оба автора размышляют об одном и том же – какое место в жизни человека занимает смерть и мысли о ней, – приходят они к совершенно разным выводам. Монтень: смерть – закономерный конец; размышляя о ней постоянно, человек естественным образом уменьшит влияние страха перед ней на свою жизнь. Барнс: смерть – закономерный конец, однако сама эта мысль совсем не утешает. В тексте Барнса совсем нет монтеневской бодрости, но много современной неуверенности. Как и Монтень, Барнс размышляет в том числе и о жизни, а точнее – о том, что из «следов» прижизненной деятельности останется от человека после его смерти. Так, значительную часть книги занимают в том числе размышления о памяти и ее ненадежности. Сравнивая свои воспоминания с воспоминаниями старшего брата, писатель приходит к очередному

неутешительному выводу: память – ненадежный хранитель, содержание воспоминания слишком сильно зависит от личности вспоминающего. К тому же, замечает Барнс, с близкими людьми «часто бывает так, что чем лучше знаешь человека, тем хуже ты способен его разглядеть» [1, с. 239] и, соответственно, сохранить его образ во всей полноте – да и существует ли вообще этот образ? Поскольку изменчива не только память потомков, но и сама личность человека, единственным «надежным» следом его или ее существования в конечном итоге оказывается пластиковый пакет с вещами, который медсестра вручает родственникам умершего: «Надеюсь, что, кому бы ни передали тюк с моей одеждой, он не обнаружит там ненюшенные коричневые тапки на липучке» [Там же, с. 152].

В отличие от Монтеня, уверенно предлагающего одно доказательство ничтожности страха смерти за другим, Барнс избегает любых окончательных утверждений, подвергая каждый тезис (как свой, так и чужой) сомнению. В одном из фрагментов книги сомневается он в том числе и в своем вдохновителе и ориентире Монтене: «Например: если вы жили в достатке и познали все радости жизни, вы счастливо с ней распрощаетесь; а если жизнь была неуспешной и несчастной, вы не будете сожалеть о расставании с ней. (Предположение, которое, как мне кажется, легко вывернуть наизнанку: принадлежащие к первой категории могут желать бесконечного продления своих счастливых жизней, а люди из второй могут надеяться, что удача переменится.) Или: если вы по-настоящему прожили один день, насладившись им сполна, вы все на своем веку уже повидали.

(Да нет же!) <...> В любом случае надо освободить место на земле для других, так же как другие освободили его для вас. (Да, но я их об этом не просил.)» [Там же, с. 67]. Даже выведенный из Монтеня тезис о том, что размышления о смерти помогают с ней примириться, писатель обнаруживает ошибочным: брат-философ указывает ему, что “*Philosopher, c’est apprendre à mourir*” означает, что философствующий живет умом, а не телом, и в этом уподобляется лишившегося тела умершему. «Ошибка» эта обнаруживается почти в самом начале книги, однако совсем не мешает дальнейшим размышлениям – скорее, иллюстрирует авторское убеждение в отсутствии единой и объективной истины.

Некоторые «следы» сомнения в существовании устойчивой истины можно обнаружить уже и у Монтеня. Неоднократно в «Опытах» встречаются утверждения о непостоянстве мира, вечного его движения: «Весь мир – это вечные качели. <...> Даже устойчивость – и она не что иное как ослабленное и замедленное качание»; «Жизнь – это неровное, неправильное и многообразное движение» [5, с. 342, 359]. Понять, «расшифровать» и обрести спокойствие и уверенность мешает не только перманентная изменчивость мира, но и ненадежность человеческих суждений: «во-первых, по способности восприятия он (человек. – М.М.) уступает даже животным <...>; во-вторых, сама эта способность меняется от человека к человеку; в-третьих, она зависит от “телесных изменений”, которые с нами происходят; в-четвертых, она связана с постоянными переменами в наших “настроениях” и “состояниях души”; и, наконец, в-пятых, с самим

течением времени, когда то, что вчера казалось нам истинным, сегодня представляется ложным и наоборот» [3, с. 14]. В «Опытах» Монтень предпринимает попытку не столько описать мир (как и впоследствии постмодернисты, он убежден, что это невозможно) и даже не предложить какую-либо философскую концепцию, согласно которой нужно этот мир воспринимать, сколько решить сугубо практическую задачу – как в этом вечно меняющемся мире жить.

И здесь обнаруживается еще одно свойство монтеневского текста, очень важное Барнсу, – отсутствие нравоучительности: «Я отнюдь не поучаю, я только рассказываю» [5, с. 344]. Причем «рассказ» всегда основывается на личности автора, его впечатлениях и опыте: «Нет описания более трудного, чем описание самого себя, но в то же время нет описания более полезного» [Там же, с. 199]. Монтень не предлагает универсальное средство или решение того или иного вопроса, но документирует процесс своего размышления над этим решением, ищет подтверждение своих мыслей и иногда предлагает не единственно верный его вариант, но тот, который в данный момент кажется ему оптимальным.

В данном контексте представляется уместным упомянуть еще одного французского мыслителя, важного для Дж. Барнса – Себастьяна-Рош Николя де Шамфора. Почти забытому сегодня автору Барнс посвятил эссе «Мудрость Шамфора», в котором отмечает особую не только философскую, но и литературную силу его сборника «Максимы и мысли». Сравнивая Шамфора с автором более известных «Максим» Ларошфуко, писатель отдает предпочтение перво-

му, считая высказывания Ларошфуко слишком ультимативными и «алгебраичными». В то время как Шамфор не стремится уложить жизнь в одну красивую строчку, он редко прибегает к ярким антитезам и стройным формулам и предлагает читателю не «цитату недели», но «горький эликсир опыта» [10, р. 102]. Однако еще более важным для Барнса является то, что, как и Монтень, Шамфор не встает на философский нравоучительный пьедестал, не стремится чему-то учить, но подвергает критическому анализу прежде всего самого себя. Книгу Шамфора, вслед за А. Камю, Барнс считает «разрозненным романом» [Там же, р. 107], отмечая, что, помимо философских сентенций, она содержит также весьма выразительные анекдоты, истории, описания нравов и шутки.

Разрозненность и кажущаяся несогласованность текста – то, что свойственно и «Опытам». Сам Монтень сравнивает свои тексты с гротесками и отмечает: «У меня нет другого связующего звена при изложении моих мыслей, кроме случайности. Я излагаю свои мысли по мере того, как они у меня появляются; иногда они теснятся гурьбой, иногда возникают по очереди, одна за другой. Я хочу, чтобы виден был естественный и обычный ход их, во всех зигзагах» [5, с. 223].

Исследователи и критики часто называют «фрагментарность» одной из характерных черт творчества Дж. Барнса. И романы, и «пограничные» книги Барнса («Нечего бояться», «Уровни жизни», «Портрет мужчины в красном») отличаются неоднородной структурой: эпизоды условного настоящего сочетаются с пересказом прошлого, непосредственное

изложение сюжета постоянно прерывается размышлениями героев над тем или иным событием или явлением, повествование часто возвращается к одним и тем же образам и эпизодам, каждый раз раскрывая их по-новому. В некоторых случаях, как, например, в романе «Одна история», сама структура произведения согласуется со структурой эссе: так, в самом начале повествователь задает тему, ставит «проблемный» вопрос: «Что бы вы предпочли: любить без меры и без меры страдать или же любить умеренно и страдать умеренно?» [2, с. 15], – а затем, на протяжении всего романа, пытается дать на него ответ на примере собственной истории. История же, в свою очередь, излагается не последовательно, а согласно разделению на «хорошую», «плохую» и обобщающую, «синтезирующую» стороны. Осознание собст-

венного опыта у Барнса всегда требует подхода к рассмотрению предмета с разных сторон, и писатель активно использует разные его способы: «перевооруживание» истории ввиду ранее неизвестных фактов в «Предчувствии конца», представление трех разных версий событий в «Как все было», сочетание «внешнего» и «внутреннего» взгляда на биографию Шостаковича в «Шуме времени».

Проза Дж. Барнса, таким образом, соотносится и с самим французским глаголом “*essayer*” – «исследовать, производить опыт» [6, с. 193], и с первыми французскими образцами жанра. Неоднородность и подвижность эссе позволяют Барнсу наиболее адекватно и полно воплотить всю неоднозначность человеческого опыта, запечатлеть неустойчивость истины и подвижность личности, в том числе и в самой структуре текста.

Библиографический список

1. Барнс Дж. Нечего бояться / пер. с англ. М., 2008.
2. Барнс Дж. Одна история / пер с англ. СПб., 2019.
3. Косиков Г.К. Последний гуманист, или Подвижная жизнь истины // Монтень М. Опыты. Избранные главы. М., 1991. С. 6–32.
4. Куприяновский П.В. Проблемы изучения художественно-документальной литературы // О художественно-документальной литературе. Иваново, 1972.
5. Монтень М. Опыты. Избранные главы. М., 1991.
6. Толкачев С.П. Уровни вдохновения: французский контекст постмодернистской прозы Дж. Барнса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 8 (824). С. 184–199.
7. Хализев В.Е. Теория литературы. М., 2002.
8. Эштейн М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. М., 1988.
9. Barnes J. Conversations with Julian Barnes. Univ. Press of Mississippi, 2009.
10. Barnes J. Through the window: Seventeen essays (and one short story). Random House, 2012.
11. Wittman K., Kindley E. (ed.). The Cambridge companion to the essay. Cambridge University Press, 2022.

References

1. Barnes J. Necho go boyatsya [Nothing to be frightened of]. Transl. from English. Moscow, 2008.
2. Barnes J. Odn a istoriya [One story]. Transl. from English. St. Petersburg, 2019.

3. Kosikov G.K. The last humanist, or the moving life of truth. *Montaigne M. Opyty. Izbrannye glavy*. Moscow, 1991. Pp. 6–32. (In Rus.)
4. Kupriyanovsky P.V. Problems of studying fiction and documentary literature. *O khudozhestvenno-dokumentalnoi literature*. Ivanovo, 1972. (In Rus.)
5. Montaigne M. Opyty [The essays]. Selected chapters. Moscow, 1991.
6. Tolkachev S.P. Levels of inspiration: French context of post-modern prose by Julian Barnes]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2019. No. 8 (824). Pp. 184–199. (In Rus.)
7. Khalizev V.E. Teoriya literatury [Literature theory]. Moscow, 2002.
8. Epshtein M.N. Paradoksy novizny: O literaturnom razvitii XIX–XX vekov [Paradoxes of novelty: On literary development in the XIX–XX centuries]. Moscow, 1988.
9. Barnes J. Conversations with Julian Barnes. Univ. Press of Mississippi, 2009.
10. Barnes J. Through the window: Seventeen essays (and one short story). Random House, 2012.
11. Wittman K., Kindley E. (ed.). The Cambridge companion to the essay. Cambridge University Press, 2022.

Статья поступила в редакцию 14.10.2024, принята к публикации 11.11.2024
The article was received on 14.10.2024, accepted for publication 11.11.2024

Сведения об авторе / About the author

Мясникова Мария Владимировна – аспирант; ассистент кафедры всемирной литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Maria V. Myasnikova – PhD postgraduate student; Assistant Lecturer at the World Literature Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: m.v.myasnikova@yandex.ru

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-86-96

УДК 372.882

Д.В. Панченко

Волгоградский государственный медицинский университет,
400131 г. Волгоград, Российская Федерация

Чтение как пространство духовного наследования

Аннотация. В современном пространстве массовой культуры человеку, как никогда, трудно идентифицировать, сформировать устойчивый и последовательный образ собственного Я: увидеть личностные границы и ориентиры, осознавая дар своей уникальности, и в то же время почувствовать национальную включенность в культурно-историческую плоскость бытия. В условиях цифровизации актуально рассмотреть пространство чтения, выделив такое его свойство, как влияние на формирующуюся личность и понимание себя в системе своей культуры и традиции. Без актуализации этого принципа проблема отсутствия интереса к чтению классических произведений не будет в полной мере решена. По данным ВЦИОМ, за последние три месяца 2023 г. 40% россиян не прочитали ни одной книги. При этом чтение присутствует в повседневном взаимодействии в Интернете. Однако существует колоссальная разница между чтением художественных произведений и нон-фикшн. Художественный мир книг создает особое пространство (хронотоп, переживаемый мир жизни), в котором возможно проживать жизненные ситуации, коммуницируя тем самым с опытом предков и получая возможность наследовать духовную, культурную традиции. С пониманием чтения как пространства духовного наследования связан замысел статьи. На основе сравнительно-исторического метода мы показали, что, погружаясь в мир образов и идей, читатели наследуют ментальность того или иного художественного пространства, которое создано средствами языка искусства. Подобный взгляд на чтение перспективен для разработки методического подхода, направленного не только на образовательные цели, но и играющего решающую роль в воспитании.

Ключевые слова: чтение в условиях цифровизации, чтение как наследование, преемственность, духовная коммуникация, духовное родство, наследование традиции литературы, духовный мир личности, ментальность художественного пространства

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Панченко Д.В. Чтение как пространство духовного наследования // Литература в школе. 2024. № 6. С. 86–96. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-86-96

© Панченко Д.В., 2024

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-86-96

D.V. PanchenkoVolgograd State Medical University,
Volgograd, 400131, Russian Federation

Reading as the space of spiritual inheritance

Abstract. In the modern space of mass culture, it is more difficult than ever for a person to identify and form a stable and consistent image of their own "I": to see personal boundaries and guidelines, realizing the gift of their uniqueness, and at the same time to feel national inclusion in the cultural and historical plane of existence. In these conditions of digitalization, it is important to consider the reading space, highlighting its property that influences the developing personality and understanding of oneself in the system of one's culture and tradition. Without updating this principle, the problem of lack of interest in reading classical works will not be fully resolved. According to VCIOM (Russia Public Opinion Center), in the last three months of 2023, 40% of Russians did not read a single book. At the same time, reading is present in everyday interactions on the Internet. However, there is a huge difference between reading fiction and non-fiction. The artistic world of books creates a special space (chronotope, the experienced world of life), in which it is possible to live through life situations, thereby communicating with the experience of ancestors and gaining the opportunity to inherit spiritual and cultural traditions. The idea of the article is connected with the understanding of reading as a space of spiritual inheritance. Based on the comparative historical method, we have shown that, immersing themselves in the world of images and ideas, readers inherit the mentality of a particular artistic space, which is created by means of the language of art. Such a view of reading is promising for the development of a methodological approach aimed not only at educational goals, but also playing a decisive educational role.

Key words: reading in the conditions of digitalization, reading as inheritance, continuity, spiritual communication, spiritual kinship, inheritance of literary tradition, spiritual world of the individual, mentality of artistic space

CITATION: Panchenko D.V. Reading as the space of spiritual inheritance. *Literature at School*. 2024. No. 6. Pp. 86–96. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-86-96

Как известно, чтение – базовая цивилизационная технология, которая глубоко внедрена в структуры повседневности на протяжении уже не одного столетия, поэтому часто воспринимается как нечто должное

и вполне ординарное. В то же самое время она не только представляет собой факт более чем многотысячелетнего существования, но и удостоилась звания одного из самых главных изобретений человека – мыслители

по праву называли ее величайшим достижением и инструментом науки и искусства, передающим через века великую «историю общественной мысли» (А.Н. Веселовский).

Однако со сменой эпох социальные представления о чтении «эволюционировали», откликаясь на технологические преобразования и новые модели передачи и связи. Например, в современной культуре данная форма деятельности представляется не только как интеллектуальный процесс, но и в виде измененных читательских практик и инновационных способов постижения текста: «Можно сегодня говорить о визуальном, интерактивном, мультимедийном чтении как новых практиках» [20, с. 101].

При этом оказывается, что, несмотря на прогресс новых форматов, истинная цель чтения (не только познавательная или развлекательная, но заключающаяся в духовно-экзистенциальной коммуникации с культурным наследием человечества) достигается отнюдь не всегда¹. Исследователи обращают внимание на возникшее в последние десятилетия противоречие в понимании образа чтения, смену парадигм в цифровой среде и утверждение приоритета квазичтения – «визуального скроллинга, зрительного сканирования текста, формально подобного чтению, но в полной мере им не являющемся» [26]. В энциклопедическом словаре «Чтение» зафиксированы такие исследованные практики чтения, как визуальное, электронное [19, с. 88].

¹ Почему подростки не читают классику // Научно-образовательный портал IQ – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://iq.hse.ru/news/203292924.html?ysclid=lwobhlnfvq92878447> (дата обращения: 20.10.2024).

Во многих работах способ чтения именуется «прагматическим, прикладным, пользовательским, служебным» [26].

Различное понимание природы исследуемого феномена уже сейчас приносит свои «плоды», приводя от локальных проблем в образовании и воспитании (изучения литературы и ряда других гуманитарных дисциплин) к глобальным (национально-нравственное самоопределение и наследование культурной традиции). Ибо вполне ясно: какими бы терминами ни назывались современные трансформации, при квази-, поверхностном, скользящем чтении из художественных произведений только лишь «вынимается» сухой пласт информации, но не происходит глубокого погружения в их смысловую, духовную сферу. Прагматика таких читательских действий определяет и то, что «старшеклассники заменяют прочтение произведений просмотром их экранизаций или знакомством с кратким содержанием в интернете»².

Разумеется, при подобном скоростном подходе экзистенциальное значение классических произведений не раскрывается в их онтологической, историко-культурной, эстетической полноте, а у пользователей такого мыслительного конструкта, квазичитателей, формируется психологический паттерн концентрировать внимание на внешних событиях, а не на внутреннем мире.

В конечном итоге читательская стратегия, нацеленная на информативность и скорость потребления, ведет к тому, что литература, в сущности, начинает утрачивать для

² Там же.

читателей статус искусства, классические образцы – их предназначение, человек – ценностную основу и вертикаль вершинного личностного развития, а общество – духовное единение.

Однако заметим, что при максимально сжатом, упрощенном подходе классическое наследие непонятно и неинтересно, из этого следует отсутствие устойчивой мотивации к чтению произведений школьной программы. Подчеркнем, что современная проблема чтения заключается отнюдь не в историко-временной разнице и не в конфликте поколений, как видится на первый взгляд³ и как иногда признают сами школьники: «Пушкин – это наше славное прошлое. Далекое прошлое» [25, с. 33]. Наоборот, трудности восприятия лежат в плоскости вневременной, сверхвременной, культурной, они заключаются в наличии духовной дистанции. По выражению специалистов в области преподавания литературы, для выхода из данной проблемной образовательной ситуации требуется определенный «культурный фонд» (Д.С. Лихачев), который создаст вокруг каждого изучаемого произведения «поле понимания» [3], «культурное поле» [11].

Тем не менее в современных гуманитарных науках утвердилась и получила признание модель чтения, понимаемая как набор ментальных операций, процесс извлечения информации из печатного текста. Эта интерпретация определения чтения вполне справедлива, однако повсе-

местное внедрение такой модели отчасти редуцирует сложный процесс постижения слова до психофизиологии и механики, высвечивая его утилитарную сторону, заключающуюся в распознавании знаков, получении информации, владении скоростными навыками.

Крупные российские исследователи в области литературы и ее преподавания все же настаивают на том, что новейшие практики, как, к примеру, мультимедийное чтение – не в полном смысле чтение, но лишь вход в чтение [19], подход к нему, с помощью которого можно выйти в «большое» читательское пространство – огромный сложный мир, существующий по своим особым духовным законам и не сводим к распознаванию символов и обмену информацией: «Гносеологически перспективное определение его связано с описанием его родового начала – дистантной духовной коммуникации» [21, с.108].

Действительно, стоит обратить внимание на то, что в природе подлинного чтения заключены глубокие духовные основы, воздействующие на формирование личности как носителя сознания. По утверждению Н.А. Стефановской, чтение – многоаспектный феномен, заключающий в себе важнейшее условие антропогенеза. Это *способ бытия человека*, духовная социализация и экзистенциальная духовная коммуникация: «Чтение как дистантная духовная коммуникация представляет собой важнейшую сторону антропогенеза, выражающую необходимость коммуницирования, как условия выживания рода» [22, с. 3].

В самом деле, человек на протяжении всей жизни нуждается в общении, духовном измерении и постоянном

³ Почему подростки не читают классику // Научно-образовательный портал IQ – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://iq.hse.ru/news/203292924.html?ysclid=lwobhlnfvq92878447> (дата обращения: 20.10.2024).

внутреннем изменении, стремлении к целостности, росту, подъему на более высокие ступени, к идеалам, чтобы, в конце концов, самоопределился по отношению к своей культуре, своим жизненным задачам, национальным ценностям, Богу.

В энциклопедическом словаре «Чтение» наряду с другими дефинициями отмечается, что чтение есть «вид коммуникативно-познавательной деятельности: духовного общения и взаимовлияния людей»⁴.

Во многих классических работах философов читательская практика осмысливается как феномен духовной жизни, но при этом понимается и как способ интеллектуального развития личности и социально значимая практика.

Если чтение – опосредованная текстом «дистантная духовная коммуникация и способ трансляции социальных ценностей» [22, с. 3], то здесь стоит подробнее сказать об участниках этой коммуникации, тех, кто передает накопленный опыт познания в духе и слове.

По наблюдению академика А.Н. Ужанкова, ни одна литература мира не имеет такого «духовного фундамента», как русская словесность: она создавалась святыми. «Русская литература, и на это никогда не обращали внимания, основана святыми отцами»: Нестор, автор «Повести временных лет», Феодосий Печерский, Владимир Мономах, митрополит Иларион, епископ Кирилл Туровский, Максим Грек – все они канонизированы⁵.

⁴ Чтение. Энциклопедический словарь / под ред. Ю.П. Мелентьевой. М., 2021. С. 347.

⁵ Ужанков А.Н. Учебник русской жизни // Православие. URL: <http://www.pravoslavie.ru/93343.html> (дата обращения: 11.05.2024).

Труды святых отцов наследуют и продолжают яркие незаурядные личности, великие поэты: химик, физик, астроном, реформатор русского языка, художник, историограф, поэт М.В. Ломоносов; государственный деятель Российской империи Г.Р. Державин; государственный служащий, наставник будущего императора Александра II, переводчик, реформатор русской поэзии В.А. Жуковский; дипломат и переводчик Ф.И. Тютчев; реформатор русского литературного языка, историк, мыслитель А.С. Пушкин; дипломат А.С. Грибоедов и т.д. – те, кто сумел «вобрать в свое слово свою экзистенцию» [8, с. 48].

Способы видения и вхождения в уникальное духовное пространство их произведений могут быть различными. Однако условием коммуникации с ними, по утверждению О. Розенштока-Хюсси, является подчинение «совместному духу»: «Мы – ты и я – обретаем способность говорить тогда, когда мы подчиняемся некоторому совместному духу» [18, с. 55].

Здесь обозначим, что мы понимаем под термином «духовное», и обратимся к опыту концептуализации данного понятия в философии, культурологии, богословии. Так, в исследованиях выделяют следующие определения:

- все то, что связано с религией;
- «относимое к области действия Святого Духа»⁶;
- часть триединой структуры человеческой природы («Дух, душа и тело») [14];

⁶ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2008. С. 289; Пивоваров Д.В. Современный философский словарь. М., 1998. С. 260–261.

- духовность как нематериальность (духовная культура)⁷;
- амбивалентность духовности, духовность как пребывание в душе того или иного духа (бывает положительная и негативная, то есть истинная или ложная, добрая или злая) [5];
- создание общего мира, всеобщее сознание [18; 23].

Остановимся, скорее, на последнем, принимая во внимание опасность путаницы между разными направлениями духовности, положительной и отрицательной. Понятие «духовное» в контексте наших рассуждений более относимо к всеобщему сознанию, общему всем людям «единому духу» [23, с. 19].

Это понимание феномена духа, которое мы встречаем в ряде размышлений богословов, философов, деятелей искусства:

- «Дух времени нашего оторвался от Духа Вечности, потому он мучится, рыдает и скрежещет зубами...»⁸;
- «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа»⁹;
- «Ибо что такое сила духа русской народности как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?»¹⁰;
- «Я сам думал, что я проник в дух русской иконы и что я выразил

внутренний мир живописца того времени... Оказалось, однако, что я глубоко заблуждался. Дух древней русской иконы оказался во много раз выше...»¹¹.

Однако духовное единение с авторским классическим сознанием не вполне доступно без определенных усилий и особых условий. Как справедливо замечал С.С. Аверинцев, «чтобы сосредоточивать воображение на идее мировой гармонии, нужно иметь незаурядную культуру духа, серьезные запросы» [1, с. 172].

Предположим, что здесь кроется ответ на острый вопрос: почему в наши дни читать становится все труднее? Все дело в личной культуре духа? волевым усилием? Возможно, потому, что классическая литература создавалась элитами, людьми образованными, наделенными даром мысли, слова, силой духа, поставленными перед решением высоких государственных задач, а мы, представители нынешних поколений, воспитываемся в цифровом обществе, обществе потребления, в культуре масс. Даже не историческая дистанция отделяет и затрудняет общение с вершинным словесным искусством, а духовная дистанция и культурный разрыв. В сущности, можно духовно не дорасти, а можно впитать дух другой культуры и смотреть чужими глазами на художественное богатство своего национального наследия и его просто не заметить.

Следуя этой логике, мы должны признать, что не только читать, но «дотянуться» духовно и интеллектуально до сложного серьезного чтения – новая задача развития, и она

⁷ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2008. С. 289; Пивоваров Д.В. Современный философский словарь. М., 1998. С. 260–261.

⁸ Собрание творений преподобного Иустина (Поповича): жизнеописание. Т. 1. На Богочеловеческом пути. Путь Богопознания / пер. с серб. М., 2004. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Iustin_Popovich/o-dukhe-vremeni/ (дата обращения: 19.08.2024).

⁹ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л., 1952. Т. 8. С. 50.

¹⁰ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. М., 1995. Т. 14. С. 43.

¹¹ Успенский Л.А. Богословие иконы православной церкви. М., 1997. С. 543.

должна решаться за счет нового навыка между *hard* и *soft skills*. Для образования данного метанавыка и вхождения в мир духовных наставников необходимы подходящие условия, продиктованные самой природой чтения с ее уникальной возможностью – создавать средовые эффекты, то есть образовывать некое расширение во внутреннем пространстве на границе Я и Других, «на границе экзистенциального и социального модусов» [22, с.15]. «Читая, я выхожу из крепости себя, перестаю быть собой и в этом смысле подвергаюсь риску. В меня вселяются слова и опыт другого человека, который одновременно становится моим» [9]. «Литературное произведение, – пишет Дж.Х. Миллер, – это создание или открытие нового, дополнительного мира, метамира, гиперреальности» [27, с. 18].

Во внутреннем пространстве читателя постоянно производится определенная работа, под действием художественных образов зарождается новый мир, в нем откладываются впечатления и полученный опыт, который затем экстерииоризируется в процессе деятельности, влияя на формы поведения и общественное развитие [2]. Происходит «внутренняя перестройка ценностно-смысловой организации личности.

«Что вы сейчас читаете?» Смысл другой: присутствует ли, участвует ли в вашей жизни актуально конкретная книга?» [9]. Иными словами, при погружении в мир художественного произведения передается, наследуется ментальность того или иного художественного пространства, которое создано средствами языка искусства. Физиолог А.А. Ухтомский в своем учении о доминанте отмечал: «...ничто в нас не проходит бес-

следно. Отсюда вывод, что нам надо тщательно и бдительно работать над собой» [24, с. 350], выбирать духовное пространство, в которое собираемся входить и которое собирается входить в нас. Но для такого акта духовного восприятия важны активизированные, протекающие в сознании процессы: активность ума, волевое изъяснение к принятию и наследованию. «За то, что я пережил и понял в искусстве, я должен отвечать своей жизнью», – писал М.М. Бахтин [7, с. 5]. Так, причина бесплодности классического искусства для читающего заключена в его, читателя, нетребовательности и несерьезности жизненных вопросов.

Таким образом, если в постоянной практике цифрового читателя нет глубокого чтения, осмысления, серьезного анализа – нет и идеалов, нет традиции, нет личности, потому как задача искусства слова направлена на развитие «внутреннего» человека. Идеи и аксиологические установки, являющиеся собой несущие конструкции художественных текстов, развивают, пробуждают, поддерживают в человеке личность, а «личность – это основная черта образа Божия в каждом из нас» [13, с. 135].

Главный ресурс личности есть постоянное общение с действительностью и Другими, но теми Другими, которые способны научить преодолевать свою ограниченность, культивируя привычку жить идеалами правды, прививая вкус к истине (А.А. Ухтомский) и открывая возможность присутствия во всех временах (О. Розеншток-Хюсси), что дарят художественные тексты классической литературы. «Мы включены в общую жизнь всего человечества, связаны с ней бесчисленными нитями. Через социальную традицию, в усвоении

которой зреет наша личность – мы связаны с прошлой жизнью человечества; всей своей жизнью мы соединены с близкими и отдаленными социальными группами» [10].

Можно сказать, что чтение – это целостное духовное пространство между личностью формирующейся и личностями состоявшимися, между потомками и культурными предками. В отечественной методике преподавания литературы феномену преемственности посвящены работы как классиков, так и современных исследователей [25].

В самом деле, читатель не проживет жизнь человека одаренного словом, всесторонне образованного и воспитанного в уникальных исторических условиях, не вырастет сам в меру той духовной величины (одной лишь литературе, увы, это под силу), но ему возможно стать преемником и учеником тех, кто живет в «вечном настоящем» (М.К. Мамардашвили), обладает «динамическим бессмертием» (О.Э. Мандельштам), познает мир в «духовных вертикальных измерениях» (В.С. Соловьев).

Процесс постижения произведений высокого духовного порядка, чем и является золотой фонд классики, открывает возможность духовного наследования – школы понимания высоты задач, которые стоят перед человеком, перспектив развития своих личностных глубин в масштабе большой истории. Все это дает особое видение мира и себя в нем: видение не с позиции героев потребления и усредненной массовой культуры, которая, заметим, абсолютно лишена трансцендентного измерения, но с высокой позиции духовных наставников.

Важно задуматься над тем, чей опыт стоит перенять, узнать о нем

или хотя бы немного прикоснуться: опыт литераторов и книжников-святых, князей, эрудитов, академиков, ученых-энциклопедистов, высших государственных служащих, дипломатов-международников – или представителей популярной медиаккультуры?

М.К. Мамардашвили писал: «Потомство как таковое души не имеет... Культура рождается заново (или не рождается) каждым поколением, если оно совершает какой-то акт, которым завязывается все, что было до. На его основе определяем, к какой истории мы принадлежим, что продолжаем, с чем в преемственности находимся, поскольку на этом акте завязывается и преемственность... Живые акты восприятия, живые мысли – живы, если потенцированы в некой протяженности нашего сознания» (курсив наш. – Д.П.) [15, с. 148–149].

Безусловно, духовные сокровища отличают нашу литературу, которую «можно рассматривать как литературу одной темы и одного сюжета. Этот сюжет – мировая история, и эта тема – смысл человеческой жизни» [14, с. 9]. Но духовное наследование так и останется списком для чтения на странице учебника, если мы не сможем войти в пространство наследования и принять в дар в пространстве своего сознания. Вспомним слова М.М. Бахтина: «Душа – это дар моего духа другому» [6, с. 202]. Классическое литературное наследие – это тоже дар духа, духа автора, эпохи, Божьего вдохновения, если мы говорим о положительной духовности.

В.П. Зинченко, развивая бахтинскую мысль, говорит о важном свойстве преемственности: «...душа является даром духовным и в любом случае должны состояться не только акты ее дарения, но и акты принятия или

приятия дара. И с таких актов только все начинается: они должны накапливаться и длиться» (курсив наш. – Д.П.) [12, с. 152]. Акты принятия, переводя на язык образования и воспитания, – это определенные читательские действия, вызванные и выстроенные с учетом логики методических решений данного подхода. По мысли В.Ф. Асмуса, понимание «трудного» произведения зависит не только от барьера, который поставил автор или обусловил исторический контекст, но и от самого читателя и его читательской культуры, от степени уважения к автору, «потрудившемуся над произведением, от уважения к искусству, в котором этому произведению, может быть, суждено сиять в веках, как сияет алмаз» [4, с. 42–43].

По факту своего рождения в той или иной традиции читатель находится в отношениях духовного родства со своей культурой. Подход, воплощающий идею наследования, актуализирует чувство этого родства, следования за своими учителями-собеседниками. Если в наследство необходимо вступить, то чтение должно превратиться в сознательный процесс признания эталонности вневременных шедевров литературы и выстраивания своей внутренней системы мировоззренческих координат в соответствии с высшими идеями, выраженными в слове, вечными, непреходящими.

Феномен русской литературы заключается в том, что она оставила духовное завещание потомкам, предъявляя «высокий счет к человеку, высокую любовь к нему и высокое милосердие» [16, с. 510]. Тогда ее последователи, объединенные культурным родством и чтением как познанием этого родства, наследники данной социальной традиции спланиваются в тождественном понимании национальных идей и ценностей. «Создавать общность – значит жить в общем пространстве-времени» [17, с. 38]. В этом ее пространстве и происходит связь с культурным богатством предков. Актуализация этой связи и делает их предками, а нас потомками. Наследование традиции литературы в процессе чтения и понимания – это ощущение родства, родства в слове и духе.

«Там, где нарушается божественное достоинство человеческого слова, там происходит искажение божественного достоинства человека, его образа, его «иконы», там происходит отход от Творца, от нравственности, от культуры человеческих отношений – и человек становится рабом, скотом, зверем, не помнящим своего родства»¹².

¹² Игумен Петр (Лиголь). Душа России // Тайна русского слова. Заметки нерусского человека. Василий Ирзабеков. М., 2007.

Библиографический список

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. СПб., 2001.
3. Антипова А.М. Приобщение современных школьников к русской классике // Психология и литература в диалоге о человеке / под ред. Н.А. Борисенко, Н.Л. Карповой, С.Ф. Дмитренко. М., 2016. С. 66–70.
4. Асмус В.Ф. Чтение как труд и творчество // Вопросы литературы. 1961. № 2. С. 36–46.
5. Багаутдинов А.М. Амбивалентность духовности в информационном обществе: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2017.
6. Бахтин М.М. Сочинения: в 8 т. Т. 1. М., 2003.

7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
8. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М., 2003.
9. Венедиктова Т.Д. Актуальная метафорика чтения (попытка описания) // Новое литературное обозрение. 2007. № 5 (87). С. 468–478. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2007/5/aktualnaya-metaporika-chteniya.html?ysclid=m3yovhlmn9720607447> (дата обращения: 10.05.2024).
10. Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. Ч. 1. Общие принципы. Париж, 1934. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Zenkovskij/problemy-vospitaniya-v-svete-hristianskoj-antropologii/ (дата обращения: 11.05.2024).
11. Зинин С.А. Содружество искусств в теории и практике итоговой аттестации по литературе // Литература в школе. 2022. № 5. С. 70–81.
12. Зинченко В.П. Психурология на качелях между душой и телом // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3. С. 151–169.
13. Леонов В.А. Основы православной антропологии. М., 2023.
14. Лихачев Д.С. Первые семьсот лет русской литературы // Изборник: сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969. С. 5–26.
15. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М., 2000.
16. Непомнящий В.С. Удерживающий теперь: Пушкин в судьбе России. М., 2024.
17. Пизалев А.И. Культурология: учебник для студентов вузов. Волгоград, 2008.
18. Розенток-Хюсси О. Язык рода человеческого. М.; СПб., 2000.
19. Романичева Е.С. Мультимедийное чтение: от «стихийной» практики к школьному анализу художественного произведения // Литература в школе. 2022. № 4. С. 86–97.
20. Романичева Е.С., Пранцова Г.В. Синоптическое чтение: от теории к практике // Литература в школе. 2023. № 1. С. 99–110.
21. Стефановская Н.А. Экзистенциально-коммуникативные основы чтения // Аналитика культурологии. 2009. № 2 (14). С. 105–110.
22. Стефановская Н.А. Экзистенциально-коммуникативные основы чтения: теория, методология и методика социологического исследования: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Тамбов, 2009.
23. Торубарова Т.В. Понятие духа в философии Гегеля // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. № 3 (224). Вып. 35. С. 19–24.
24. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб., 2002.
25. Чертов В.Ф., Трубина Л.А., Гетманская Е.В. Преемственность в школьном изучении литературы: сравнительно-исторический аспект // Педагогика и психология образования. 2023. № 3. С. 24–37.
26. Шербинина Ю.В. Выход из зоны Брока. Новые способы и актуальные практики чтения // Знамя. 2018. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2018/3/vygod-iz-zony-broka.html> (дата обращения: 11.05.2024).
27. Miller J.H. On literature. L.; N.Y., 2002.

References

1. Averintsev S.S. Poetika rannevizantiyskoy literatury [Poetics of early Byzantine literature]. Moscow, 1997.
2. Ananyev V.G. Chelovek kak predmet poznaniya [Man as an object of knowledge]. 3rd ed. St. Petersburg, 2001.
3. Antipova A.M. Introducing modern schoolchildren to Russian classics. *Psikhologiya i literatura v dialoge o cheloveke*. N.A. Borisenko, N.L. Karpova, S.F. Dmitrenko (eds.). Moscow, 2016. Pp. 66–70. (In Rus.)
4. Asmus V.F. Reading as work and creativity. *Voprosy literatury*. 1961. No. 2. Pp. 36–46. (In Rus.)
5. Bagautdinov A.M. Ambivalentnost dukhovnosti v informatsionnom obshchestve [Ambivalence of spirituality in the information society]. PhD Dis. Saratov, 2017.
6. Bakhtin M.M. Sochineniya: v 8 t. [Works: In 8 vols.]. Vol. 1. Moscow, 2003.
7. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979.

8. Vasilyuk F.E. Metodologicheskii analiz v psikhologii [Methodological analysis in psychology]. Moscow, 2003.
9. Venediktova T.D. Current metaphors of reading (attempt at description). *New Literary observer*. 2007. No. 5 (87). Pp. 468–478. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2007/5/aktualnaya-metaforika-chteniya.html?ysclid=m3yovhlmn9720607447> (In Rus.)
10. Zenkovsky V.V. Problemy vospitaniya v svete khristianskoy antropologii. Ch. 1. Obshchiye printsipy [Problems of education in the light of Christian anthropology. Part 1. General principles]. Paris, 1934. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Zenkovskij/problemy-vospitaniya-v-svete-hristianskoj-antropologii/
11. Zinin S.A. Commonwealth of Arts in the theory and practice of final certification in literature. *Literature at School*. 2022. No. 5. Pp. 70–81. (In Rus.)
12. Zinchenko V.P. Psychology on the swing between soul and body. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2005. No. 3. Pp. 151–169. (In Rus.)
13. Leonov V.A. Osnovy pravoslavnoy antropologii [Fundamentals of Orthodox anthropology]. Moscow, 2023.
14. Likhachev D.S. The first seven hundred years of Russian literature. *Izbornik: sbornik proizvedeniy literatury Drevney Rusi*. Moscow, 1969. Pp. 5–26. (In Rus.)
15. Mamardashvili M.K. Estetika myshleniya [Aesthetics of thinking]. Moscow, 2000.
16. Nepomnyashchy V.S. Uderzhivayushchiy teper: Pushkin v sudbe Rossii [Holding back now: Pushkin in the fate of Russia]. Moscow, 2024.
17. Pigalev A.I. Kulturologiya [Culturology]. Textbook. Volgograd, 2008.
18. Rosenstock-Hüssi O. Yazyk roda chelovecheskogo [The language of the human race]. Moscow; St. Petersburg, 2000.
19. Romanicheva E.S. Multimedia reading: From “spontaneous” practice to school analysis of a work of art. *Literature at School*. 2022. No. 4. Pp. 86–97. (In Rus.)
20. Romanicheva E.S., Prantsova G.V. Synoptic reading: from theory to practice. *Literature at School*. 2023. No. 1. Pp. 99–110. (In Rus.)
21. Stefanovskaya N.A. Existential-communicative foundations of reading. *Analitika kulturologii*. 2009. No. 2 (14). Pp. 105–110. (In Rus.)
22. Stefanovskaya N.A. Ekzistentsialno-kommunikativnyye osnovy chteniya: teoriya, metodologiya i metodika sotsiologicheskogo issledovaniya [Existential-communicative foundations of reading: Theory, methodology and methods of sociological research]. PhD Dis. Tambov, 2009.
23. Torubarova T.V. The concept of spirit in Hegel’s philosophy. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 2016. No. 3 (224). Vol. 35. Pp. 19–24. (In Rus.)
24. Ukhtomsky A.A. Dominanta [Dominant]. St. Petersburg, 2002.
25. Chertov V.F., Trubina L.A., Getmanskaya E.V. Continuity in the school study of literature: A comparative historical aspect. *Pedagogy and Psychology of Education*. 2023. No. 3. Pp. 24–37. (In Rus.)
26. Shcherbinina Yu.V. Exit from Broca’s area. New ways and current reading practices. *Znamya*. 2018. No. 3. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2018/3/vygod-iz-zonybroka.html> (In Rus.)
27. Miller J.H. On Literature. L.; N.Y., 2002.

Статья поступила в редакцию 15.10.2024, принята к публикации 15.11.2024
The article was received on 15.10.2024, accepted for publication 15.11.2024

Сведения об авторе / About the author

Панченко Дарья Владимировна – кандидат педагогических наук; доцент кафедры русского языка и социально-культурной адаптации Института общественного здоровья им. Н.П. Григоренко, Волгоградский государственный медицинский университет

Daria V. Panchenko – PhD in Education; assistant professor at the Department of the Russian Language and Socio-Cultural Integration, Institute of Public Health named after N.P. Grigorenko, Volgograd State Medical University

E-mail: daria-vspu@mail.ru

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-97-105

УДК 372.882

Ю.Ю. БондаревМосковский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Подкаст как медиаформат диалога с автором (на примере изучения творчества И.А. Бродского)

Аннотация. В статье дается литературоведческое и методическое обоснование использования подкаста как нового формата диалога с автором на уроках литературы (на примере изучения творчества И.А. Бродского в 11 классе). Подробно рассмотрены особенности обращения к подкасту в процессе знакомства с биографией и творчеством поэта, анализа и интерпретации его лирических стихотворений в контексте медиапространства, что сегодня актуально в связи с развитием в России предпрофессионального образования, растущей популярностью подкастинга среди молодежи и необходимостью гармоничного сочетания традиционных подходов и новейших технологий, современных медиаформатов. В работе акцентируется внимание на использовании подкаста в организации диалога с автором при изучении поэзии постмодернизма на уроках литературы, потому что постмодернизм, в основе которого лежит «игра с читателем», по своей природе особо расположен к диалоговому формату в силу сосуществования в едином полотне произведения нарратива автора и нарратива читателя, анализирующего и интерпретирующего это произведение. Аналогичная ситуация – сосуществование в едином поле двух нарративов – наблюдается и в медиапространстве, где автор и читатель могут вступать в диалог в равных условиях. В статье представлены четыре модели диалога с автором через подкаст (анализ и интерпретация литературного произведения с выражением учеником-читателем собственных умозаключений, реальное интервью с автором, постановочное интервью с автором, художественное интервью с автором) и проиллюстрирована одна из них – художественное интервью с автором – фрагментом сценария подкаста-диалога с поэтом-постмодернистом И.А. Бродским.

Ключевые слова: диалог автора с читателем на уроке литературы, обращение к подкасту при изучении поэзии, И.А. Бродский, поэзия постмодернизма на уроках литературы, сотворчество, медиапространство

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Бондарев Ю.Ю. Подкаст как медиаформат диалога с автором (на примере изучения творчества И.А. Бродского) // Литература в школе. 2024. № 6. С. 97–105. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-97-105

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-97-105

Yu.Yu. Bondarev

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Podcast as a media format of dialogue with the author (using the example of studying J.A. Brodsky's oeuvre)

Abstract. The article provides a literary and methodological justification for using a podcast as a new format for dialogue with the author in literature lessons (using the example of studying the works of I.A. Brodsky in the 11th grade). The article examines in detail the features of using a podcast in the process of getting acquainted with the poet's biography and works, analyzing and interpreting his lyric poems in the context of the media space, which is especially relevant in connection with the development of pre-professional education in modern Russia, the growing popularity of podcasting with young people and the need for a harmonious combination of traditional approaches and the latest technologies, modern media formats. The work focuses on the use of a podcast in organizing a dialogue with the author when studying postmodernist poetry in literature lessons, because postmodernism, which is based on "playing with the reader", is by its nature especially disposed to the dialogue format due to the coexistence in a single canvas of the author's narrative and the narrative of the reader analyzing and interpreting this work. A similar situation – coexistence of two narratives in a single field – is observed in the media space, where the author and reader can enter into a dialogue on equal terms. The article presents four models of dialogue with the author through a podcast (analysis and interpretation of a literary work with expressing their own conclusions by the student-reader, a real interview with the author, a staged interview with the author, a fictional interview with the author) and illustrates one of them – a fictional interview with the author – with a fragment of the script of a podcast-dialogue with the postmodernist poet I.A. Brodsky.

Key words: the author's dialogue with the reader in a Literature lesson, using the podcast when studying poetry, J.A. Brodsky, the post-modernism poetry in the Literature course, co-creation, media space

CITATION: Bondarev Yu.Yu. Podcast as a media format of dialogue with the author (using the example of studying J.A. Brodsky's oeuvre). *Literature at School*. 2024. No. 6. Pp. 97–105. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-97-105

Предваряя анализ современных возможностей и форматов диалога автора с читателем на уроках литературы, необходимо понять, что в литературоведении вкладывается в само понятие «диалог». М.М. Бахтин отмечал, что «стенограмма гуманитарного мышления – это всегда стенограмма диалога особого вида: сложное взаимоотношение текста (предмет изучения и обдумывания) и создаваемого обрамляющего контекста (вопрашающего, возражающего и т.п.), в котором реализуется познающая и оценивающая мысль ученого» [2, с. 285]. Углубляясь в проблематику герменевтики через бахтинские труды, В.Е. Хализев отмечает, что «диалогичность – это открытость сознания и поведения человека окружающей реальности, его готовность к общению “на равных”, дар живого отклика на позиции, суждения, мнения других людей, а также способность вызывать отклик на собственные высказывания и действия» [15, с. 144], в то время как, «вторгаясь в гуманитарную сферу, монологизм <...> приносит не самые лучшие плоды, ибо заглушает голос другого человека» [Там же, с. 145]. Ю.М. Лотман и Ю.Г. Цивьян под диалогом понимают «всякое высказывание (“высказывание” в широком значении: художник высказывается на холсте, высказывание поэта – стихотворение и т.д.), в котором учитывается существование другой, не похожей на авторскую точки зрения» [9, с. 108].

В основе диалога читателя с автором лежит принцип перецентрировки, возникающей в процессе продвижения мысли по тексту благодаря умственным умениям: «возникновению вопроса, вероятностного прогнозирования возможных ответов на него и дальнейшего содержания текста, появлению установки» [7, с. 55]. Такой диалог начинается осмыслением заголовка и заканчивается выделением главной мысли, оформленной словесно. В процессе диалога с текстом читатель выявляет причинно-следственные связи, устанавливает сходства и различия, выясняет правдоподобие и неправдоподобие [Там же, с. 57].

Само чтение рассматривается нами (вслед за Ю.П. Мелентьевой) как интеллектуальная технология освоения накопленного человечеством знания [10; 11]. Таким образом, в самом определении чтения закладывается обязательное осмысление текста (в связи с чем нами не принимается термин «осмысленное чтение», являющийся плеоназмом, так как даже при беглом чтении текст должен осмысляться, осваиваться читателем – в противном случае это знакомство с текстом можно обозначить как рассматривание, но не как чтение). Соответственно, одним из приемов, осознанно или бессознательно используемым читателем, всегда является диалог с автором, в процессе которого читатель, заимствуя опыт автора, проводит рефлексию, оценивает художественную ценность

произведения, прогнозирует те или иные сюжетные повороты, сравнивает прочитанное с собственным опытом (бытовым и читательским).

Интересной представляется работа по выстраиванию диалога с автором на уроках литературы в 11 классе при изучении поэзии постмодернизма, потому что, как верно замечает С.В. Моташкова, «в постмодернистском дискурсе вектор перспективы и апелляции одновременно обращен к различным, часто несовместимым категориям адресатов/читателей: к потребителям массовой литературы, к носителям энциклопедических знаний, к поклонникам национальной и/или мировой литературы, к специалистам по проблемам современных гуманитарных и естественных наук, к теоретикам литературы и наивным читателям» [13, с. 88]. Так как класс состоит из учащихся с разным жизненным опытом, разными интересами и индивидуальными образовательными траекториями, их мнение при анализе произведения и, соответственно, их «реплики» в диалоге с автором-постмодернистом имеют безусловную ценность, ведь в постмодернистской игре читатель стремится, как выразился У. Эко, «отыскивать в глубине себя самого сокровенный смысл, родившийся из таинственных смысловых созвучий» [18, с. 37], что соответствует заключительному этапу диалога с автором.

Урок литературы представляет собой диалоговое пространство, включающее диалог автора литературного произведения и ученика-читателя, диалог автора учебника и ученика-читателя, диалог учителя и ученика, диалог ученика и ученика [8, с. 51]. Однако если в литературе всегда была важна нацеленность авто-

ра на диалог с читателем, то сегодня ситуация обостряется: нарратив автора и нарратив читателя сосуществуют в контексте развития медиaproстранства [16, с. 12–13]. Тогда можно говорить и о новом виде диалога, возникающем по результатам проведения современного урока литературы: диалог ученика – читателя – автора («тройное» определение обусловлено расширенным функционалом данного субъекта диалога: ученик – читатель в информационную эпоху включен в производство медиаконтента, будь то личная страница в социальной сети, видеоблог, сайт или др., где он может делиться собственными впечатлениями от книг, создавать фанфики, иллюстрации (арты) к произведениям и т.д.) и общества. Такой диалог сегодня не является чем-то необычным: школьники делятся событиями из жизни со своими подписчиками с помощью самых разных Интернет-платформ.

Подкаст, на котором мы предлагаем акцентировать внимание, представляет собой аудиоформат, подразумевающий нарративное повествование. Это аналог радиопередачи, отличительными особенностями которого являются размещение его в сети Интернет и, соответственно, возможность отложенного прослушивания, то есть потребления контента без строгой привязки к определенному месту или времени [6, с. 107]. Американские исследования говорят об уверенном росте популярности подкастов: если в 2006 г. аудитория подкастов составляла лишь 12%¹, то к 2018 г. число слушателей подкастов

¹ Madden M. Podcast downloading. URL: <http://www.pewinternet.org/2006/11/22/podcast-downloading/> (дата обращения: 12.11.2023).

достигло отметки в 44%². В свою очередь российский сегмент подкастинга лишь начинает свое активное развитие. Так, по данным ВЦИОМ, в 2020 г. 19% россиян вовлечены в прослушивание подкастов, при этом 61% респондентов о подкастах не имеют никакого представления³. Однако отмечается постоянный рост популярности подкастов в России, а области, в которых специализируются педагоги-словесники, относятся к числу наиболее популярных по данным самой востребованной в стране подкаст-платформы «Яндекс.Музыка» (аналитика по количеству подкастов на ноябрь 2021 г.): «Общество и культура» (первое место), «Наука и образование» (второе место), «Искусство» (четвертое место), «Для всей семьи» (десятое место)⁴.

Диалог с автором посредством подкаста – это возможность для рассмотрения диалога с автором в более широком, нежели в привычном литературоведческом (через прогнозирование сюжетных поворотов, анализ произведения и поиск заложенных в нем смыслов) понимании: учащийся выступает как равный участник данного диалога, что является важным для подростка (так, например, в исследованиях подросткового чтения среди стимулов, побуждающих учеников обратиться к книге, отме-

чается важность обсуждения и творческого (сотворческого) осмысления прочитанного [12]).

Подкаст, целью которого является вступление учащегося в диалог с автором, может строиться по нескольким моделям.

- **Анализ и интерпретация литературного произведения с выражением учеником-читателем собственных умозаключений** (представляет собой классический вариант анализа и интерпретации литературного произведения, но не в письменной, а в устной форме). Реализуется с помощью основных видов и приемов анализа и интерпретации литературного произведения, используемых на уроках литературы.
- **Реальное интервью с автором.** Реализуется по классическим принципам интервью, если автор произведения жив, а ведущий подкаста имеет возможность задать ему вопросы. Ответы в таком случае могут быть даны очно (на аппаратуру интервьюера) или заочно (с помощью голосовых сообщений, записи на собственную аппаратуру автора или через письменный ответ с последующей его декламацией интервьюером).
- **Постановочное интервью с автором.** Если пригласить автора к диалогу не представляется возможным по объективным причинам, то, вероятно, существуют уже взятые у него интервью по вопросам его мироощущения, о тех или иных его произведениях. В данном случае целесообразно обращение к дневникам, мемуарам, опубликованным письмам – публицистическому наследию автора, где он может пояснять содержание своего произведения.

² The infinite dial 2018. URL: <https://www.edisonresearch.com/infinite-dial-2018/> (дата обращения: 12.11.2023).

³ Россияне полюбили слушать подкасты // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-polyubili-slushat-podkasty> (дата обращения: 14.11.2023).

⁴ Бевза Д. Подкасты слушают более 10 миллионов россиян // Российская газета. 20.10.2023. URL: <https://rg.ru/2023/10/20/podkasty-slushaiut-bole-10-millionov-rossiian.html> (дата обращения: 04.01.2024).

Интервьюеру остается лишь облачить найденную информацию в научно-популярную форму и придать динамику повествованию, необходимую для подкаста.

- **Художественное интервью с автором.** Так, создаваемая серия подкастов может представлять собой ряд вопросов, ориентированных на основные литературные темы – темы природы, любви, поэзии, дружбы, войны, Родины и т.д. Ответами на данные вопросы будут служить произведения, если речь идет о малых формах, или отрывки из произведений, если о крупных. Такой подход особенно уместен для диалогов с авторами лирических произведений и может быть полезен, например, при подготовке к ЕГЭ по литературе.

Отметим также, что при работе над художественным и постановочным интервью могут быть использованы фрагменты реальных аудио- или видеозаписей авторов, с которыми учащиеся включаются в диалог. Более того, указанные модели могут взаимно дополнять друг друга: художественное интервью – результатами анализа и интерпретации литературного произведения, а анализ и интерпретация – комментариями автора.

В качестве примера рассмотрим фрагменты (без приветствия, джинглов, заключения и т.п.) возможного сценария подкаста в формате художественного интервью с Иосифом Бродским:

Интервьюер: Иосиф Александрович, нам известно, что Вы являетесь большим специалистом в области мировой литературы и даже преподавали ее в ряде университетов. Безусловно, Вам известен высокий образец любви, данный нам А.С. Пуш-

киным в стихотворении «Я вас любил; любовь еще, быть может...», где лирический герой готов отказаться от объекта обожания ради ее счастья.

(Перебивка на чтение Бродским отрывка из стихотворения Пушкина «Я вас любил; любовь еще, быть может...»⁵).

Интервьюер: А каково отношение Вашего лирического героя к подобным ситуациям? Чего бы он пожелал своей возлюбленной, не отвечающей ему взаимностью?

Иосиф Бродский:

Я вас любил. Любовь еще (возможно, что просто боль) сверлит мои мозги. Все разлетелось к черту на куски. Я застрелиться пробовал, но сложно с оружием. И далее: виски – в который вдарить? Портила не дрожь, но задумчивость. Черт! Все не по-людски! Я вас любил так сильно, безнадежно, как дай вам Бог другими – но не даст! Он, будучи на многое горазд, не сотворит – по Пармениду – дважды сей жар в крови, ширококостный хруст, чтоб пломбы в пасти плавилься от жажды коснуться – «бюст» зачеркиваю – уст!

[5, т. 3, с. 65]

Интервьюер: Но ведь это, скорее, портрет героя нового времени – эдакого антагониста лирического героя пушкинских стихотворений. А если абстрагироваться от постмодернистской деконструкции классических текстов, от интертекстуальной игры, то что есть любовь в Вашем понимании и почему любовная лирика составляет такой большой пласт в поэзии вообще?

⁵ Бродский не поэт. Документальный фильм (реж. И. Белов, авт. А. Желнов, Н. Картозия, 2015, таймкод – 1:36 // Первый канал. URL: <https://www.1tv.ru/doc/pro-zhizn-zamechatelnyh-lyudey/k-yubileyu-iosifa-brodskogo-brodskiy-ne-poet> (дата обращения: 16.07.2024).

Иосиф Бродский: На протяжении жизни Время обращается к человеку на разных, так сказать, языках: на языке невинности, любви, веры, опыта, истории, усталости, цинизма, вины, распада и т.д. Из всех этих наречий язык любви, судя по всему, есть *lingua franca*⁶. Его словарь вмещает в себя все другие языки, а высказывания на нем осчастливливают любой предмет, сколь бы неодушевленным он ни был. К тому же отмеченный данного языка вниманием предмет приобретает священное, заповедное почти значение, подтверждая как характер отношения к объектам наших страстей, так и истинность библейского указания на предмет того, что есть Бог. Любовь, в сущности, есть отношение бесконечного к конечному. Обратное ему порождает либо веру, либо поэзию [5, т. 5, с. 36].

Интервьюер: А испытывали ли Вы чувства, подобные тем, что описаны Пушкиным? Готовность отпустить, любить, не нарушая спокойствия объекта обожания?

Иосиф Бродский:

Прощай,
позабудь
и не обессудь.
А письма сожги,
как мост.
Да будет мужественным
твой путь,
да будет он прям
и прост.
Да будет во мгле
для тебя гореть
звездная мишура,
да будет надежда
ладони греть
у твоего костра.
Да будут метели,

снега, дожди
и бешеный рев огня,
да будет удач у тебя впереди
больше, чем у меня.
Да будет могуч и прекрасен бой,
гремящий в твоей груди.
Я счастлив за тех,
которым с тобой,
может быть,
по пути.

[5, т. 1, с. 19]

Если мы говорим о создании подкаста как медиаформата диалога с автором, посвященного жизни и творчеству И.А. Бродского, то важно обращаться к собранию сочинений поэта [5], к таким известным трудам, как «Большая книга интервью», которая представляет собой собрание интервью, взятых у Бродского в разные годы [3], и широко известной Нобелевской лекции, в которой поэт раскрыл свое видение искусства в целом и поэзии в частности [4]. Педагогу-словеснику, выступающему в качестве руководителя такого медиапроекта, необходимо заранее дать учащимся-проектантам список рекомендованных материалов, в который важно включить не только текстовые источники, но и видео- и радиоинтервью, фильмы с участием поэта. Для реализации диалога с автором посредством подкаста погружение в биографию и творчество автора является начальным – и ключевым – этапом работы.

Занимаясь в таком формате, учащиеся не только углубят знания по литературе, так как изучат творчество автора, а также существующие интервью, дневники, эссе, мемуары и т.д., но и закрепят умения в области медиасферы, создавая собственный подкаст (запись, монтаж, публикация), работая над его продвижением.

⁶ Универсальный язык (лат.).

Более того, предлагаемый нами формат подкастинга отвечает требованиям гармонизации читательской деятельности подростков через создание общего поля для обязательного (мы ориентируемся на авторов, включенных в школьную программу по литературе) и свободного (учащийся свободен в подборе художественного материала для подкаста) чтения [1, с. 76]. А мультимедийное комментирование литературного произведения отличается на уровне формы, но не на уровне содержания: это подвижная модель вхождения в текст, его анализа и интерпретации [17, с. 76].

Однако предлагаемый нами элемент сотворчества и диалога с автором в широком смысле может стать

большим стимулом для углубленного изучения литературы в контексте медиапространства. Потому верным нам видится суждение Д.В. Панченко о том, что «звуковая сторона художественного языка – ключ к пониманию произведения, его необыкновенному раскрытию для читателя» [14, с. 76]. В таком случае подкаст, сохраняющий силу живого слова, можно считать одним из наиболее подходящих форматов для работы с литературным произведением в современной школе, позволяющим вступать в диалог с автором через непосредственно обмен репликами (читатель – автор, читатель – актер (играющий роль автора), читатель – ученый и др.), анализ литературного произведения, выразительное чтение.

Библиографический список

1. Антипова А.М., Калинина Э.С. Свободное чтение школьника как социопедагогический феномен // Литература в школе. 2021. № 2. С. 66–77.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. Бродский И.А. Большая книга интервью / под ред. В.П. Полухиной. М., 2000.
4. Бродский И.А. Лица необщим выраженьем. Нобелевская лекция. Augsburg, 2003.
5. Бродский И.А. Собрание сочинений: в 7 т. СПб., 2001–2003.
6. Воинова Е.А., Сивякова Е.В. Подкаст как новый формат публичной коммуникации в условиях цифровой медиасреды // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 12. С. 104–120.
7. Граник Г.Г., Бондаренко С.М., Концевая Л.А. Как учить работать с книгой. М., 2007.
8. Зинин С.А., Ерохина Е.Л. Формирование читательской грамотности в процессе речевой деятельности школьников // Научная школа В.В. Голубкова: чтение и методика обучения литературе в информационную эпоху: монография / В.Ф. Чертов, А.М. Антипова, С.А. Зинин и др.; под ред. В.Ф. Чертова. М., 2023. С. 49–75.
9. Лотман Ю.М., Цивьян Ю.Г. Диалог с экраном. Таллинн, 1994.
10. Мелентьева Ю.П. Общая теория чтения. М., 2015.
11. Мелентьева Ю.П. Чтение: явление, процесс, деятельность. М., 2010.
12. Меркин Г.С. Проблема сотворчества на уроках и во внеклассной работе по литературе. Смоленск, 1995.
13. Моташкова С.В. Диалог автора и читателя в постмодернистском лингвоэстетическом дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 85–89.
14. Педагогика чтения в цифровую эпоху: монография / В.Ф. Чертов, А.М. Антипова, Е.С. Романичева и др.; под ред. В.Ф. Чертова и А.М. Антиповой. М., 2024.
15. Хализев В.Е. Теория литературы: учебник. М., 2002.
16. Чертов В.Ф. Чтение и литературное образование в цифровую эпоху: приглашение к дискуссии и поиску // Литература в школе. 2021. № 1. С. 9–21.
17. Чертов В.Ф., Манькина А.А., Соколова А.А. Об углубленном изучении литературы в контексте современного медиапространства // Наука и школа. 2021. № 3. С. 70–80.
18. Эко У. Открытое произведение: форма и неопределенность в современной поэтике. СПб., 2004.

References

1. Antipova A.M., Kalinina E.S. Free reading of a schoolchild as a socio-pedagogical phenomenon. *Literature at School*. 2021. No. 2. Pp. 66–77. (In Rus.)
2. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979.
3. Brodsky I.A. *Bolshaya kniga intervyyu* [The big book of interviews]. V.P. Poluhina (ed.). Moscow, 2000.
4. Brodsky I.A. *Lica neobshchim vyrazhenem. Nobelevskaya lekcija* [Faces with an uncommon expression. Nobel lecture]. Augsburg, 2003.
5. Brodsky I.A. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Works in 7 vols.]. St. Petersburg, 2001–2003.
6. Voinova E.A., Sivyakova E.V. Podcast as a new format of public communication in the digital media environment. *Socialno-gumanitarnye znaniya*. 2018. No. 12. Pp. 104–120. (In Rus.)
7. Granik G.G., Bondarenko S.M., Koncevaya L.A. *Kak uchit rabotat s knigoy* [How to teach to work with a book]. Moscow, 2007.
8. Zinin S.A., Erokhina E.L. Formation of reading literacy in the process of speech activity of schoolchildren. *Chertov V.F., Antipova A.M., Zinin S.A. et al. Nauchnaya shkola V.V. Golubkova: chtenie i metodika obucheniya literature v informacionnuyu epohu*. V.F. Chertov (ed.). Moscow, 2023. Pp. 49–75. (In Rus.)
9. Lotman Yu.M., Civyan Yu.G. *Dialog s ekranom* [Dialogue with the screen]. Tallinn, 1994.
10. Melenteva Yu.P. *Obshchaya teoriya chteniya* [Common theory of reading]. Moscow, 2015.
11. Melenteva Yu.P. *Chtenie: yavlenie, process, deyatelnost* [Reading: Phenomenon, process, activity]. Moscow, 2010.
12. Merkin G.S. *Problema sotvorchestva na urokah i vo vneklassnoj rabote po literature* [The problem of co-creation in lessons and extracurricular work on literature]. Smolensk, 1995.
13. Motashkova S.V. Dialogue between the author and the reader in postmodernist linguo-aesthetic discourse. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2013. No. 2. Pp. 85–89. (In Rus.)
14. *Pedagogika chteniya v cifrovuyu epohu* [Reading pedagogy in the digital age]. Monograph. V.F. Chertov, A.M. Antipova (eds.). Moscow, 2024.
15. Khalizev V.E. *Teoriya literatury* [Literary theory]. Textbook. Moscow, 2002.
16. Chertov V.F. Reading and literary education in the digital age: an invitation to discussion and research. *Literature at School*. 2021. No. 1. Pp. 9–21. (In Rus.)
17. Chertov V.F., Manykina A.A., Sokolova A.A. On the in-depth study of literature in the context of the modern media space. *Nauka i shkola*. 2021. No. 3. Pp. 70–80. (In Rus.)
18. Eko U. *Otkrytoe proizvedenie: forma i neopredelennost v sovremennoj poetike* [Open work: Form and indeterminacy in contemporary poetics]. St. Petersburg, 2004.

Статья поступила в редакцию 14.10.2024, принята к публикации 15.11.2024

The article was received on 14.10.2024, accepted for publication 15.11.2024

Сведения об авторе / About the author

Бондарев Юрий Юрьевич – аспирант кафедры методики преподавания литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет; учитель русского языка и литературы, средняя школа № 1409, г. Москва

Yury Yu. Bondarev – PhD postgraduate student at the Department of Methods of Teaching Literature, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University; teacher of the Russian language and literature at Moscow School No. 1409

E-mail: uu@bndrv.ru

К 110-летию со дня основания
журнала «Родной язык в школе»

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-106-114

УДК 82-92

Ю.В. Лазарев

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
390000 г. Рязань, Российская ФедерацияОбраз учителя
на страницах журнала
«Родной язык в школе»
(1914–1917 гг.)

Аннотация. Статья посвящена анализу педагогического журнала «Родной язык в школе» (1914–1917), сформировавшему свой круг читателей-единомышленников, активных, не равнодушных к проблемам преподавания словесности, стремящихся избавиться от формализма и схоластики в преподавании. Цель исследования – на основе изучения материалов периодического методического журнала для учителей-словесников выявить индивидуальные и коллективные представления о реальном и идеальном образе русского учителя начала XX в. В работе применяются следующие методы исследования: общенаучные методы (описания, понимания, объяснения, обобщения, систематизации, актуализации общенаучной литературы и первоисточников), специально-исторические методы с привлечением малодоступных источников (публикации в периодической педагогической печати начала XX в.) и опубликованной литературы. Методологической основой являются научные принципы историзма и объективности. В отличие от большинства других педагогических изданий, рассчитанных в том числе и на непрофессиональную аудиторию (людей, интересующихся вопросами образования и воспитания, родителей), способствовавших у этой аудитории формированию образа учителя, «Родной язык в школе» решал эту проблему внутри профессионального сообщества. Рассматривая уровень и качество образования учителей-словесников, их служебные обязанности, корпоративные взаимоотношения с начальством, коллегами, учениками, материальный достаток, семейное положение, досуг, физическое и эмоциональное здоровье, журнал не только фиксировал, но и одновременно формировал у профессионального читателя представления об идеальном образе учителя, который вырисовывался в том числе на основе противопоставления с реальностью.

© Лазарев Ю.В., 2024

Ключевые слова: образ учителя-словесника, журнал «Родной язык в школе», педагогическая периодика, педагогическая публицистика, история школьного литературного образования

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Лазарев Ю.В. Образ учителя на страницах журнала «Родной язык в школе» (1914–1917 гг.) // Литература в школе. 2024. № 6. С. 106–114.
DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-106-114

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-106-114

Yu.V. Lazarev

Ryazan State University named for S. Yesenin,
Ryazan, 390000, Russian Federation

The image of a teacher on the pages of the journal “Native Language in School” (1914–1917)

Abstract. The article analyzes the pedagogical journal “Native Language in School” (1914–1917), which formed its own circle of like-minded readers, active, not indifferent to the problems of teaching literature, striving to get rid of formalism and scholasticism in teaching. The purpose of the study is to identify individual and collective ideas about the real and ideal image of a Russian teacher of the early 20th century being based on the study of the materials of the periodical methodological journal for literature teachers. The work employs the following research methods: general scientific methods (descriptions, understanding, explanations, generalizations, systematization, updating of general scientific literature and primary sources), special historical methods with the involvement of hard-to-reach sources (publications in the periodical pedagogical press of the early 20th century) and published literature. The methodological basis is the scientific principles of historicism and objectivity. Unlike most other pedagogical publications, intended also for a non-professional audience (people interested in education and upbringing, parents), which contributed to the formation of the image of a teacher in this audience, “Native Language in School” solved this problem within the professional community. Considering the level and quality of education of literature teachers, their job responsibilities, corporate relationships with superiors, fellows, students, material wealth, family status, leisure, physical and emotional health, the journal not only recorded, but also simultaneously formed ideas about the ideal image of a teacher in the professional reader, and this image was drawn, among other things, on the basis of contrast with reality.

Key words: image of a literature teacher, journal “Native Language in School”, pedagogical periodicals, pedagogical journalism, history of school literary education

CITATION: Lazarev Yu.V. The image of a teacher on the pages of the journal “Native Language in School” (1914–1917). *Literature at School*. 2024. No. 6. Pp. 106–114. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-106-114

Актуальность заявленной проблемы исследования обусловлена проводимой сегодня государством модернизацией системы образования, успешный ход которой невозможен без ключевой фигуры – учителя. Заложенные в начале XX в. идеи остаются актуальными для формирования нового образа российского педагога. В данном контексте рассматриваются индивидуальные и коллективные представления о реалиях жизни учителя и его чертах, транслируемые и формируемые и на страницах журнала «Родной язык в школе».

В истории отечественной педагогики мы выделяем период начала XX в., когда в России на фоне общей эволюции экономики, культуры развивается и система народного образования. Возросшая потребность в образованных людях привела к открытию новых учебных заведений разных уровней, усилению внимания общества к учителю как основному элементу образовательного процесса. Локомотивом в распространении идей просвещения выступала специализированная педагогическая периодика. В ряду педагогических изданий начала XX в. особое место, как отмечают современные исследователи, занимает журнал «Родной язык в школе» [8; 20–22].

«Родной язык в школе» – первое в истории российской педагогической журналистики периодическое издание для учителей-словесни-

ков – появился в 1914 г. Создателем и редактором его выступил А.М. Лебедев – учитель-практик, словесник Ярославской гимназии, хорошо знавший проблемы целевой аудитории – провинциальных преподавателей-словесников. В первой редакционной статье «В поисках лучшего будущего» как своеобразный ответ на возможные вопросы о необходимости в годы Мировой войны нового педагогического журнала, посвященного частным вопросам преподавания родного языка и словесности, редакция так обозначает позицию: «Многотысячные рати защитников Родины на поле брани скоро сменит другая армия русского учительства. Она тесно сомкнет свои ряды в дружной работе воспитания молодого поколения» [2, с. 1].

Читательская аудитория издания состояла из учителей-словесников, преподававших в начальных и средних государственных и частных учебных заведениях. Редакция журнала стремилась привлечь к сотрудничеству учителей, способных к самобытной творческой деятельности, и в короткий срок объединила талантливых педагогов своего времени, создала сильный авторский коллектив. В число авторов входили как ученые, совмещавшие научную и преподавательскую деятельность в различных средних учебных заведениях (А.М. Евлахов, Н.К. Пиксанов), так и учителя-словесники из разных уголков Российской

империи: С.Н. Браиловский (Одесса), В.А. Водарский (Шуя), В.М. Гуссов (Воронеж), В.В. Данилов (Петербург), И.П. Плотников (Курск), А.П. Флеров (Чернигов), В.А. Флеров (Москва) и др.

Специальный журнал, ставящий целью объединить работу преподавателей-словесников, достаточно быстро завоевал их внимание. «Отрадно констатировать, – пишет рецензент в авторитетном педагогическом журнале “Вестник воспитания”, – многие из этих преподавателей готовы принять этот орган своим, делясь в нем своим, нередко поучительным опытом и подстрекая тем самым педагогическую мысль своих коллег» [18, с. 13].

Журнал для учителя и об учителе не мог обойти вниманием те проблемы, с которыми сталкивался преподаватель-словесник. Различные стороны профессиональной и бытовой жизни учителей-словесников косвенно освещаются в публикациях разных жанров: в редакторских заметках и методических публикациях, хроникальных сообщениях и автобиографических статьях (редакция выделяла особый отдел «Биографии современных методистов и ученых»).

Появлялись в журнале и публикации, непосредственно посвященные нелегкому учительскому труду. Так, редактор журнала А.М. Лебедев, выступивший под псевдонимом Е. Кравецкий, размышляя о том, что отталкивает молодых людей от педагогического поприща, рисует безрадостный портрет учителя – человека с измотанными нервами, потерявшего здоровье, озлобленного, душевно окаменелого и духовно увядшего. Причина этого в тяжелой жизни учителя, вынужденного для относительно сносного материального благополу-

чия все время посвящать школьному делу: брать до 30 недельных часов, исполнять обязанности классного наставника, терпеть при этом беззастенчивый произвол администрации. Особый крест учителя словесности – ведение письменных работ (в результате подробных расчетов делается вывод, что средний преподаватель должен тратить на проверку ежедневно, включая воскресные дни, почти 3,5 часа).

Статья (как и все публикации в журнале) адресована целевой аудитории – учителям, на своих плечах несущим непосильное бремя преподавательского труда. Потому, полагая, говоря о сложности даже трагизме жизни учителя, автор преследует и другую задачу – поддержать, укрепить начинающего учителя, перед которым стоит священная цель: «...выработать убеждения, пронести их через горнило испытаний, научиться жить самому и других научить этому искусству и словом и делом. Да, надо еще суметь нести свой крест безропотно, никому не поверять своих душевных недугов, а наедине с собой оплакивать свои ошибки и робко мечтать о лучшей доле» [6, с. 27].

На второй год издания редакция анонсировала новый раздел, посвященный учительским биографиям: «Как я сделался учителем русского языка и как я начал учительствовать», с пояснением: «Наши опыты и достижения, вся летопись нашей повседневной работы, с ее буднями и праздниками, дает богатый материал для размышлений, сопоставлений и выводов» [14, с. 2].

Полагаем, что раздел ориентирован в первую очередь на молодого учителя словесности и имеет цель

подготовить его к тому, что ожидает на нелегком педагогическом поприще, помочь в совершенствовании, предостеречь от ошибок и направить. Неслучайно, уже в первой статье, опубликованной в рамках раздела, автор, скрывшийся под инициалами С.Г., прежде чем поделиться своей педагогической биографией, дает наставление начинающим педагогам, рассказывая о важности и сложности преподавания родного языка: «Нужно не только помочь ученикам осознать практически усвоенный язык, но еще и дать им почувствовать, что язык, на котором мы говорим и который часто варварски препарируем на уроках, действительно есть родной, вводящий нас в дух нашего национального бытия, дающий нам возможность пользоваться сокровищами нашей культуры, плодами художественного, научного, религиозного и всякого другого творчества» [17, с. 89].

Автор формулирует и специфические требования, которые предъявляются к учителю словесности: большая литературная эрудиция, горячая любовь к поэтическому творчеству не как к предмету преподавания, а как к объекту эстетического наслаждения. И отсюда – задачи, стоящие перед учителем: убеждать учеников, что чтение – это не приятное препровождение времени, а серьезная работа ума, воли и чувства; учить серьезной работе над произведением и дать критерии для выбора материала для такого чтения.

В ряде статей рубрики [13; 15] выделим объемную (на три номера) публикацию постоянного автора журнала С.Н. Браиловского о двадцати годах его учительской биографии [1]. Одна из основных проблем современной средней школы, по мнению Бра-

иловского, – низкий профессиональный уровень учителя, причиной чего являются недостаток образования и неопределенность педагогических убеждений. Неслучайно так подробно автор рассказывает о годах его учебы в Учительском институте. И все же, несмотря на все профессиональные и бытовые трудности, с которыми герой сталкивался на разных местах своей службы, биография позволяет читателю выявить лучшие качества учителя, следящего за новыми научными течениями, ориентирующегося в современных педагогических исканиях, знакомого с передовым педагогическим опытом.

Рассматривая уровень и качество образования учителей-словесников, их служебные обязанности, корпоративные взаимоотношения с начальством, коллегами, учениками, материальный достаток, семейное положение, досуг, физическое и эмоциональное здоровье, журнал не только фиксировал, но и одновременно формировал у профессионального читателя представления об идеальном образе учителя, который вырисовывался в том числе на основе противопоставления с реальностью.

Анализ номеров позволил нам выявить ряд жанров, в которых в той или иной степени авторы моделировали образ учителя: руководящие статьи о постановке и методах преподавания родного языка, обзоры научно-популярных исследований, методические публикации и др. Так, рубрика «Литературная хроника» на основе книг, рекомендовавшихся учителю, позволяла воспроизвести образ учителя с широким кругозором, интересующегося всем новым в области дидактики и методики преподавания.

Важным элементом, характеризующим образ учителя, формируемый журналом, является стремление к профессионально-личностному росту с традиционным акцентом на предметный аспект. Поэтому появление уже в первый год издания журнала таких публикаций, как «Метод “творческой наглядности” при обучении родному языку» [11], «Субъективные методы при изучении литературных произведений» [19], «О концентрическом преподавании литературы» [4], «Обзор различных способов изучения» [12] и др., свидетельствует о стремлении учителей к научному осмыслению преподаваемых ими дисциплин, то есть к освоению методологии.

Задача учителя не только давать знания, но и формировать нравственные понятия учеников. Многие методические публикации рубрики «Из практики преподавателя родного языка», посвященные конкретным темам, показывают, что авторы-учителя заботятся не только о том, чтобы дать знания по предмету, но и воспитать у учащихся такие чувства, как любовь к Родине, природе и народу, уважение к человеческой личности, правдивость и честность, гуманизм, совестливость и сострадание [3; 9; 10].

Первый Всероссийский съезд учителей русского языка в Москве, состоявшийся в конце 1916 – начале 1917 г., дал возможность обсудить многие животрепещущие вопросы профессиональной деятельности и повседневной жизни учителя-словесника. В многочисленных статьях о подготовке к съезду, его работе и итогах авторы журнала вновь и вновь поднимают проблемы тяжелого морального и материального положения учителя, несвободного в педагогическом твор-

честве, опутанного всякого рода циркулярами, указаниями и государственными соображениями. И тем яснее проявляется образ учителя будущего – свободного педагога, любящего свое дело, близкого с учащимися, не обремененного выше нормы уроками и тетрадями, постоянно самосовершенствующегося, с прекрасной библиотекой и оборудованным кабинетом, имеющего возможность в каникулы отправляться в заграничные поездки [5].

Анализ публикаций в журнале, вышедших после событий февраля 1917 г., показывает, что редакция и, видимо, читатели с воодушевлением встретили эти события. Так, передовая статья объединенного выпуска за март-май 1917 г. начинается следующими словами: «В знаменательные исторические дни редакция “Родного языка” поздравляет своих читателей и сотрудников с великим праздником освобождения народного, которое дает стране возможность вздохнуть полной грудью и проявить свою творческую энергию в строительстве новой жизни» [16, с. 357]. В эпоху нового политического строя у учителя появляется новая задача – закрепить в сознании подрастающего поколения основы равенства и свободы. Прежнего учителя-чиновника сменит педагог-человек, свободный как личность, экономически обеспеченный, активно участвующий в реформе школы. Особые перспективы открываются перед учителем словесности, который донесет до юного поколения слова правды и свободы, хранящиеся в художественной литературе.

Журнал «Родной язык в школе» через несколько лет после создания вышел за рамки реферативного издания,

так как стремился содействовать движению вперед методической мысли и практики, ставил и решал насущные, требующие безотлагательного обсуждения вопросы, наполнял их содержательно и актуализировал для своей целевой аудитории – учителей русского языка и литературы.

На страницах издания одновременно транслируются и формируются индивидуальные и коллективные представления о реальном и идеальном образе российского учителя начала XX в. Анализ журнальных публикаций рассматриваемого периода позволил определить перечень проблем, наиболее часто поднимаемых и касающихся деятельности учителя-словесника. Сложности жизни учителя-словесника не затушевывались, о проблемах, связанных с учительской профессией, говорилось открыто, а источником этих проблем виделась вся система государственного и частного образования России. При этом, в отличие от художественной литературы того времени и публицистики, в периодическом издании не транслировались негативные черты образа учителя.

Критикуя современного учителя за формализм, бездушие, пассивность и безыдейность, журнал, свободный от административного диктата ведомственных педагогических изданий, объединивший прогрессивных, творчески мыслящих и работающих учителей словесности, одновременно создавал на своих страницах образ прогрессивного учителя: патриота, просветителя, новатора, преданного профессии, открытого к передовым идеям и методикам. Неслучайно, возможно, что после событий октября 1917 г., когда практически все и ведомственные и частные педагогические журналы прекратили существование, «Родной язык в школе» во главе с главным редактором А.М. Лебедевым в несколько измененном виде сохранился.

Предметом дальнейшего изучения может стать анализ трансформации образа учителя-словесника в методических изданиях советского периода 1920-х и 1930-х гг. (журналах «Родной язык в школе», «Родной язык и литература в трудовой школе», «Русский язык в советской школе», «Русский язык в школе», «Литература в школе»).

Библиографический список

1. Браиловский С.Н. Мои педагогические и учительские искания // Родной язык в школе. 1916–1917. № 6. С. 245–254; № 7. С. 313–321; № 8–10. С. 416–424.
2. В поисках лучшего будущего // Родной язык в школе. 1914–1915. № 1. С. 1–4.
3. Володарский Вяч. Литературные суды над Чичиковым и Рудиным // Родной язык в школе. 1914–1915. № 9–10. С. 500–502.
4. Золотарев С.А. О концентрическом преподавании литературы // Родной язык в школе. 1914–1915. № 9–10. С. 504–507.
5. И-ов. О декларации прав учителя-словесника в средней школе // Родной язык в школе. 1917. № 2–3. С. 92–93.
6. Кравецкий Е. Как приходится работать преподавателю словесности в классе и дома // Родной язык в школе. 1915. № 1. С. 27–35.
7. Красильников Г.В. Журнал «Родной язык в школе» и его редактор А.М. Лебедев // Литература в школе. 2017. № 3. С. 31–32.
8. Лазарев Ю.В. Методика преподавания словесности в педагогической периодике начала XX в. (журнал «Родной язык в школе») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 9 (53). С. 143–147.

9. Ларионов С.С. Из практики литературных бесед // Родной язык в школе. 1915–1916. № 4–5. С. 203–207. № 6. С. 271–274.
10. Ларионов С.С. Чем надо руководиться при выборе басен для чтения с детьми // Родной язык в школе. 1914–1915. № 9–10. С. 520–522.
11. Метод «творческой наглядности» при обучении родному языку // Родной язык в школе. 1914–1915. № 2. С. 100–105.
12. Миртов А.В. Обзор различных способов изучения // Родной язык в школе. 1914–1915. № 4–5. С. 226–230.
13. N. Мои первые шаги по окончании гимназии // Родной язык в школе. 1915. № 8. С. 375–379.
14. На рубеже нового года // Родной язык в школе. 1914–1915. № 9–10. С. 1–3.
15. Н-чь. Моя работа в школе в оценке учеников // Родной язык в школе. 1915. № 4–5. С. 193–200.
16. Перед новой жизнью // Родной язык в школе. 1917. Март-май. С. 357–358.
17. С.Г. Как я сделался учителем русского языка // Родной язык в школе. 1915. № 2 (7). С. 88–101; № 3. С. 133–150.
18. Соловьев И. Родной язык в школе // Вестник воспитания. 1916. № 7. С. 12–17.
19. Субъективные методы при изучении литературных произведений // Родной язык в школе. 1914–1915. № 3. С. 158–163.
20. Чертов В.Ф. Представление опыта учителей-словесников в научно-методическом журнале // Лебедевские чтения: материалы Всероссийской научно-методической конференции. Ярославль, 2022. С. 219–225.
21. Чертов В.Ф., Журавлёв В.П. Журнал «Литература в школе»: история, традиции, перспективы // Литература в школе. 2020. № 1. С. 9–22.
22. Юрьева Т.В., Тихонова Е.А. Ярославский журнал «Родной язык в школе» как провинциальное педагогическое издание начала XX в. // Текст. Образование. Коммуникация: функциональная грамотность как основа развития российского образования. Ярославль, 2023. С. 205–209.

References

1. Brailovsky S.N. My pedagogical and teaching searches. *Rodnoj yazyk v shkole*. 1916–1917. No. 6. Pp. 245–254; No. 7. Pp. 313–321; No. 8–10, 416–424. (In Rus.)
2. Searching for a better future. *Rodnoj yazyk v shkole*. 1914–1915. No. 1. Pp. 1–4. (In Rus.)
3. Volodarskij Vyach. Literary trials on Chichikov and Rudin. *Rodnoj yazyk v shkole*. 1914–1915. No. 9–10. Pp. 500–502. (In Rus.)
4. Zolotarev S. On the concentric teaching of literature. *Rodnoj yazyk v shkole*. 1914–1915. No. 9–10. Pp. 504–507. (In Rus.)
5. I-ov. On the declaration of rights of a literature teacher in secondary school. *Rodnoj yazyk v shkole*. 1917. No. 2–3. Pp. 92–93. (In Rus.)
6. Kravetsky E. How a literature teacher has to work in the classroom and at home. *Rodnoj yazyk v shkole*. 1915. No. 1. Pp. 27–35. (In Rus.)
7. Krasilnikov G.V. Magazine “Rodnoi yazyk v shkole” and its editor A.M. Lebedev. *Literature at School*. 2017. No. 3. Pp. 31–32. (In Rus.)
8. Lazarev Yu.V. Methods of teaching literature in pedagogical periodicals of the early 20th century (magazine “Rodnoi yazyk v shkole”). *Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2010. No. 9 (53). Pp. 143–147. (In Rus.)
9. Larionov S.S. From the practice of literary conversations. *Rodnoj yazyk v shkole*. 1915–1916. No. 4–5. Pp. 203–207. No. 6. Pp. 271–274. (In Rus.)
10. Larionov S.S. What to consider when choosing fables to read to children. *Rodnoj yazyk v shkole*. 1914–1915. No. 9–10. Pp. 520–522. (In Rus.)
11. The method of “creative visualization” in teaching native language. *Rodnoj yazyk v shkole*. 1914–1915. No. 2. Pp. 100–105. (In Rus.)
12. Mirtov A.V. An overview of different ways to study. *Rodnoj yazyk v shkole*. 1914–1915. No. 4–5. Pp. 226–230. (In Rus.)

13. N. My first steps after finishing gymnasium. *Rodnoj yazyk v shkole*. 1915. No. 8. Pp. 375–379. (In Rus.)
14. At the turn of the new year. *Rodnoj yazyk v shkole*. 1914–1915. No. 9–10. Pp. 1–3. (In Rus.)
15. N-ch. My work at school in assessing students. *Rodnoj yazyk v shkole*. 1915. No. 4–5. Pp. 193–200. (In Rus.)
16. Before the new life. *Rodnoj yazyk v shkole*. 1917. March-May. Pp. 357–358. (In Rus.)
17. S.G. How I became a teacher of Russian language. *Rodnoj yazyk v shkole*. 1915. No. 2 (7). Pp. 88–101; No. 3. Pp. 133–150. (In Rus.)
18. Solovyev I. Native language at school. *Vestnik vospitaniya*. 1916. No. 7. Pp. 12–17. (In Rus.)
19. Subjective methods in the study of literary works. *Rodnoj yazyk v shkole*. 1914–1915. No. 3. Pp. 158–163. (In Rus.)
20. Chertov V.F. Presentation of the experience of literature teachers in a scientific and methodological journal. *Lebedevskie chteniya. Materialy Vserossiiskoi nauchno-metodicheskoy konferentsii*. Yaroslavl, 2022. Pp. 219–225. (In Rus.)
21. Chertov V.F., Zhuravlev V.P. Magazine “Literature at School”: History, tradition, prospects. *Literature at School*. 2020. No. 1. Pp. 9–22. (In Rus.)
22. Yureva T.V., Tikhonova E.A. Yaroslavl magazine “Rodnoj yazyk v shkole” as a provincial pedagogical publication of the early XX century. *Tekst. Obrazovanie. Kommunikatsiya: funktsionalnaya gramotnost kak osnova razvitiya rossiiskogo obrazovaniya*. Yaroslavl, 2023. Pp. 205–209. (In Rus.)

Статья поступила в редакцию 15.10.2024, принята к публикации 11.11.2024
The article was received on 15.10.2024, accepted for publication 11.11.2024

Сведения об авторе / About the author

Лазарев Юрий Васильевич – доктор педагогических наук; профессор кафедры литературы и журналистики факультета русской филологии и национальной культуры, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Yuri V. Lazarev – ScD in Education; Professor at the Department of Literature and Journalism of the Faculty of Russian Philology and National Culture, Ryazan State University named for S. Yesenin

E-mail: jurnalist.rgu@gmail.com

О Международном съезде учителей и преподавателей русской словесности, посвященном 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-115-122

УДК 378

И.А. Подругина, Е.И. Белоусова

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Ценностные ориентиры и продуктивные технологии современного филологического образования: диалог профессионалов

Аннотация. Статья содержит обзор состоявшегося в ноябре 2024 г. крупного научного и общественно-педагогического события, Международного съезда учителей и преподавателей русской словесности, приуроченного к 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина и проведенного в смешанном формате на базе Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. В статье представлена информация о программе съезда, актуальных проблемах школьного литературного и филологического образования, связанных с пушкинским наследием, обсуждаемых в ходе реализации комплекса мероприятий форума: пленарного заседания, секций, круглых столов, научно-практических конференций, литературной гостиной, дискуссионных площадок. Авторы выделяют концептуальные вопросы филологического образования, волнующие сегодняшних педагогов (место российской словесности в современном мире, возможности цифровых технологий и искусственного интеллекта в преподавании русского языка и литературы, непрерывное педагогическое образование и профессиональный рост учителя словесности, подготовка научных и педагогических кадров в сфере русского языка и литературы и др.), и, оценивая вызовы современной ситуации, обозначают возможные пути их решения, отмеченные в выступлениях на Международном съезде учителей и преподавателей русского языка и литературы, которые подтверждают необходимость обращения к художественному наследию великого русского поэта А.С. Пушкина в отечественной педагогической

традиции с целью сохранения национальной идентичности. В заключение сделан вывод о масштабности события, которую обеспечили обширная программа, позволившая обсудить как актуальные проблемы филологии и филологического образования, так и вопросы общей педагогики, дидактики, психологии, библиотековедения, музееведения и др.; участие образовательных, научных и культурно-просветительских организаций из разных регионов страны, ближнего и дальнего зарубежья; обмен опытом, живые диалоги, встречи писателей и читателей, учителей и наставников, руководителей научных школ и молодых исследователей.

Ключевые слова: современное филологическое образование, русская литература, творчество А.С. Пушкина в школе и вузе, новые подходы в обучении русскому языку и литературе, непрерывное педагогическое образование

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Подругина И.А., Белоусова Е.И. Ценностные ориентиры и продуктивные технологии современного филологического образования: диалог профессионалов // Литература в школе. 2024. № 6. С. 115–122. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-115-122

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-115-122

I.A. Podrugina, E.I. Belousova

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Value guidelines and productive technologies of modern philological education: Dialogue of professionals

Abstract. The article contains an overview of a major scientific and social-pedagogical event that took place in November 2024, the International Congress of Teachers and Lecturers of Russian Language and Literature, dedicated to the 225th anniversary of the birth of A.S. Pushkin and held in a mixed format at the Lomonosov Moscow State University. The article presents information about the congress program, current issues of school literary and philological education related to Pushkin's legacy, discussed during the implementation of a set of forum events: plenary sessions, work of sections, round tables, scientific and practical conferences, literary salon, discussion platforms. The authors highlight conceptual issues of the philological education that are of the today's teachers' concern (the place of the Russian literature in the modern world, the possibilities of digital technologies

and artificial intelligence in teaching the Russian language and literature, continuous pedagogical education and professional growth of a literature teacher, training of scientific and pedagogical personnel in the field of the Russian language and literature, etc.) and, assessing the challenges of the current situation, outline possible ways to solve them, noted in the speeches at the International Congress of Teachers and Lecturers of Russian Language and Literature, confirm the need to turn to the artistic heritage of the great Russian poet A.S. Pushkin in the domestic pedagogical tradition to preserve the national identity. In conclusion, the authors conclude about the scale of the event, which was ensured by an extensive program that allowed to discuss both current problems of philology and philological education, and issues of general pedagogy, didactics, psychology, library science, museology, etc.; participation of educational, scientific and cultural-educational organizations from different regions of the country, near and far abroad; exchange of experience, lively dialogues, meetings of writers and readers, teachers and mentors, heads of scientific schools and young researchers.

Key words: modern philological education, Russian literature, the works of A.S. Pushkin in school and university, new approaches to teaching the Russian language and literature, continuous pedagogical education

CITATION: Podrugina I.A., Belousova E.I. Value guidelines and productive technologies of modern philological education: Dialogue of professionals. *Literature at School*. 2024. No. 6. Pp. 115–122. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-115-122

Ноябрь 2024 г. был отмечен важнейшим для педагогической общественности событием: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова при поддержке Общества русской словесности, Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) и Российской академии образования вновь собрал в своих стенах учителей и преподавателей русской словесности для обсуждения актуальных проблем преподавания языка и литературы, обмена опытом между учителями, распространения новых идей, методов и технологий в условиях формирования единого образовательного пространства.

В мероприятиях съезда приняло участие около 1,5 тысяч ученых и педагогов, представляющих практи-

чески все регионы Российской Федерации и 27 зарубежных стран, среди которых школьные учителя-словесники, вузовские преподаватели, психологи, педагоги дополнительного образования, методисты, сотрудники музеев, библиотек и издательств, деятели культуры, представители органов управления образованием и общественных организаций, аспиранты и студенты.

На страницах журнала «Литература в школе» обсуждение встреч профессионального сообщества учителей и преподавателей русской словесности ведется с 2020 г. Итоги работы предыдущих съездов подробно освещались и были обобщены в статьях С.А. Зинина «Самоопределение в пространстве современности. О судьбах литературного образования»

(2020) [3]; С.А. Зина, А.М. Антиповой, А.В. Реута «Русская словесность в контексте большого времени» (2022) [2]; Е.И. Белоусовой «Российская словесность сквозь призму традиций и вызовов времени» (2023) [1].

Обсуждение и обмен опытом практического решения актуальных вопросов филологического образования продолжилось 7–9 ноября 2024 г. на Международном съезде словесников. Масштабность и значимость прошедшего события усиливалась тем, что съезд совпал с юбилеем великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, 225-летие которого отмечается в этом году.

Известно, что первый поэт России посетил Московский университет 27 сентября 1832 г. Писатель и критик И.А. Гончаров, в то время студент университета, вспоминал о появлении поэта в стенах университета, вошедшего в сопровождении товарища министра народного просвещения, графа С.С. Уварова, так: «Когда он вошел с Уваровым, для меня точно солнце озарило всю аудиторию: я в то время был в чадю обаяния от его поэзии. <...> Его гению я и все тогдашние юноши, увлекавшиеся поэзией, обязаны были непосредственным влиянием на наше эстетическое образование. <...> Читал лекцию Давыдов, профессор истории русской литературы.

“Вот вам теория искусства, – сказал Уваров, обращаясь к нам, студентам, и указывая на Давыдова, – а вот и самое искусство”, – прибавил он, указывая на Пушкина. Он эффектно отчеканил эту фразу, очевидно, заранее подготовленную. Мы все жадно впились глазами в Пушкина»¹.

¹ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 215.

Сегодня, продолжая традиции исследования и изучения творчества А.С. Пушкина, не умаляя достоинств других русских поэтов, мы говорим о нем как о национальном поэте, просветителе, заложившем основы русской литературы и русского языка, русской национальной идентичности. «Сочинения Пушкина, где дышит у него русская природа, так же тихи и беспорывны, как русская природа. Их только может совершенно понимать тот, чья душа носит в себе чисто русские элементы, кому Россия родина, чья душа так нежно организована и развилась в чувствах, что способна понять неблестящие с виду русские песни и русский дух. Потому что чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было между прочим совершенная истина»².

Пушкинский юбилей, причастность поэта к образованию и воспитанию поколений русских читателей, к сохранению традиционных российских ценностей определили пафос съезда, начавшего свою работу 7 ноября 2024 г. в Актовом зале Ломоносовского корпуса Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

На торжественном открытии ректор МГУ, заместитель председателя Общества русской словесности, академик В.А. Садовничий отметил, что основой культурного суверенитета для нас, несомненно, является А.С. Пушкин, по словам академика Д.С. Лихачева, «гений, сумевший создать идеал нации» [4, с. 51].

² Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 9 т. М., 1994. Т. 7. С. 263.

С приветственными словами к участникам съезда обратились министр просвещения Российской Федерации С.С. Кравцов, министр науки и высшего образования Российской Федерации В.Н. Фальков, советник Президента Российской Федерации Е.А. Ямпольская, председатель Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре Л.С. Гумерова, президент Российской академии образования О.Ю. Васильева. Президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы В.И. Толстой назвал обмен опытом прочтения Пушкина новыми практиками изучения его произведений, работу с молодым поколением русистов – важным для сохранения всей русской цивилизации, а не только для филологического сообщества.

С докладами выступили видные российские и зарубежные ученые. Главный научный сотрудник Отдела русской классической литературы Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН, профессор В.М. Гуминский поделился размышлениями о месте А.С. Пушкина в историческом пространстве России. Цзюань Лю, профессор Пекинского педагогического университета, директор Научно-исследовательского центра изучения России при Министерстве образования Китайской Народной Республики, доктор филологии, иностранный член РАО, осветила вопросы гуманитарной и педагогической направленности, связанные с изучением творчества А.С. Пушкина в школах и вузах Китая. Директор Русского культурно-образовательного центра «Пушкинский дом» (Южная Корея) Ким Сон Мён в своем докладе обозначила значимость Пуш-

кина как символа русской культуры. Доклад директора Всероссийского музея А.С. Пушкина, доктора культурологии, профессора С.М. Некрасова был посвящен проблеме взаимоотношений Пушкина и представителей власти. Профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук М.Ю. Сидорова продемонстрировала опыт лингвистического анализа поэтических произведений Пушкина. Заведующий кафедрой словесности ОАНО «Новая школа» С.В. Волков представил собственный опыт изучения пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин» в 9 классе. Директор Института профессионального развития педагогов, заведующий кафедрой русской литературы XX–XXI веков Московского педагогического государственного университета, доктор филологических наук, профессор Л.А. Трубина обозначила актуальный вектор обсуждения общих проблем вузовского и школьного образования – укрепление его национальных основ, подробно осветив итоги участия МПГУ в пилотном проекте по совершенствованию системы высшего образования.

Программу второго дня съезда составила работа четырех заявленных секций, посвященных исследованиям творчества поэта различной направленности. Обсуждались такие темы, как влияние пушкинских произведений на формирование русской литературы, инновации Пушкина в поэтическом языке и стиле, пушкинский текст в медиадискурсе и межкультурной коммуникации, в условиях активного использования искусственного интеллекта (секции «Отечественное и зарубежное пушкиноведение» и «Язык Пушкина»).

На секциях «Творчество Пушкина в школьном и вузовском преподавании» и «Прикладные интернет-проекты в современной образовательной среде» особое внимание было уделено методическим аспектам изучения произведений А.С. Пушкина.

Так, заведующий кафедрой методики преподавания литературы МПГУ, доктор педагогических наук, профессор В.Ф. Чертов не только вернулся к истории включения произведений Пушкина в школьные программы и учебные хрестоматии, но и обозначил проблему соотношения Пушкина «хрестоматийного» и «живого», актуального и для новых поколений читателей, формирующего у них любовь к русской литературе и культуре. В докладах профессоров кафедры методики преподавания русского языка МПГУ, докторов педагогических наук А.Д. Дейкиной и О.Н. Левушкиной было отмечено, что пушкинское слово представляет особую ценность в вопросах обучения русскому языку, развития личности учащихся, воспитания патриотических и нравственных чувств, «чувств добрых».

Включение пушкинского текста в уроки русского языка необходимо для овладения языковыми формами, в которых отражаются особенности национальной культуры народа. Заведующий кафедрой начального филологического образования имени М.Р. Львова МПГУ, кандидат филологических наук М.В. Каравашкина и доцент этой кафедры, кандидат педагогических наук Л.С. Саломатина в своих докладах актуализировали вопросы изучения художественных текстов Пушкина со студентами – будущими учителями начальных классов.

Разнообразный по исследовательскому наполнению, ценный опыт был также представлен в докладах учителей школ и преподавателей вузов из различных регионов страны, говоривших, в частности, об осуществлении принципов системности и преемственности при изучении творчества А.С. Пушкина, специфике анализа его произведений в колледжах с технической специализацией, поиске инновационных приемов работы с художественным текстом с учетом цифровой образовательной среды и реализации задач формирования личностных результатов при изучении в средней школе произведений поэта.

Выступающие делились опытом создания учащимися проектов, посвященных Пушкину, подтверждая таким образом, что «осуществление <...> проектно-исследовательской деятельности <...> организационно и содержательно коррелируется с поиском и разработкой технологий (методов) развития читательских интересов и компетенций авторов исследовательских проектов» [5, с. 84].

Принявшие участие в работе секций словесники с интересом восприняли выступления зарубежных коллег. Так, президент Ассоциации русистов Словакии, профессор Э. Колларова и преподаватель русского языка государственной языковой школы М. Буйняк (Братислава) сделали в своем докладе акцент на изучении пушкинианы в аспекте культурологического и методического диалога. Старший преподаватель Андижанского государственного университета М.А. Муллажанова (Республика Узбекистан) представила отдельные приемы, используемые ею при изучении стихотворений А.С. Пушкина и А. Навои на занятиях со студентами.

Анализ содержания докладов педагогов-исследователей подтверждает, что «методическая наука сегодня, обращаясь к проблемам чтения и читателя, учитывает новейшие работы по философии, эстетике, литературоведению (и социологии литературы как подраздела социологии культуры), социологии и психологии чтения, библиотековедению, книговедению и другим смежным наукам» [6, с. 19].

Работа съезда еще раз показала, что пушкинское слово в преподавании литературы проявляется через исследование поэтического языка, тем и стилей, воспитательного значения произведений.

Произведения Пушкина помогают развивать аналитическое мышление, эстетическое восприятие и культурную идентичность учащихся. Использование пушкинских текстов способствует глубокому пониманию литературных традиций и формированию критического мышления поколения современных читателей.

Съезд стал площадкой для сохранения и популяризации наследия великого поэта, вдохновив учителей на дальнейшие исследования и внедрение новых форм работы с литературой в учебный процесс. Это мероприятие подчеркнуло важность изучения и переосмысления поэтического наследия Пушкина для современного общества.

В программу съезда были включены четыре круглых стола: «Церковнославянский язык во взаимодействии с русским: вчера, сегодня, завтра», «Музеи А.С. Пушкина в России и за рубежом», «Пушкиниана в музыке, живописи и театральном искусстве», «К 270-летию Москов-

ского университета: филологический факультет МГУ школе и вузу: история и современность», Молодежная секция «Энциклопедия русской жизни», а также XXIV Международная научно-практическая конференция «Русское культурное пространство», посвященная 70-летию создания в Московском университете подготовительного факультета для иностранных граждан.

9 ноября состоялся Международный культурно-просветительский онлайн-проект «Русские субботы»: «Сибирь – серебряное слово...» (К. Бальмонт), организованный МГУ имени М.В. Ломоносова совместно с Литературным институтом имени А.М. Горького, Обществом русской словесности, Ассоциацией русистов Словакии (АРС), Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) и приуроченный к 100-летию В.П. Астафьева и к 95-летию В.М. Шукшина.

Ярким и запоминающимся событием стал Международный съезд учителей и преподавателей русской словесности. Обширная программа, позволившая обсудить как актуальные проблемы филологии и филологического образования, так и вопросы общей педагогики, дидактики, психологии, библиотековедения, музееведения и др.; участие образовательных, научных и культурно-просветительских организаций из самых разных регионов страны, ближнего и дальнего зарубежья; обмен опытом, живые диалоги, встречи писателей и читателей, учителей и наставников, руководителей научных школ и молодых исследователей подтвердили масштабность события.

Библиографический список

1. Белоусова Е.И. Российская словесность сквозь призму традиций и вызовов времени // Литература в школе. 2024. № 2. С. 106–114.
2. Зинин С.А., Антипова А.М., Реут А.В. Русская словесность в контексте большого времени // Литература в школе. 2022. № 3. С. 116–128.
3. Зинин С.А. Самоопределение в пространстве современности. О судьбах литературного образования // Литература в школе. 2020. № 1. С. 121–128.
4. Лихачев Д.С., Самвелян Н.Г. Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем. М., 1988.
5. Подругина И.А. Теория и практика проектно-исследовательской деятельности школьников в цифровую эпоху // Научная школа В.В. Голубкова: чтение и методика обучения литературе в информационную эпоху: монография / под ред. В.Ф. Чертова. М., 2023. С. 76–95.
6. Чертов В.Ф. Чтение и методика обучения литературе в контексте традиционного и цифрового образования // Научная школа В.В. Голубкова: чтение и методика обучения литературе в информационную эпоху: монография / под ред. В.Ф. Чертова. М., 2023. С. 6–26.

References

1. Belousova E.I. Russian literature through the prism of traditions and challenges of the times. *Literature at School*. 2024. No. 2. Pp. 106–114. (In Rus.)
2. Zinin S.A., Antipova A.M., Reut A.V. Russian literature in the context of great time. *Literature at School*. 2022. No. 3. Pp. 116–128. (In Rus.)
3. Zinin S.A. Self-determination in the space of modernity. On the fate of literary education. *Literature at School*. 2020. No. 1. Pp. 121–128. (In Rus.)
4. Likhachev D.S., Samvelyan N.G. Dialogi o dne vcherashnem, segodnyashnem i zavtrashnem [Dialogues about yesterday, today and tomorrow]. Moscow, 1988.
5. Podrugina I.A. Theory and practice of project-research activities of schoolchildren in the digital era. *Nauchnaya shkola V.V. Golubkova: chtenie i metodika obucheniya literature v informacionnuyu epohu: monografiya*. V.F. Chertov (ed.). Moscow, 2023. Pp. 76–95. (In Rus.)
6. Chertov V.F. Reading and literature teaching methods in the context of traditional and digital education. *Nauchnaya shkola V.V. Golubkova: chtenie i metodika obucheniya literature v informacionnuyu epohu: monografiya*. V.F. Chertov (ed.). Moscow, 2023. Pp. 6–26. (In Rus.)

Статья поступила в редакцию 10.11.2024, принята к публикации 30.11.2024

The article was received on 10.11.2024, accepted for publication 30.11.2024

Сведения об авторах / About the authors

Подругина Ирина Алексеевна – доктор педагогических наук; профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Irina A. Podrugina – ScD in Education; Professor at the Department of Methods of Teaching Literature, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: ia.podrugina@mpgu.su

Белоусова Елена Ивановна – кандидат педагогических наук; доцент кафедры методики преподавания литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Elena I. Belousova – PhD in Education; assistant professor at the Department of Methods of Teaching Literature, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: belousova_ei@rambler.ru

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ЛИТЕРАТУРА В ШКОЛЕ» В 2024 ГОДУ

НАШИ ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ

К 120-летию А.П. Гайдара

Н.А. Дворяшина. «За хорошую песню ничего не жалко»: песенные и музыкальные уроки А.П. Гайдара // № 1. С. 11–31.

Н.А. Дворяшина. Музыка и песня в повести А.П. Гайдара «Судьба барабанщика»: образы и смыслы // № 3. С. 23–39.

К 100-летию Ю.В. Бондарева

Л.С. Шкурат. Военная проза Ю.В. Бондарева: итоги и перспективы изучения // № 1. С. 31–44.

А.С. Артамонова. Рассказ «После бала» в свете религиозно-философских размышлений Л.Н. Толстого // № 2. С. 11–19.

И.С. Урюпин. Антиномия времени и вечности в рассказе Л.Н. Андреева «Воскресение всех мертвых» // № 2. С. 22–30.

С.В. Первалова. Тема военного детства в рассказе Б.П. Екимова «Живые помощи» // № 2. С. 31–42.

К 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина

Т.В. Краюшкина. Традиционные представления о женском труде в русских народных волшебных сказках и сказках А.С. Пушкина // № 3. С. 9–22.

К 100-летию со дня рождения В.П. Астафьева

Цзяоцзяо Ван, В.К. Сигов. Чувство родины, мотивы смерти и спасения в военной прозе В.П. Астафьева и Мо Яня // № 3. С. 40–54.

Д.В. Сердюк, С.Р. Смирнов. Переключка сюжетных мотивов в рождественских и пасхальных рассказах Л.Н. Андреева // № 4. С. 11–20.

О.В. Чагина. Языковые особенности сказовой манеры И.С. Шмелева // № 4. С. 21–32.

Т.А. Пономарева. Концепт Родина в русской поэзии 1917–1920-х годов // № 5. С. 11–22.

М.В. Баканова, Н.Г. Кузнецова. Христианский аспект творчества В.Г. Распутина // № 5. С. 23–32.

К 100-летию со дня рождения Б.Л. Васильева

Д.В. Поль. Человек в истории и нравственный закон мироздания в творчестве Б.Л. Васильева // № 5. С. 33–44.

Е.Г. Чернышева. Художественный опыт воплощения национального литературно-го типа рядового воина в «Рассказах русского солдата» Н.А. Полевого // № 6. С. 11–22.

А.И. Октябрьская-Кисничан. Нравственность как фактор национальной идентичности в рассказе М.Б. Чистякова «Русская душа» // № 6. С. 23–31.

В.А. Мескин, О.М. Васярова. Русские поэты первой половины XIX века в творчестве О.Э. Мандельштама // № 6. С. 32–44.

С.М. Заяц, Г.Н. Николаева. Семантическая роль мотива творения в рассказе Ю.М. Нагибина «Сон о Тютчеве» // № 6. С. 45–52.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТА РОССИИ

А.В. Давыдова. «Есть ночи зимней блеск и сила...»: образ зимней ночи в Северном тексте русской литературы для детей // № 1. С. 45–59.

А.Н. Семенов. Хантыйская литература как философия мировидения // № 2. С. 43–57.

А.В. Давыдова. Образ деревни в Северном тексте русской литературы XXI века для детей // № 6. С. 53–68.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТА МИРА

Н.Е. Ерофеева, Л.В. Кипнес. Ученый-гуманист как новый тип национального героя в драме «Абу Райхан Беруни» Р. Атакузиева (Уйгуна) // № 1. С. 60–69.

А.Д. Шиганкова. Генезис и функции эпитафий в романе Д. Моггак «Тюльпанная лихорадка» // № 2. С. 58–69.

С.Ж. Кенжебаева. Конфликт индивидуального и коллективного в традиционном обществе: анализ повести «Джамиля» Ч.Т. Айтматова // № 5. С. 45–54.

Е.Н. Черноземова. Образ Купидона в английской драматургии конца XVI века // № 6. С. 69–76.

М.В. Мясникова. Рецепция «Опытов» М. де Монтеня в творчестве Дж. Барнса // № 6. С. 77–85.

СЛОВО. ОБРАЗ. СМЫСЛ

Н.Н. Пуряева. «Я родилась в порфире... на ступенях российского престола»: образ царевны Софьи в литературных произведениях XVIII–XXI вв. // № 1. С. 70–79.

Т.Ю. Климова. Время как литературоведческая категория (на материале рассказов О.Н. Ермакова) // № 3. С. 55–66.

М.Ю. Елепова, Т.В. Варфаламеева. Жанровая репрезентация позиций повествователя в романе И.Л. Щеголова-Леонтьева «Гордиев узел» // № 3. С. 67–79.

А.Ю. Мананникова. Музыкальный экфрасис в малой прозе 80–90-х гг. XIX века (на материале произведений Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Чехова) // № 4. С. 33–43.

Цзясюань Сун. Мотив австрийской измены в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» и его источники // № 4. С. 44–54.

С.А. Румянцева. «Рыцарь из Нюрнберга» О.Д. Форш: образ художника и мотивный след доктора Фауста (поиск исторического прототипа в рамках историко-биографического метода) // № 4. С. 55–65.

М.М. Голубков. «Шестое доказательство»: нравственный императив Канта как код прочтения М.А. Булгакова («Мастер и Маргарита») и Н.А. Заболоцкого («Где-то в поле, возле Магадана...») // № 5. С. 55–65.

Цзыцзин Чжу. К вопросу о мифопоэтике «Записок юного врача» М.А. Булгакова // № 5. С. 66–76.

С.А. Кочетова. Семантика имени героя как способ существования человека в стиле повести М. Тарковского «Полет совы» // № 5. С. 77–86.

ПОИСК. ТВОРЧЕСТВО. МАСТЕРСТВО

М.И. Шутан. Идея содержательности формы и школьный анализ литературного произведения (на примере урока по рассказу А.Н. Толстого «Русский характер» в 8 классе) // № 1. С. 94–104.

А.М. Шуралёв, Л.Х. Асаева. Анализ внутритекстовых интермедийных включений при подготовке школьников к итоговому сочинению // № 1. С. 105–116.

С.М. Бичурина. Изучение лирического цикла Н.А. Некрасова «Последние песни» в 10 классе // № 1. С. 117–128.

В.Ф. Чертов, Д.В. Панченко. Звуковой ландшафт урока литературы // № 2. С. 80–95.

К 100-летию В.П. Астафьева

А.М. Шуралёв, А.О. Саранова. Концепт «щедрость» в контексте рассказа В.П. Астафьева «Бабушка с малиной»: методический аспект // № 2. С. 96–105.

И.В. Сосновская, Н.П. Терентьева. Проблема развития эмоционального интеллекта читателя-школьника: методический аспект // № 3. С. 94–108.

И.В. Сосновская, Н.П. Терентьева. Проблема развития эмоционального интеллекта школьников при изучении лирических произведений // № 4. С. 66–79.

М.А. Аристова, Ж.Н. Кришарова. Изменения в федеральной образовательной программе по учебному предмету «Литература» // № 4. С. 80–94.

М.А. Гулева. Развитие читательской грамотности в общеобразовательных школах Китая // № 4. С. 95–104.

К 110-летию со дня рождения А. Кешокова

А.М. Шуралёв. Поэзия А. Кешокова в контексте школьного литературного образования // № 4. С. 105–114.

Л.А. Крылова. От эссе к творческим жанрам сочинений в школе и вузе // № 5. С. 87–100.

А.В. Кулагин. «Мы не поздно пришли и не рано...»: факультативное занятие по песенной поэзии М.Л. Анчарова // № 5. С. 101–109.

Н.В. Проданик. Формирование коммуникативной культуры читателя и образовательный потенциал литературной критики // № 5. С. 110–119.

Л.Х. Асаева. Развитие интерпретационных умений семиклассников при изучении стихотворения М.Ю. Лермонтова «Ангел»: интермедиаальный аспект // № 5. С. 120–128.

Д.В. Панченко. Чтение как пространство духовного наследования // № 6. С. 86–96.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Э.С. Афанасьев. Проблема драматической вины персонажей пьесы А.П. Чехова «Три сестры» // № 1. С. 80–93.

В.А. Мескин. Единство чувственных восприятий. Поэтика прозы И.А. Бунина // № 2. С. 70–79.

Э.С. Афанасьев. Пьеса А.П. Чехова «Вишневый сад»: жизнь как игра // № 3. С. 80–93.

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ

Ю.Ю. Бондарев. Подкаст как медиаформат диалога с автором (на примере изучения творчества И.А. Бродского) // № 6. С. 97–105.

МЕТОДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Е.С. Романичева. Российская методическая традиция «воспитания через чтение»: осмысление итогов XX века, возможные направления развития // № 3. С. 109–121.

К 110-летию со дня основания журнала «Родной язык в школе»

Ю.В. Лазарев. Образ учителя на страницах журнала «Родной язык в школе» (1914–1917 гг.) // № 6. С. 106–114.

СОБЫТИЯ. ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

О IV съезде Общества русской словесности, Международном педагогическом конгрессе «Наследие К.Д. Ушинского и современное образование»

и Международном съезде учителей и преподавателей русской словесности

Е.И. Белоусова. Российская словесность сквозь призму традиций и вызовов времени // № 2. С. 106–114.

Т.Н. Маркова. Новые герои новой военной прозы: «Ополченский романс» З. Прилепина // № 2. С. 115–128.

О XXXVI Пуришевских чтениях

М.И. Никола. Исторический дискурс в зарубежной литературе // № 3. С. 122–128.

В.А. Доманский. Произведения классики в современных театральных постановках: сценические интерпретации и пастиши // № 4. С. 115–128.

О Международном съезде учителей и преподавателей русской словесности, посвященном 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина

И.А. Подругина, Е.И. Белоусова. Ценностные ориентиры и продуктивные технологии современного филологического образования: диалог профессионалов // № 6. С. 115–122.

SUBJECT INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN THE JOURNAL “LITERATURE AT SCHOOL” IN 2024

OUR SPIRITUAL VALUES

On the 120th anniversary of A.P. Gaidar

N.A. Dvoryashina. “Nothing must be spared for a good song”: Song and music lessons by A.P. Gaidar. No. 1. Pp. 11–31.

N.A. Dvoryashina. Music and song in A.P. Gaidar’s story “The Fate of the Drummer”: Images and narratives. No. 3. Pp. 23–39.

On the 100th anniversary of Yu.V. Bondarev

L.S. Shkurat. Military prose by Yu.V. Bondarev: Results and perspectives of study. No. 1. Pp. 32–44.

A.S. Artamonova. “After the Ball” by Leo Tolstoy in the context of his religious and philosophical ideas. No. 2. Pp. 11–19.

I.S. Uryupin. Antinomia of time and eternity in the story “The Resurrection of All the Dead” by L.N. Andreev. No. 2. Pp. 20–30.

S.V. Perevalova. The theme of the war childhood in the story “Live help” by B.P. Ekimov. No. 2. Pp. 31–42.

On the 225th anniversary of A.S. Pushkin

T.V. Krayushkina. Traditional ideas about women’s labor in Russian folk fairy tales and fairy tales by A.S. Pushkin. No. 3. Pp. 9–22.

On the 100th anniversary of V.P. Astafiev

Jiaojiao Wang, V.K. Sigov. The feeling of motherland, motifs of death and salvation in the military prose by V.P. Astafiev and Mo Yan. No. 3. Pp. 40–54.

D.V. Serdyuk, S.R. Smirnov. Intersections of narrative motifs in Christmas and Easter short stories by L.N. Andreev. No. 4. Pp. 11–20.

O.V. Chagina. Language features of the tale-telling manner of I.S. Shmelev. No. 4. Pp. 21–32.

T.A. Ponomareva. The concept of Motherland in Russian poetry of the 1917–1920-s. No. 5. Pp. 11–22.

M.V. Bakanova, N.G. Kuznetsova. The Christian aspect of V.G. Rasputin’s work. No. 5. Pp. 23–32.

On the 100th anniversary of B.L. Vasiliev

D.V. Paul. Man in history and the moral law of the universe in the works of B.L. Vasiliev. No. 5. Pp. 33–44.

E.G. Chernysheva. Literary experience of actualizing the national literature type of common soldier in “Told by Russian Soldier” by N.A. Polevoy. No. 6. Pp. 11–22.

A.I. Oktyabrskaya-Kisnichan. Morality as a Factor of National Identity in M. Chistyakov’s short story “The Russian Soul”. No. 6. Pp. 23–31.

V.A. Meskin, O.M. Vasiyarova. Russian poets of the first half of the 19th century in the works of O.E. Mandelstam. No. 6. Pp. 32–44.

S.M. Zayats, G.N. Nikolaeva. The semantic role of the creative motive in the story “A dream of Tyutchev” by Yu.M. Nagibin. No. 6. Pp. 45–52.

LITERARY MAP OF RUSSIA

A.V. Davydova. “There’s might and glitter of a winter night...”: The image of a winter night in the Northern text of Russian literature for children. No. 1. Pp. 45–59.

A.N. Semenov. Khanty literature as a philosophy of worldview. No. 2. Pp. 43–57.

A.V. Davydova. The image of the village in the northern text of Russian literature for children of the beginning of the 21st century. No. 6. Pp. 53–68.

LITERARY MAP OF WORLD

N.E. Erofeeva, L.V. Kipnes. The scientist-humanist as a new national hero in the drama "Abu Rayhan Beruni" by R. Atakuziev (Uygun). No. 1. Pp. 60–69.

A.D. Shigankova. Genesis and functions of epigraphs in the novel "Tulip Fever" by D. Moggach. No. 1. Pp. 58–69.

S.Zh. Kenzhebaeva. The conflict between the individual and the collective in traditional society: The case study of the novel "Jamila" by Chingiz Aitmatov. No. 5. Pp. 45–54.

E.N. Chernozemova. The image of Cupid in the English drama of the late 16th century. No. 6. Pp. 69–76.

M.V. Myasnikova. The reception of M. de Montaigne's "Essays" in J. Barnes' works. No. 6. Pp. 77–85.

WORD. IMAGE. MEANING

N.N. Puriaeva. "I was born in royal purple... on the steps of the Russian throne": The image of Princess Sophia in literary works of the 18th–21st centuries. No. 1. Pp. 70–79.

T.Y. Klimova. Time as a literary category (based on the stories by O.N. Ermakov). No. 3. Pp. 55–66.

M.Yu. Elepova, T.V. Varfalameeva. Genre representation of the narrator's position in I.L. Shcheglov-Leontiev's novel "The Gordian knot". No. 3. Pp. 67–79.

A.Yu. Manannikova. Musical ekphrasis in short fiction of the 1880–1890-s (on the basis of L.N. Tolstoy's, I.S. Turgenev's, and A.P. Chekhov's works). No. 4. Pp. 33–43.

Jiaxuan Song. The motif of Austrian treason in L.N. Tolstoy's "War and Peace" and its sources. No. 4. Pp. 44–54.

S.A. Rumyantseva. "The Knight from Nuremberg" by O.D. Forsh: The image of the artist and the motivic trace of Dr. Faustus (the search for a historical prototype within the framework of the historical and biographical method). No. 4. Pp. 55–65.

M.M. Golubkov. "The Sixth Proof": Kant's moral imperative as a code for reading M.A. Bulgakov ("The Master and Margarita") and N.A. Zabolotsky ("Somewhere in a Field, near Magadan..."). No. 5. Pp. 55–65.

Zijing Zhu. On the mythopoetics of M.A. Bulgakov's "Notes of a young doctor". No. 5. Pp. 66–76.

S.A. Kochetova. The semantics of the character's name as a way of human existence in the style of M. Tarkovsky's "Flight of the Owl". No. 5. Pp. 77–86.

SEARCH. CREATIVITY. SKILL

M.I. Shutan. The idea of the meaningful form and school analysis of a literary work (case study of a lesson on the story "Russian character" by A.N. Tolstoy in grade 8). No. 1. Pp. 94–104.

A.M. Shuralev, L.Kh. Asayeva. Analysis of intertextual intermedial inclusions when preparing students for the final essay. No. 1. Pp. 95–116.

S.M. Bichurina. Studying N.A. Nekrasov's lyrical cycle "The Last Songs" in the 10th grade. No. 1. Pp. 117–128.

V.F. Chertov, D.V. Panchenko. Soundscape of a literature lesson. No. 2. Pp. 80–95.

On the 100th anniversary of V.P. Astafiev

A.M. Shuralev, A.O. Saranova. The concept of "generosity" in the context of V.P. Astafiev's short story "Grandma with raspberries": A methodological aspect. No. 2. Pp. 96–105.

I.V. Sosnovskaya, N.P. Terentyeva. The problem of developing the emotional intelligence of a student reader: A methodological aspect. No. 3. Pp. 94–108.

I.V. Sosnovskaya, N.P. Terentyeva. The problem of development of emotional intelligence of schoolchildren in the study of lyrical works. No. 4. Pp. 66–79.

M.A. Aristova, Z.N. Kritarova. Alterations to the federal working program on the "Literature" academic subject. No. 4. Pp. 80–94.

M.A. Guleva. Developing reading literacy in secondary schools in China. No. 4. Pp. 95–104.

On the 110th anniversary of A. Keshokov

A.M. Shuralev. A. Keshokov's poetry in the context of school literary education. No. 4. Pp. 105–114.

L.A. Krylova. From essays to creative genres of compositions at school and university. No. 5. Pp. 87–100.

A.V. Kulagin. "We were neither late nor early...": An extracurricular lesson on M.L. Ancharov's song poetry. No. 5. Pp. 101–109.

N.V. Prodanik. Development of communicative culture of a reader and the educational potential of literary criticism. No. 5. Pp. 110–119.

L.Kh. Asayeva. Developing interpretive skills of seventh graders when studying M.Yu. Lermontov's poem "Angel": An intermedial aspect. No. 5. Pp. 120–128.

D.V. Panchenko. Reading as the space of spiritual inheritance. No. 6. Pp. 86–96.

POINT OF VIEW

E.S. Afanasyev. The problem of the dramatic guilt of the characters in A.P. Chekhov's play "Three Sisters". No. 1. Pp. 80–93.

V.A. Meskin. The unity of sensual perceptions. Poetics of Ivan Bunin's prose. No. 2. Pp. 70–79.

E.S. Afanasyev. A.P. Chekhov's "Cherry Orchard": Life as a game. No. 3. Pp. 80–93.

MEDIA EDUCATION

Yu.Yu. Bondarev. Podcast as a media format of dialogue with the author (using the example of studying J.A. Brodsky's oeuvre). No. 6. Pp. 97–105.

METHODOLOGICAL HERITAGE

E.S. Romanicheva. The Russian methodological tradition of "education through reading": Understanding the results of the XXth century, possible directions of development. No. 3. Pp. 109–121.

On the 110th anniversary of the journal "Native Language at School"

Yu.V. Lazarev. The image of a teacher on the pages of the journal "Native Language in School" (1914–1917). No. 6. Pp. 106–114.

EVENTS. REVIEWS. CRITIQUES

On the IVth Congress of the Society of Russian Literature, the International Pedagogical Congress "The Legacy of K.D. Ushinsky and modern education" and the International Congress of Teachers and Lecturers of the Russian Language and Literature

E.I. Belousova. Russian literature through the prism of traditions and challenges of time. No. 2. Pp. 106–114.

T.N. Markova. New heroes of the new military prose: "Militia Romance" by Z. Prilepin. No. 2. Pp. 115–128.

On the XXXVIth Purishev Readings

M.I. Nikola. Historical discourse in foreign literature. No. 3. Pp. 121–128.

V.A. Domansky. Classic works in modern theatre productions: Stage interpretations and pastiches. No. 4. Pp. 115–128.

On the International Congress of Teachers and Lecturers of Russian Language and Literature, dedicated to the 225th anniversary of the birth of A.S. Pushkin

I.A. Podrugina, E.I. Belousova. Value guidelines and productive technologies of modern philological education: Dialogue of professionals. No. 6. Pp. 115–122.